

С.А. КРОПАЧЕВ

ОТ ЛЖИ К ПОКАЯНИЮ

Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах

Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах

ОТ ЛЖИ К ПОКАЯНИЮ

С.А. КРОПАЧЕВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

С.А. КРОПАЧЕВ

ОТ ЛЖИ К ПОКАЯНИЮ

**Отечественная историография о масштабах
репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 343.43(091)
ББК 63.3(2)615-4
К 83

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А. Ю. Чирг*,
доктор исторических наук, профессор *А. Н. Еремеева*,
кандидат исторических наук, профессор *В. Е. Щетнев*

Кропачев С. А.

К 83 От лжи к покаянию. Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах. Монография. / С. А. Кропачев. — СПб.: Алетейя, 2011. — 192 с., ил.

ISBN 978-5-91419-482-3

Монография посвящена анализу отечественной историографии масштабов массовых политических репрессий в 1937–1938 годах и потерь СССР в период Великой Отечественной войны. Имея разные причины возникновения, эти события привели к невосполнимым людским утратам, гибели миллионов соотечественников, негативным экономическим, социальным, культурным, ментальным последствиям. За более чем семьдесят лет отечественная историография прошла несколько этапов в изучении столь сложных и острых тем. Автор рассматривает взгляды отечественных историков советского, перестроечного и постсоветского (российского) периодов, от первых публикаций второй половины 1930-х годов до новейших исследований. Историографический анализ представлен на широком фоне исторических событий.

Монография адресована научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, студентам, всем, кто интересуется отечественной историей и историографией XX века.

УДК 343.43(091)

ББК 63.3(2)615-4

ISBN 978-5-91419-482-3

9 785914 194823

© С. А. Кропачев, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*

Корректор *Д. А. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г. Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53. Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru, aletheia@peterstar.ru

www.aletheia.spb.ru

Подписано в печать 16.01.2011

Формат 60x88 1/8. Усл. печ. л. 12,5. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ № 3686

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП «Типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ПРЕДИСЛОВИЕ

Массовые политические репрессии 1930-х годов, Великая Отечественная война имели для нации необратимые последствия, прежде всего, демографические. Разные по причинам возникновения, эти события привели к невозполнимым людским утратам, гибели миллионов соотечественников, негативным экономическим, социальным, культурным, ментальным последствиям. «Большой террор» – массовые политические репрессии, развязанные сталинским режимом против собственного народа, – привел к тому, что за 1937–1938 годы по политическим мотивам было осуждено 1 344 923 человека¹, из которых каждый второй расстрелян². Государство убивало в эти годы одну тысячу своих граждан ежедневно. Террор нанес огромный урон всем сферам жизни общества. Произволу подверглись сотни тысяч ни в чем не повинных людей, многие из которых имели значительный профессиональный и жизненный опыт, знания, были преданы Родине. Репрессии обезглавили промышленность, армию, сферу образования, науки, культуры. Произошло это накануне самой драматичной и масштабной войны XX века. Только в Красной Армии в годы «большого террора» было незаконно репрессировано около 40 тысяч офицеров³. Государственный террор объективно ослабил страну и армию в преддверии войны с фашизмом. 30 октября 2009 года, в День памяти жертв политических репрессий, Президент России Д. А. Медведев в своем официальном обращении заявил: «Давайте только задумаемся: миллионы людей погибли в результате террора и ложных обвинений, миллионы были лишены всех прав. Даже права на достойное человеческое погребение, а долгие годы их имена были просто вычеркнуты из истории. Но до сих пор можно слышать, что эти многочисленные жертвы были оправданы некими высшими государственными целями. Я убежден, что никакое развитие страны,

¹ Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. М., 2000. С. 316–317.

² Там же. С. 318.

³ За 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны Красная Армия потеряла 180 человек высшего состава от командира дивизии и выше (112 командиров дивизий, 46 командиров корпусов, 15 командующих армиями, 4 начальника штаба фронта и 3 командующих фронтами), а за несколько предвоенных лет (в основном в 1937 и 1938 гг.) было по надуманным сфабрикованным политическим обвинениям арестовано и опозорено более 500 командиров в звании от комбрига до Маршала Советского Союза, из них 29 умерли под стражей, а 412 расстреляны // *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998. С. 317.

никакие ее успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь.

Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправдания»¹. Что-то добавить к этим словам трудно.

Следствием в том числе и массовых политических репрессий стало для СССР катастрофическое начало Великой Отечественной войны. В первые месяцы войны особенно, да и на всем ее протяжении, советское руководство и, прежде всего Сталин, мало заботила цена победы или поражения. Они исходили из неисчерпаемости людского и материального потенциала СССР. Поэтому жизнью солдат и офицеров не дорожили. Спустя почти пятьдесят лет после начала Великой Отечественной войны, писатель-фронтовик В. Кондратьев написал: «Немцы воюют расчетливее, стараясь избежать лишних жертв»². Итогом такого отношения к «человеческому материалу» явились огромные невосполнимые людские потери советского государства в 1941–1945 годах. Последняя из официально названных цифр жертв войны – 27 млн. человек³ не является окончательной. Известно, что это количество было получено путем сопоставления оценок о числе населения СССР накануне и после окончания войны⁴. А они далеки от совершенства. Говоря о масштабах потерь в Великой Отечественной войне, Президент России Д. А. Медведев сказал: «...27 миллионов – это колоссальные, невероятные, просто запредельные цифры. Но мы не должны здесь упрощать ситуацию. Мы должны довести эту работу до конца»⁵. Довести до конца работу по выявлению истинных причин, масштабов и последствий указанных событий есть не только важнейшая научная, но и нравственная задача. «Большой террор», итоги Великой Отечественной войны – это не только наше вчера, но и сегодняшняя боль. И не только потому, что мы не знаем дорогу к могилам всех несправедливо осужденных, замученных, расстрелянных, и не только потому, что не все солдаты последней войны преданы земле с подобающими почестями. В обществе не была осуждена идеология сталинизма, как когда-то был отвергнут и преодолен фашизм. Осмысление драматических событий второй половины 1930-х–середины 1940-х

¹ Вести «Московского Мемориала». 2009. № 4 (18).

² Коммунист. 1990. № 7. С. 123.

³ Горбачев М. С. Уроки войны и победы // Известия. 1990. 9 мая.

⁴ Мерцалов А., Мерцалова Л. Сталинизм и война. М., 1998. С. 389.

⁵ Известия. 2010. 7 мая.

годов и их последствий за последние более чем семьдесят лет прошло сложный и извилистый путь. От прямых фальсификаций и лжи о масштабах репрессий и истинных потерь СССР в войне до глубоких и объективных исследований, которые приближают нас к исторической правде. На разных этапах послевоенной отечественной истории вопрос о масштабах репрессий и потерях в войне становился предметом острых научных дискуссий, политических игр, идеологических противоборств. В советский период предвоенная и военная история стали заложниками глобального противостояния между Востоком и Западом, аргументами в споре об исторических преимуществах того или иного общественно-политического строя.

Сегодня в отечественной историографии выделяются три течения, авторы которых по-разному оценивают «большой террор», последнюю войну и их демографические последствия. Первое течение – радикальное. К нему мы отнесем авторов коллективной монографии «Советская историография»¹, а также тех исследователей, которые называют альтернативные оценки потерь СССР в 1937–1945 гг., резко критикуют официальную советскую историографию, называя ее наукой «фальсифицировавшей историю, деформировавшей сознание, насаждавшей мифы»². Это работы Б. В. Соколова, В. Г. Первышина, Ю. Геллера и др. А. Н. и Л. А. Мерцаловы назвали лидера этого течения Б. В. Соколова «своеобразным экстремистом». К этому течению, безусловно, можно отнести яркую, но неоднозначную публицистику А. И. Солженицына, Р. А. Медведева, В. Суворова, А. Антонова-Овсеенко и других. Второе течение мы условно назовем консервативным. Авторы этого течения не приемлют отрицания всего того, что было сделано советской исторической наукой, прежде всего, в исследовании Великой Отечественной войны, продолжают писать об историческом значении победы СССР, массовых политических репрессиях 1930-х годов как о некоем очистительном для советского общества явлении (М. Гареев, О. Ржешевский, Г. Кривошеев, В. Кожинов, А. Анфилов и др.). К сожалению, часто авторы, которых мы относим к консервативному направлению, приписывают исследователям, пытающимся выяснить истинные масштабы репрессий и потерь СССР в войне, не свойственное им намерение «обесценить нашу победу необоснованно большими жертвами»³. Справедливо писали А. и Л. Мерца-

¹ Советская историография. М., 1996.

² Советская историография. С. 9.

³ Мерцалов А., Мерцалова Л. Сталинизм и война. С. 390.

ловы: «Высокая цена победы – такой же реальный факт истории, как и решающая роль СССР в войне. Первая не может затмить второй, так же как и вторая не позволяет забывать о первой»¹. Ко второму течению мы также отнесем работы авторов, настроенных явно просталински. Они объединены, прежде всего, вокруг московских издательств «Яуза» и «Эксмо», выпускающих небесспорные книги под рубрикой «Сталин. Великая эпоха» (Д. Лысков, А. Мартиросян, авторы сборника «Неправда Виктора Суворова» и др.). К сожалению, очень часто просталинисты идут по пути отрицания очевидных явлений в истории – массовых политических репрессий, непомерно больших жертв войны, оправдания насилия и теневых сторон предвоенной и военной истории СССР. Третье течение – объективистское. Его появление неразрывно связано с событиями рубежа 1980–1990-х годов. Снятие политической цензуры, идеологических запретов привело к появлению такой научной среды, в которой самой важной задачей исследователя становится научный результат, без оглядки на «власть предрешающую». Авторы данного течения, исповедуя принцип объективности и историзма, стремятся к выявлению истинных масштабов потерь СССР в предвоенное и военное время, не смешивая понятия историческая правда и псевдопатриотизм (В. Жиромская, О. Хлевнюк, В. Хаустов, А. Мерцалова, Л. Мерцалова, В. Земсков, О. Сувениров, П. Полян, В. Исупов, Ю. Поляков и др.).

Существенный вклад в изучение проблемы вносят книги, выходящие в серии «История сталинизма». По состоянию на май 2010 г. «увидело свет» 56 публикаций этой серии.

Достижения и успехи отечественной науки в исследовании драматических страниц истории очень важны в аспекте формирования исторического сознания российского общества. Важным представляется проблема подготовки учебников для школы и вуза. В последние годы очень много критики обрушилось на учебную литературу по отечественной истории. Справедливо сказал Президент России Д. А. Медведев: «...отношение к войне действительно формируется на книжном уровне, в период, когда люди начинают читать. В том смысле миссия учебников, миссия исторической литературы абсолютно очевидна»².

¹ Мерцалов А., Мерцалова Л. Сталинизм и война. С. 391.

² Известия. 2010. 7 мая.

В этом году исполняется двадцать лет участия автора в работе общества «Мемориал». Без этого общества, людей, посвятивших свою жизнь изучению проблем политического террора, увековечиванию памяти его жертв, а самое главное – формированию в обществе демократических механизмов, которые исключили бы вероятность повторения государственного произвола в любых формах и масштабах выход настоящей книги «в свет» был бы невозможен. Автор благодарит председателя правления Международного общества «Мемориал» Арсения Борисовича Рогинского за поддержку и приглашение на международную научную конференцию «1937–1938 гг.: Апогей Большого Сталинского террора», которая состоялась в Париже, в декабре 2007 г. Анализу докладов, сообщений и дискуссий конференции в монографии представлен в отдельном приложении. Мы благодарны члену правления Российского общества «Мемориал» Борису Исаевичу Беленкину и сотруднику НИПЦ «Мемориал» Яну Збигневичу Рачинскому за значительную помощь, оказанную при подготовке сборника. Хотелось выразить слова признательности французским историкам А. Блюму и Н. Верту за профессиональное общение и советы.

В соответствии с Законом РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», распоряжением Правительства РФ от 26 августа 1995 г. № 177-р, постановлением Законодательного Собрания Краснодарского края от 18 марта 1997 г. № 559 – п «Положение о краевой Книге Памяти» и постановлением главы администрации Краснодарского края от 24 апреля 1997 г. № 157 «Об издании краевой Книги Памяти» в Краснодарском крае ведется сбор документов и издание краевой Книги Памяти. Эта работа координируется администрацией Краснодарского края, краевым военным комиссариатом, краснодарским краевым советом ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, краснодарским краевым советом Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры». Автор в качестве члена редакционной коллегии принимал участие в подготовке и публикации Книги памяти. По состоянию на 1 января 2005 года издан двадцать один том краевой Книги, в который поименно внесены фамилии 476 тысяч кубанцев, погибших в годы Великой Отечественной войны. Эта серия краевой Книги Памяти стала лауреатом премии администрации Краснодарского края в области культуры за 1999 год. Второй проект, который сегодня реализуется – это издание в соответствии с постановлени-

ем главы администрации края № 929 от 23 сентября 2003 г. Книги Памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю. Автор в качестве научного консультанта и председателя Правления краснодарского краевого отделения Российского благотворительно-го, историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал» (Российский «Мемориал») активно участвует в этой работе. Изданы два тома Книги Памяти жертв политических репрессий, в которых содержатся биографические данные на 8865 кубанцев, подвергавшихся судебным или внесудебным преследованиям по политическим мотивам. В настоящее время идет подготовка третьего тома. Большая работа проделана по созданию Единой электронной базы данных репрессированных и реабилитированных на территории Краснодарского края. В 2005 году краевое общество «Мемориал» стало победителем конкурса грантов администрации Краснодарского края для поддержки общественно полезных программ общественных объединений за проект «Трагические судьбы – возвращенные имена». На средства гранта была создана Единая электронная база данных, которая сегодня насчитывает около 40 тысяч биографических справок на реабилитированных кубанцев, репрессированных в 1930–1940-е и другие годы. В нее занесены данные из судебно-следственных дел архива УФСБ по Краснодарскому краю, списков административно высланных (кулаки, депортированные народы) архива ГУВД по краю, другие материалы. Был также создан Интернет сайт www.kubanmemo.ru, который обеспечивает с помощью системы поиска возможность нахождения интересующих сведений о репрессированных гражданах. Подготовлен и направлен заинтересованным организациям компакт-диск, являющийся статичным аналогом указанного сайта. Работа краснодарского общества «Мемориал» по увековечению памяти жертв политических репрессий получила благословение митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора. Материалы монографии были использованы при подготовке «Книги Памяти жертв незаконных политических репрессий Ставропольского края¹». Факты и выводы, представленные в исследовании, нашли отражение в учебниках и учебных пособиях по истории Краснодарского края².

¹ См.: Книга Памяти жертв незаконных политических репрессий Ставропольского края. Т. 9. Ставрополь, 1999.

² См.: История Кубани XX век: очерки. Краснодар, 1998; История Кубани с древнейших времен до конца XX века: учебник для высших учебных заведений. Краснодар, 2004.

С 2002 г. Краснодарское краевое отделение общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал» является организатором Всероссийских научных конференций под общим названием «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР». Состоялось шесть конференций, на которых рассматривались наиболее крупные проблемы политических репрессий – осуществление «Антикулацкой» операции НКВД СССР 1937–1938 гг., масштабы голода 1932–1933 гг. и др. Подготовка к этим конференциям, выступления с докладами явились для нас стимулом к научной работе, изучению сложных проблем советской истории 1930–1940-х годов.

С особой благодарностью отмечу работу сотрудников краевого отделения Российского «Мемориала» Виктора Алексеевича Гаскевича и Татьяны Викторовны Поярковой, которые оказывают автору постоянную помощь в исследовательской деятельности. Спасибо моему учителю, члену правления краевого общества «Мемориал», профессору Кубанского университета Валерию Евгеньевичу Щетневу за то, что привил вкус к науке и научил свободно мыслить.

Большое спасибо за поддержку и советы моему научному консультанту, доктору исторических наук, профессору ИРИ РАН Жиромской Валентине Борисовне.

Благодарю также Наталью Георгиевну Якимову за огромную помощь в подготовке рукописи к печати.

*С. А. Кропачев,
декабрь, 2010*

1. ИТОГИ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА» И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1.1. Массовые репрессии в 1937–1938 годах: причины, масштаб, последствия

Целью данного параграфа является выявление масштабов массовых политических репрессий в СССР в 1937–1938 годах. Учитывая сложность поставленной цели и ограниченность формата исследования, назовём лишь основные причины, «волны» репрессий, их масштабы и последствия в обозначенные годы.

С 23 февраля по 5 марта 1937 года состоялся печально известный Пленум ЦК ВКП(б), на котором 3 марта с основным докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» выступил И. В. Сталин, повторивший свой известный вывод об обострении классовой борьбы. Он заявил: «...чем больше будем продвигаться вперёд, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обречённых»¹. Главными врагами советского государства были объявлены троцкисты, превратившиеся, по мнению И. В. Сталина, «... в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов»². Он призвал «в борьбе с современным троцкизмом» применять... «не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчёвывания и разгрома»³. Фактически это была чётко сформулированная перед НКВД СССР задача на уничтожение «врагов народа». В Заключительном слове на Пленуме 5 марта 1937 года И. В. Сталин, опираясь на результаты партийной дискуссии 1927 года, даже назвал конкретное (!) количество «врагов» – 30 тысяч троцкистов, зино-

¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. Март 1934–1940. М., 1997. С. 166.

² Там же. С. 164.

³ Там же.

вьевцев и всякой другой «шушеры: правые и прочие...»¹. К моменту Пленума из них уже было арестовано 18 тысяч человек. Таким образом, «врагов», по-Сталину, осталось «всего» 12 тысяч².

В резолюции Пленума, принятой 3 марта 1937 года по докладу Н. И. Ежова³, «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» были одобрены «мероприятия ЦК ВКП(б) по разгрому антисоветской, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистов и иных двурушников»⁴. Органы НКВД СССР фактически получили неограниченные полномочия в деле «разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма»⁵.

После окончания Пленума начались (а точнее – продолжились) многочисленные аресты «троцкистов», «зиновьевцев», «правых», «шляпниковцев» и др. на всей территории страны. С 14 по 29 мая 1937 года были произведены аресты высшего военного командования (М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич и др.) по делу так называемого военно-фашистского заговора. 23 мая 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Вопрос НКВД», по которому было решено «всех исключённых из ВКП(б) за принадлежность к... антисоветским формированиям выселить из Москвы⁶, Ленинграда, Киева в административном порядке в непромышленные районы Союза и прикрепить для жительства к определённым пунктам»⁷. По постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 июня 1937 года «О выселении семей троцкистов и правых» было решено «поручить НКВД произвести выселение из пределов Азово-Черноморского края в один из районов Казахстана семей арестованных троцкистов и правых»⁸.

«Враги народа» выявлялись и в массовом порядке арестовывались, члены их семей высылались в окраинные районы страны,

¹ Там же. С. 204.

² Там же. С. 205.

³ 3 сентября 1936 года – нарком внутренних дел СССР.

⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 112.

⁵ Там же.

⁶ В спецдонесении Н. И. Ежова И. В. Сталину от 22 мая 1937 года указывалось, что только в Москве проживало 4000 троцкистов и зиновьевцев, исключённых в разное время из ВКП(б) // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 186.

⁷ Там же. С. 189.

⁸ Там же. С. 216.

НКВД разоблачал одну за другой «антисоветскую», «фашистскую», «террористическую» организацию. Главным героем газетных публикаций постепенно становился наркомвнуделец (а не партработник, как ранее), его антиподом — двуличный, хитрый, коварный шпион, вредитель, диверсант, которого призывал «громить» и «выкорчёвывать» И. В. Сталин в марте 1937 года. Разоблачение сотен тысяч неожиданно появившихся «врагов народа» проходило на фоне нарастающего массового политического психоза, истерии и народного негодования, умело подогревавшихся и направлявшихся партийными органами всех уровней.

Спустя неполных четыре месяца после окончания февральско-мартовского Пленума, 2 июля 1937 года вышло Постановление Политбюро с типичным, «конвейерным» для этого периода названием «Об антисоветских элементах»¹. Этим Постановлением ЦК ВКП(б) предложил «всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учёт всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки², а остальные менее активные, но всё же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД»³. Упомянутым в Постановлении должностным лицам предлагалось «в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке»⁴.

Чтобы уничтожить своих бывших оппонентов, Сталин «спрятался» за бывших кулаков и уголовников. Теперь именно они объявлялись «главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений»⁵. Начиная с 5 июля 1937 года, Политбюро ЦК ВКП(б) своими Постановлениями утверждает персональные составы «троек» по проверке антисоветских элементов в ряде краёв,

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 234.

² «Тройки» как внесудебный орган были созданы 29 октября 1929 года циркуляром ОГПУ в центральном аппарате этого ведомства для предварительного рассмотрения законченных следственных дел и последующего доклада на судебных заседаниях коллегии или Особого совещания управления. До 1937 года правом выносить расстрельные приговоры не обладали // Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 81.

³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 235.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 234.

областей и республик СССР. В этих Постановлениях в том числе были утверждены цифры «намеченных к расстрелу и высылке» «кулаков и уголовников» по данным субъектам СССР¹.

Реализуя Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 года, НКВД направил на места директиву № 266 о проведении учёта кулаков и уголовных элементов, разделении их на две категории, согласовании окончательных цифр с партийным руководством краёв, областей или республик. В центр начали поступать итоговые данные о лицах, подлежащих репрессиям, которые, как правило, корректировались в сторону увеличения². Некоторые наиболее ретивые начальники Управлений краёв и областей стремились отличиться и выявляли в считанные дни тысячи кулаков, представлявших опасность для общества. Так, начальник УНКВД по Свердловской области – Д. М. Дмитриев доложил о 4700 кулаках, по Ростовской области – Г. С. Люшков о 5721, которые были отнесены к так называемой I категории и должны были быть расстреляны³.

Несмотря на то, что в центр нужно было сообщить только количество кулаков, имелись случаи их массовых арестов уже в июле 1937 года. Так, Управлением НКВД по Омской области было «ударной работой по состоянию на 1 августа арестовано по первой категории всего 3008 человек»⁴.

30 июля 1937 года народный комиссар внутренних дел СССР Н. И. Ежов подписал ныне широко известный оперативный приказ № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов⁵. Если выступления И. В. Сталина и других вождей о нарастании классовой борьбы в 1930-х годах можно расценить как злободневный социальный заказ, решения Политбюро ЦК ВКП(б) об «антисоветских элементах» – высшего органа правящей партии – как важнейший ориентир, конкретизацию поставленных целей, то оперативный приказ НКВД был чётким руководством к действию. Он определил порядок, сроки, масштабы репрессий «антисоветских элементов», утвердил персональный состав республиканских, краевых и областных «троек»,

¹ См. там же: С. 239, 241, 242.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 644.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 273–281.

организацию их работы и полномочия. В состав «троек» входили: в качестве председателя – наркомы внутренних дел союзных республик, начальники краевых, областных Управлений НКВД, в качестве членов – руководящие работники этих ведомств и, как правило, республиканские, краевые и областные прокуроры или их заместители. Последние, даже если не входили в состав «троек», то могли присутствовать на их заседаниях. В «тройки» могли входить ответственные партийные и советские работники (секретари ЦК союзных республик, крайкомов и обкомов ВКП(б), председатели СНК союзных республик и др.). Все репрессируемые по мерам наказания разбивались на две категории. К первой относились все наиболее враждебные «антисоветские элементы». Они подлежали «немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках – расстрелу»¹. Ко второй категории относились «все остальные менее активные, но всё же враждебные элементы»². Они подлежали «аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них, заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки»³. Цена решения «тройки» была очень высока. Отнесение «тройкой» репрессируемого к первой категории означало неминуемую скорую смерть, ко второй – смерть, но мучительную и долгую. Был определён длинный перечень «контингентов», подлежащих репрессиям. Назовём некоторые из них: это «бывшие кулаки», «социально-опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях», «члены антисоветских партий», «бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандопособники, переправщики, реэмигранты» и др. Карающий меч НКВД должен был поразить многочисленных врагов независимо от их места нахождения.

Операция по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов должна была начаться во всех республиках, краях и областях СССР с 5 августа, в Узбекской, Туркменской, Таджикской и Киргизской ССР – с 10 августа, в Дальневосточном и Красноярском краях и Восточно-Сибирской области – с 15 августа 1937 года и закончиться в четырёхмесячный срок⁴.

¹ Там же. С. 274.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 273–281.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 273, 277.

В приказе было утверждено конкретное количество подлежащих репрессиям по первой и второй категории по каждой республике, краю или области. Всего по стране «в плановом порядке» предстояло репрессировать по первой и второй категории 268 950 человек¹, в т. ч. в лагерях НКВД по первой категории – 10 000 человек.

Данные цифры являлись «ориентировочными». Но наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных Управлений НКВД не имели право «самостоятельно их превышать». Разreshалось «уменьшать цифры» и переводить «лиц, намеченных к репрессированию по первой категории – во вторую категорию и, наоборот...»². В тех «случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утверждённых цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны» были предоставить народному комиссару внутренних дел СССР «соответствующие мотивированные ходатайства»³.

Надо заметить, что наркомы НКВД республик и начальники УНКВД краёв и областей охотно воспользовались своим правом на «мотивированные ходатайства» об увеличении «плановых заданий» в отношении лиц, подлежащих репрессиям, а вот правом на «уменьшение цифр» – нет. Так, в шифротелеграмме Н. И. Ежову начальника УНКВД по Омской области Г. Ф. Горбача от 15 августа 1937 года сообщалось о том, что «по состоянию на 13 августа... по первой категории арестовано 5444 человека»⁴. Г. Ф. Горбач просил увеличить «ориентировочную» цифру по первой категории с 1000 до 8000 человек. Видимо, этот документ был направлен Н. И. Ежовым И. В. Сталину (обычная практика тех лет), который своей рукой наложил резолюцию: «Т. Ежову. За увеличение лимита до 8 тысяч. И. Сталин»⁵. Было увеличено «плановое задание» УНКВД Красноярского края, которому первоначально установили совсем «ничтожную» цифру ликвидации «врагов народа» по первой категории – 750 человек⁶. 20 августа И. В. Сталин и В. М. Мо-

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 275–276 (расчёт наш – С. К.).

² Там же. С. 276–277.

³ Там же. С. 277.

⁴ В Омской области, как уже упоминалось, аресты начались ещё в июле 1937 года // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 322, 644.

⁵ Там же. С. 322.

⁶ Там же. С. 275.

лотов «исправили» ошибку, расширив «лимит» на 6600 человек¹. 28 августа Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) был увеличен лимит тройке по Оренбургской области – с 1500 до 3500 человек по первой категории². По выборочным данным за период с конца октября по декабрь 1937 года по шифртелеграммам с мест Н. И. Ежов утвердил дополнительно репрессирование 68 тысяч человек по первой категории и 47 тысяч по второй категории³. Таким образом, в 1937 году должно было быть репрессировано около 380 тысяч человек⁴, фактически – в два раза больше⁵. Дополнительно к разнарядкам 1937 года, с 31 января по 29 августа 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило лимиты на репрессирование еще почти 150 тыс. человек по обеим категориям⁶. Быстротечный конвейер репрессий разрушил некую первоначальную «плановость» заданий на разоблачение «врагов народа» и постепенно процесс согласования увеличения «лимитов» с центром для местной элиты НКВД утратил свою актуальность.

Уже 8 сентября 1937 года в своём спецсообщении Н. И. Ежов проинформировал И. В. Сталина о первых итогах операции по репрессированию антисоветских элементов. Менее чем за месяц реализации приказа № 00447, по состоянию на 1 сентября 1937 года «было арестовано 146 225 человек»⁷, т. е. 54,37% от общего числа изначально подлежащих репрессиям⁸. Из них было осуждено «тройками» к расстрелу – 31 530 и к заключению в лагеря и тюрьмы 13 669 человек⁹.

«Тройки» были главным инструментом массовых политических репрессий в 1937–1938 годах. Они рассматривали дела заочно, в ускоренном порядке, одновременно «пропуская» десятки, сотни дел, по которым могли проходить тысячи заранее обречённых человек. Так, только 20 ноября 1937 года «тройкой» УНКВД по Краснодарскому краю было рассмотрено 1252 уголовных дела. Проходившие

¹ Там же. С. 325.

² Там же. С. 276, 330.

³ Там же. С. 651.

⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 275, 276, 651 (расчёт наш – С.К.).

⁵ Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. М., 2000. С 316 (расчёт наш – С. К.).

⁶ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 190–191.

⁷ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 337.

⁸ Там же. С. 275, 276, 337 (расчёт наш – С. К.).

⁹ Там же. С. 337.

по ним лица необоснованно обвинялись в том, что якобы являлись активными участниками различного рода контрреволюционных, повстанческо-диверсионных и террористических организаций, занимавшихся подготовкой на Кубани вооружённого восстания против Советской власти, а также в проведении среди населения контрреволюционной, пораженческой агитации и распространении провокационных слухов¹.

Если предположить, что «тройка» работала без перерыва все 24 часа, то на одно дело было затрачено чуть больше одной минуты. Фактически – несколько секунд.

Через год этой же «тройкой» – 1 ноября 1938 года было вынесено 619 смертных приговоров².

С 5 августа 1937 года и до середины ноября 1938 года «тройками» НКВД – УНКВД было осуждено не менее 800 тысяч человек, половина из которых – к расстрелу³. 800 тысяч человек – это почти 60% от общего числа репрессированных в эти годы по политическим мотивам⁴. Остальная часть осуждённых за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления приходилась на иные внесудебные органы (Особое совещание при народном комиссариате внутренних дел СССР, военные трибуналы и военные суды)⁵. Только Военной коллегией Верховного Суда СССР и её выездными сессиями в 60 городах СССР с 1 октября 1936 по 30 сентября 1938 года было осуждено 36 157 человек, из них к расстрелу – 30 514 человек или 84,39%⁶. Особая жестокость приговоров Военной коллегии, работавшей в эти годы под председательством В. Ульриха, объяснялась тем, что ей поручали дела в отношении наиболее известных и в прошлом авторитетных «врагов народа», оставлять в живых которых в тех условиях было никак нельзя.

¹ Кубанские новости. 1992. 20 февраля.

² Там же.

³ Узницы «АЛЖИРа». М., 2003. С. 9.

⁴ Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 318 (расчёт наш – С. К.).

⁵ О деятельности в 1937–1938 гг. судов и военных трибуналов см. подробнее: *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 229, 230, 238, 239, 252; *Попов В. П.* Государственный террор в Советской России, 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28; *Муранов А., Звягинцев В.* Суд над судьями (особая папка Ульриха). Казань, 1993 и др.

⁶ *Кропачев С. А.* Хроники коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии. Ч. 1. 1917–1940 гг. Краснодар, 1995. С. 48.

Параллельно с цунами разоблачений, арестов и осуждений «врагов народа», страну в 1937–1938 гг. накрыла волна преследований членов их семей. В отношении жён и детей «осуждённых изменников родины» были приняты такие же жестокие меры, что и к мужьям и отцам.

5 июля 1937 года, через три дня после принятия постановления Политбюро от 2 июля «Об антисоветских элементах», положившего начало наиболее массовой террористической акции тех лет, выходит ещё одно постановление под размытым названием «Вопрос НКВД». В нём говорилось:

«1. Принять предложение Наркомвнудела о заключении в лагеря на 5–8 лет всех жён осуждённых изменников родины членов право-троцкистской шпионско-диверсионной организации, согласно представленному списку.

3. Установить впредь порядок, по которому все жёны изобличённых изменников родины право-троцкистских шпионов подлежат заключению в лагеря не менее, как на 5–8 лет.

4. Всех оставшихся после осуждения детей-сирот до 15-летнего возраста взять на государственное обеспечение, что же касается детей старше 15-летнего возраста, о них решать вопрос индивидуально.

5. Предложить Наркомвнуделу разместить детей в существующей сети детских домов и закрытых интернатах наркомпросов республик»¹.

Этот короткий и очень страшный документ предрешил судьбы всех жён и детей «врагов народа»². В оперативном приказе НКВД № 00447 от 30 июля 1937 года в отношении семей «изменников родины» говорилось следующее:

«Семьи приговорённых по первой и второй категории, как правило, не репрессировываются.

Исключение составляют:

а) Семьи, члены которых способны к активным антисоветским действиям. Члены такой семьи, с особого решения тройки, подлежат водворению в лагеря или трудпосёлки.

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 238–239.

² Подробный анализ документов 1930-х годов в отношении ЧСИР см.: Рогинский А., Даниэль А. «Аресту подлежат жёны» // Узницы «АЛЖИРа». С. 6–30.

б) Семьи лиц, репрессированных по первой категории, проживающие в пограничной полосе, подлежат переселению за пределы пограничной полосы внутри республик, краёв и областей.

Все семьи лиц, репрессированных по первой и второй категориям, взять на учёт и установить за ними систематическое наблюдение»¹.

Из двух относительно небольших пунктов второго раздела пространного «кулацкого приказа» следовало, что семьям не избежать участи «врагов народа». Именно для этого все они брались на учёт, и за ними устанавливалось систематическое наблюдение.

Наконец, 15 августа 1937 года вышел приказ НКВД СССР № 00486 «Об операции по репрессированию жён и детей изменников родины»². Он определял порядок ареста или ограничения в правах жен и детей «врагов народа».

Современная историческая литература даёт лишь приблизительный ответ на вопрос о количестве репрессированных ЧСИРов. 5 октября 1938 года нарком внутренних дел СССР Н. И. Ежов и его заместитель Л. П. Берия обратились к И. В. Сталину с запиской, в которой сообщалось, что всего на основании приказа № 00486 «по неполным данным репрессировано свыше 18 000 жён арестованных предателей, в том числе по Москве свыше 3000 и по Ленинграду около 1500»³. По состоянию на 29 января 1939 года было «изъято» по СССР 25 342 ребёнка⁴. Таким образом, менее чем за полтора года по стране было репрессировано, по крайней мере, не менее 43 тысяч жён и детей.

Приказы НКВД СССР № 00447 и № 00486, а также подобные документы, изданные и реализованные в 1937–1938 годах, породили в обществе атмосферу страха, безысходности, двойной морали, доноительства, шпиономании. Всюду шёл поиск «врагов народа», «шпионов иностранных разведок». «Лимиты» на арест «изменников родины», утверждавшиеся в центре, служили для местных органов НКВД руководством к действию, но на практике они не всегда регулировали процесс разоблачения «врагов народа». Людей арестовывали по формальным поводам и без них. В органах НКВД шло своеобразное «соцсоревнование» за наибольшее выявление в

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 277.

² Впервые текст приказа был опубликован: Мемориал – Аспект. 1993. № 2/3. Его подробный анализ и воплощение в жизнь см.: *Рогинский А., Даниэль А.* Указ соч. С. 12–30.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же. С. 24.

данном районе, городе, области, крае, республике «врагов народа». Особый, упрощённый порядок ведения дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти, действовавший с 1 декабря 1934 года и аналогичный порядок по делам о вредительстве и диверсиях, введённый 14 сентября 1937 года¹, фактически неограниченные полномочия «троек», заочно осуждавших десятки, сотни тысяч «контрреволюционеров», привлекательный образ всеильного наркомвнудельца, рисовавшийся и тиражировавшийся средствами массовой информации привели к тому, что НКВД на каком-то этапе вышло из-под контроля, даже Политбюро ЦК ВКП(б). Масштабы борьбы против «врагов народа» превзошли все ожидания, пресловутые «плановые задания» были многократно перевыполнены. Самые масштабные репрессивные акции «большого террора», проведённые в 1937–1938 годах, привели к огромным жертвам и необратимым последствиям. .

Сохранились многочисленные документальные и эмоциональные свидетельства о разыгравшейся в те годы средневековой трагедии. Обратимся к фактам, приведённым в Информации от 30 января 1938 года и. о. прокурора Краснодарского края Востокова на имя Прокурора СССР Вышинского: «... по Краснодарскому краю репрессировано по 1-й и 2-й категориям свыше 20 000 человек², члены семейств которых теперь...обращаются в краевую прокуратуру. Поток жалобщиков имеет тенденцию к постоянному увеличению и обещает в феврале-марте возрасти до больших размеров.

В тюрьмах края содержится под стражей 16 860 человек, при лимите в 2760 чел., налицо исключительная перегрузка, имело место уже появление инфекционных заболеваний заключённых в Краснодарской, Армавирской и Майкопской тюрьмах (сыпной и брюшной тиф)»³. Далее и. о. прокурора края Л. А. Востоков пишет о том, что около тюрем в Краснодаре, Армавире, Новороссийске скапливалось большое количество родственников, пытавшихся узнать что-либо о судьбах заключённых, передать им одежду и продукты, получить свидание. Толпы людей не рассеивались даже ночью. Некоторые

¹ Курицын В. М. 1937 год: истоки и практика культа // Реабилитирован посмертно. Вып. 1, 2. М., 1989. С. 30.

² В Азово-Черноморском крае, вскоре разделённом на Краснодарский край и Ростовскую область, по приказу № 00447 должно было быть репрессировано по 1 и 2 категориям 13 000 человек // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 275.

³ Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы. Краснодар, 1997. С. 691–692.

жили около тюрем по несколько дней. Складские помещения в Краснодарской тюрьме и почтамте были забиты посылками, адресованными заключённым¹. Спустя шесть месяцев после начала операции по репрессированию антисоветских элементов, краевой чиновник рисует фактически картину стихийного бедствия. В тюрьмах края находилось заключённых в шесть раз больше, чем в них мест. Тысячи родственников готовы были ночевать у тюрем, лишь бы узнать хоть какую-то информацию о судьбах своих близких.

Наряду с репрессиями в отношении «врагов народа», членов их семей, в 1937–1938 годах были проведены так называемые национальные операции, имевшие своей целью борьбу с «пятой колонной». Преследованию подверглись, прежде всего, представители национальностей, чья историческая родина представляла для СССР угрозу и опасность, а также сопредельных с ней стран. Одной из первых и самой массовой стала «польская» операция. 11 августа 1937 года оперативный приказ НКВД СССР № 00485 санкционировал проведение операции против «польской разведки»². В 1937–1938 годах было репрессировано около 140 тысяч поляков или граждан, имевших какие-либо связи с Польшей³. Ещё одна широко-масштабная операция – «немецкая» – началась в июле 1937 года. Оперативный приказ НКВД СССР № 00439 от 25 июля 1937 года предписывал арестовать всех немцев, работавших на оборонных заводах⁴. Затем в репрессивной практике преследованиям подверглись десятки тысяч немцев, трудившиеся в различных сферах и проживавших на всей территории СССР. По «немецкой» национальной операции было осуждено в 1937–1938 годах 37,7–38,3 тысячи немцев⁵.

В 1935 году советское правительство продало Манчжоу-Го Китайско-Восточную железную дорогу. Многие рабочие и служащие, обслуживавшие КВЖД, вернулись в СССР. Органы госбезопасности активно вели их разработку. В оперативной отчётности

¹ Там же. С. 692.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 301–303.

³ Там же. С. 648; О «польской» операции подробнее см.: *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997, С. 22–39.

⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 270–272.

⁵ *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. М., 1999. С. 71.

они проходили как харбинцы, т. к. г. Харбин, построенный вместе с железной дорогой в Маньчжурии, являлся центром китайской провинции и железнодорожным узлом, где работало большинство советских специалистов¹. 20 сентября 1937 года вышел Оперативный приказ НКВД СССР № 00593, направленный против «террористической диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из так называемых харбинцев»². В 1937–1938 годах практически все харбинцы были арестованы и репрессированы по обвинению в шпионаже в пользу Японии. В эти годы в СССР было арестовано 52.906 «японских шпионов»³.

Наряду с операциями против поляков, немцев, харбинцев, проводились и другие национальные репрессивные акции. Перечислим национальности, подвергшиеся гонениям в 1937–1938 гг.: финны, латыши, эстонцы, румыны, греки, иранцы, иранские армяне, болгары, китайцы, македонцы, чехи, афганцы⁴.

Всего по национальным операциям с августа 1937 по октябрь 1938 года было осуждено 366 тысяч человек, из них приговорено к высшей мере наказания – 173 тысячи⁵.

В 1937 году была осуществлена первая⁶ накануне Великой Отечественной войны крупномасштабная депортация. Постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 августа и 23 сентября 1937 года была решена судьба корейцев, которых насильственно переселяли в Казахстан и Узбекистан с целью «пресечения проникновения японского шпионажа в ДВК»⁷. По состоянию на 25 октября 1937 года из Дальневосточного края было выселено 124 эшелона с корейцами в составе 36 442 семей, 171 781 человек⁸.

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 650–651.

² Там же. С. 366.

³ Там же. С. 660.

⁴ Там же. С. 660; Мемориал – Аспект. 1993. № 1. С. 2.

⁵ Мемориал – Аспект. 1993. № 1. С. 2; Есть и другие оценки результатов проведения национальных операций – почти 350 тысяч репрессированных // *Рогинский А., Даниэль А.* Указ. соч. С. 9.

⁶ В 1935–1937 гг. из приграничных районов СССР было депортировано 23 217 финнов (Ленинградская область и Карелия), 69 283 поляка (УССР) и 4280 курдов (Армения, Азербайджан и др.) // *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 78–82.

⁷ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 325, 326, 376.

⁸ Там же. С. 651.

Как видно из приведённых фактов, «волны»¹ репрессий захлестнули всю страну. Никто не был застрахован от преследований. Во второй половине 1938 года в обществе бытовало мнение, что в СССР осталось только пять человек, которым не страшна «ежовщина» (И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович и сам Н. И. Ежов)². Правда, Н. И. Ежова, в конце концов, расстреляли, а у членов «пятёрки» в ходе репрессий пострадали близкие.

Террор был остановлен постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об аресте, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 года, в котором формально многое в деятельности НКВД подвергалось критике.

Огромны были масштабы государственного террора. По имеющейся статистике, с 1921 по 1940 гг. за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления было осуждено 3 080 574 человека, из них – 1 344 923 – в 1937–1938 гг. или 43,66%³. Т. е. за два «рекордных» года было осуждено «контрреволюционеров» почти столько же, сколько за предыдущие и последующие восемнадцать лет. Из общего количества осуждённых – 1 344 923 человек – к высшей мере наказания было приговорено 681 692 или 50,69%⁴.

Каждый второй из осуждённых по политическим мотивам в 1937–1938 гг. был расстрелян⁵.

«Население» лагерей, колоний и тюрем в эти годы заметно выросло. Только за 1937 год количество всех заключённых (уголовных и политических) в ИТЛ и ИТК ГУЛАГа увеличилось на 685 201 человек⁶. Доля заключённых, осуждённых за контрреволюционные преступления, в 1937–1938 гг. существенно возросла

¹ В. Н. Земсков разделил репрессированных по политическим мотивам в 1937–1938 гг. на обладающие общими признаками группы – «блоки» – «традиционный блок», «крестьянско-эсеровский блок» и «национальный блок». См.: *Заключённые в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 60.*

² Там же. С. 61.

³ *Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 316–317.*

⁴ Там же. С. 318.

⁵ В литературе встречаются и иные оценки количества расстрелянных. Недавняя публикация журнала «Мемориал», например, называет более 750 тысяч человек, казнённых в 1937–1938 гг. // *Мемориал. 2004. № 28. С. 36.*

⁶ *Земсков В. Н. Заключённые, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 152.*

и составила на 1 января 1939 года только по ИТЛ 34,5% от общей численности отбывавших наказание¹.

По состоянию на январь 1939 года в ИТЛ, ИТК и тюрьмах насчитывалось 2 022 976 заключённых².

Не всегда абсолютные цифры дают представления об истинных масштабах того или иного явления. Обратимся к цифрам относительным. В 1937 и 1939 годах в СССР были проведены, как известно, переписи населения³. Всесоюзная перепись населения 1937 г. насчитала 162 млн человек, что не совпадало с официальными прогнозами и ожиданиями⁴. Она была объявлена дефектной. По официальным данным перепись 1939 г. зафиксировала на территории СССР 170,5 млн человек⁵. Большинство современных авторов подвергают сомнению достоверность данных переписи 1939 года. Оценка фактической численности населения СССР колеблется в диапазоне от 167,6 до 168,9 млн человек⁶. Возьмём за точку отсчёта самые оптимистические из них по состоянию на январь 1939 года, когда «большой террор» резко пошёл на убыль, – 168,9 млн человек. За 1937–1938 гг. было репрессировано по политическим мотивам 0,8% от общего числа населения СССР и 1,3% по отношению к взрослому населению⁷. Это огромное количество. В 1937–1938 гг. были расстреляны 680 тысяч человек по обвинению в совершении политических преступлений, что равно населению трёх таких городов как Краснодар⁸.

¹ Там же.

² Там же. С. 152–153; В. Б. Жиромская называет цифру в 3,4 млн человек (вместе с охраной) // *Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 45.*

³ Об этом подробнее см.: *Жиромская В. Б., Киселёв И. Н. Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937. М., 1996; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992; Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001 и др.*

⁴ *Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 48.*

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 48–49; Большая Российская энциклопедия. Россия. М., 2004. С. 155.

⁷ *Земсков В. Н. Заключённые в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 60; Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 318.*

⁸ *Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 318; Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы. С. 100.*

Следует иметь в виду, что были репрессированы мужчины и женщины в трудоспособном возрасте, многие из которых имели высокую квалификацию, опыт профессиональной деятельности в значимых сегментах экономики, армии, сфере хозяйственного и политического управления¹.

В 1937–1938 гг. подверглись аресту по обвинению в политических преступлениях 1 575 259 человек². Среди них было относительно немного ЧСИРов. Но и те из них, кто не был арестован, осуждён, в полной мере испытали на себе пресс государственного репрессивного механизма. Члены семей «изменников родины» подверглись серьёзным политическим, экономическим, социальным и моральным ограничениям и дискриминациям. Клеймо ЧСИРа до конца жизни довлело над невинными людьми и перешло по наследству к их детям. Всех их с полным правом можно отнести к репрессированным или как минимум – к пострадавшим. Если принять во внимание, что по Всесоюзной переписи населения 1939 г. наибольшее распространение в СССР получили семьи, состоящие из 2–3 человек³, то количество тех, кто реально пострадал от репрессий, мы можем, по крайней мере, удвоить. Не говоря уже о родителях и других близких родственниках репрессированных, помимо их жён (мужей) и детей.

Рассуждения о масштабах политических репрессий будут неполными и незаконченными, если мы не попытаемся хотя бы в общих чертах проанализировать цели «большого террора» и его последствия.

На наш взгляд, существуют две большие причины, по которым был развязан политический террор в 1937–1938 годах. Во-первых, террор был направлен против лиц, отдельных категорий и групп граждан, которые могли представлять гипотетическую угрозу для Сталина или его строя. Истребление потенциальной «пятой колонны» стало важным условием подготовки страны «по-Сталински» к предстоящей войне. Во-вторых, массовые политические репрессии образца 1937–1938 года завершили формирование жестокого тоталитарного режима в СССР. С помощью террора большевики решали сложные политические, экономические, социальные, на-

¹ На 1 марта 1940 г. среди заключённых ГУЛАГа преобладали мужчины (93%) в возрасте 22–40 лет (63,6%) // Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 189.

² Там же. С. 318.

³ Там же. С. 188.

циональные, культурные и иные проблемы. Он стал инструментом нагнетания в обществе страха, который держал людей в повинности, исключил возможность организации сопротивления. Террор и страх явились методами конструирования нового советского человека, которому были привиты гены управляемости, единомыслия, идеологической зашоренности.

Массовые политические репрессии 1937–1938 годов имели для жизни общества и государства серьёзные негативные последствия, некоторые из которых проявляются до сих пор. Укажем наиболее важные из них.

Террор нанёс огромный урон всем сферам жизни общества. Произволу подверглись сотни тысяч ни в чём не повинных людей. Репрессии обезглавили промышленность, армию, сферу образования, науки, культуры. Пострадали партийные, комсомольские, советские, правоохранительные органы¹. В Красной Армии накануне Великой Отечественной войны было незаконно репрессировано около 40 тысяч офицеров².

В годы «большого террора» была «опробована» политика массового насильственного переселения. Первыми её жертвами стали корейцы, а в последующие годы – десятки депортированных народов.

Политический террор имел ярко выраженный экономический аспект. Все крупные промышленные объекты первых пятилеток сооружались с использованием дешёвого, принудительного труда заключённых, в том числе и политических. Без применения рабской силы невозможно было вводить в среднем 700 предприятий в год³.

¹ Последние были напрямую причастны к осуществлению массового террора, политике государственного произвола и беззакония.

² За 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны Красная Армия потеряла в боях 180 человек высшего состава от командира дивизии и выше (112 командиров дивизий, 46 командиров корпусов, 15 командующих армиями, 4 начальника штаба фронта и 3 командующих фронтами), а за несколько предвоенных лет (в основном в 1937 и 1938 гг.) было по сфабрикованным политическим обвинениям арестовано и опозорено более 500 командиров в звании от комбрига до Маршала Советского Союза, из них 29 умерли под стражей, а 412 расстреляны // *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА. 1937–1938. М, 1998. С. 317.

³ Об этом подробнее см.: *Эбеджанс С. Г., Важнов М. Я.* Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 188–190; *Трус Л. С.* Введение в лагерную экономику // Экономика и организация промышленного производства. 1990. № 5; *Кропачев С. А.* ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны: экономический аспект // Вклад кубанцев в победу над фашизм

В 1920–1950-е годы через лагеря, колонии, тюрьмы и иные места лишения свободы прошли десятки миллионов человек¹. Только в 1930-х годах в места заключения, ссылку и высылку было направлено около 2 млн человек, осуждённых по политическим мотивам². Субкультура уголовного мира, его ценности, приоритеты, язык были навязаны обществу.

То, что определяло атмосферу общества 1937–1938 годов – государственное беззаконие и произвол, страх, двойная мораль, единомыслие – не в полной мере преодолены и сегодня.

1.2. Погибшие на войне в официальной и народной памяти

Важнейшее значение для оценки любой войны имеют ее результаты, ее цена. В ней, как в фокусе, сосредоточена вся война. От предпосылок, масштабов, последствий и влияния на последующее развитие страны и мира. Исходя из того, что Вторая мировая и Великая Отечественная войны занимают особое место в истории XX века, выявление истинных масштабов потерь является не только важнейшей научной, нравственной задачей, но и политической проблемой. Пока они не будут решены, историю войны нельзя считать исследованной.

После окончания Великой Отечественной войны, ее огромные жертвы тщательно скрывались. Нельзя сказать, что о них в СССР не упоминалось совсем. Некоторые Приказы и Обращения Верховного Главнокомандующего содержали «дежурную» фразу «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»³. Но признать реальные потери, это значит признать неэффективность сталинского руководства армией и страной в годы

мом. Краснодар, 1996; *Хлевнюк О.* Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 годы // Свободная мысль. 1992. № 13; *Он же.* 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; *Он же.* Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 30–50-е годы XX в.: проблемы и источники // Исторические записки. Вып. 5(123). М., 2002. С. 43–68; Экономика ГУЛАГа и её роль в развитии страны, 1930-е годы. М., 1998; *Еланцева О. А.* БАМ: первое десятилетие // Отечественная история. 1994. № 6. С. 89–103 и др.

¹ Об этом подробнее см.: Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 311–330; Т. 2. С. 182–196.

² Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 317–318.

³ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1950. С. 147, 191, 194 и др.

войны. Слава «великого полководца» во многом держалась на умолчании огромных жертв войны, мифологизации ее истории, миллионы раз повторенной нелепой мысли о советских солдатах, павших в боях, как о вкладе СССР в обеспечении победы над врагом. Непомерные жертвы войны – это великое народное горе, это преступные деяния Сталина и его окружения, но отнюдь не доблесть и слава.

Аналитически мыслящие люди о цене победы задумывались давно. 25 июня 1945 года, на другой день после Парада Победы на Красной площади известный советский режиссер А. Довженко с горечью отметил в своем дневнике, что при упоминании о погибших в «торжественной и грозной речи» Г. К. Жукова «не было ни паузы, ни траурного марша, ни молчания. Как будто бы эти миллионы жертв и героев совсем не жили. Перед великой их памятью, перед кровью и муками не встала площадь на колени, не задумалась, не вздохнула, не сняла шапки»¹. Еще в начальный период войны Довженко писал о «тяжелой, кровавой и дорогой победе». Имея в виду низкое «качество» войны, он замечал: «Не было у нас культуры жизни – нет культуры войны»².

Важным итогом окончания войны является публикация поименных списков погибших и плененных. После первой мировой войны такие сведения были опубликованы³. При сталинском режиме не были обнародованы данные о потерях у озера Хасан, реки Халхин-Гол и в советско-финской войне 1939–1940 годов. Они появились намного позже, в годы горбачевской перестройки⁴.

В марте 1946 года И. Сталин дал интервью корреспонденту «Правды» по поводу речи У. Черчилля в Фултоне. Он заявил: «В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки, вместе взятые. Возможно, что кое-где склонны предать забвению эти колоссальные жертвы советского народа, обеспечившие осво-

¹ Правда. 1989. 11 сентября.

² Там же.

³ См.: Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий мировой войны. М., 1923.

⁴ См., например, Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 213; Гриф секретности снят: потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 125 и др.

бождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них»¹.

Сталин, мимоходом вычеркнувший не менее 20 млн советских граждан из числа погибших, о которых он не мог не знать, фактически объявил о решении этой проблемы. Но мы знаем, что она до конца не решена и сегодня. При Сталине наметились следующие линии фальсификаций, направленные на сокрытие истинных масштабов жертв войны, – преуменьшение потерь СССР и явное, без ссылок на исторические источники, преувеличение потерь противника; подмена категории «убитые», категорией «безвозвратно потерянные»; признание жертв лишь на поле боя и западнее линии фронта²; игнорирование таких категорий погибших, как заключенные ГУЛАГа, представители депортированных народов, военнопленные на территории СССР и за его пределами, партизаны, подпольщики, «восточные рабочие» и другие.

При Сталине и позднее не ставился вопрос об ответственности за непомерную цену, заплаченную за победу в войне. Единственным ответственным за жертвы признавался фашистский агрессор. Не рассматривался, даже не ставился вопрос об ответственности сталинского режима за огромные жертвы в войне. И только один раз И. Сталин сделал попытку признать свои ошибки. 24 мая 1945 года на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии он поднял тост за здоровье русского народа. Сталин заявил: «У нашего правительства было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города... Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии»³. Но и в данном случае Сталин был искренним не до конца. Он напрямую не сказал о своих собственных ошибках, не нашел мужества признать ответственность за поражения начального периода войны, а свалил всё на Правительство. Это оно допустило просчеты в годы

¹ Сталин И. В. Сочинения. 1946–1952. Т. 16. М., 1997. С. 27.

² Об этом см.: Мерцалов А., Мерцалова Л. Сталинизм и война. М., 1998. С. 374–375.

³ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 196–197.

войны, а не Сталин. Последний словно дистанцировался от правительства, в которое, не смотря ни на что, терпеливый русский народ верил.

Наши солдаты погибали не только от рук врага. Уже 16 августа 1941 г. Сталин подписал Приказ № 270 Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии, который механически относил всех попавших в плен к предателям Родины. Текст Приказа требовал от окруженных «сражаться до последней возможности», а если они «предпочтут сдаться...в плен – уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными»¹. Жестокая кара грозила и родным попавших в плен: семьи командного состава должны были подвергаться аресту, а семьи красноармейцев лишались «государственного пособия и помощи»². 17 ноября 1941 года выходит Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0428, в котором частям ставились задачи «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог.

Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе немедленно бросить авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и подготовленные диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами»³. В одной из таких диверсионных групп оказалась 3. Космодемьянская, ставшая одним из символов мужества в годы войны. Во исполнение этого чудовищного Приказа были сожжены тысячи населенных пунктов, огромное количество советских людей остались без крова. Только в полосе действия 5 армии Западного фронта к 25 ноября 1941 года нашими войсками было полностью или частично сожжено и разрушено 53 населенных пункта⁴.

Вот как об этой трагедии вспоминал генерал армии Н. Г. Лященко, который в конце 1941 года командовал полком: «Стояли в обороне. Перед нами виднелись два села, как сейчас помню, Банновское и Пришиб. Из дивизии пришел приказ: сжечь села в пределах досягаемости. Когда я в землянке уточнял детали, как выполнить приказ, неожиданно, нарушив всякую субординацию, вмешался пожилой боец-связист:

¹ Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992. С. 257–258.

² Там же.

³ Там же. С. 211.

⁴ Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. С. 213–214.

– Товарищ майор! Это мое село... Там жена, дети, сестра с детьми... Как же это – жечь? Погибнут ведь все!

– Ты чего не в свое дело лезешь? Разберемся, – оборвал его я.

Отправив сержанта, стали мы со своими комбатами думать, что делать. Помню, приказ я назвал «дурацким», за что едва не заплатился, ведь приказ-то был сталинский, но спасли от особистов командующий армией Р. Я. Малиновский и член Военного Совета И. И. Ларин. А села эти мы на другое утро с разрешения командира дивизии Заморцева взяли. Обошлось без пожарища...»¹.

Еще один страшный документ, продиктованный Сталиным: «Командующему Калининским фронтом. 11 января 42 г. 1 ч 50 мин. № 170007.

...В течение 11 и ни в коем случае не позднее 12 января овладеть г. Ржев... Ставка рекомендует для этой цели использовать имеющиеся в этом районе артиллерийские, минометные, авиационные силы и громить всю город Ржев, не останавливаясь перед серьезными разрушениями города.

Получение подтвердить, исполнение донести. И. Сталин»².

Сталин, который несет ответственность за поражения нашей армии в начальный период войны, демонстрирует в этих и многих других документах свою волю, беспощадность, решимость, полководческую непреклонность. Он, не колеблясь, готов все спалить, «громить всю», разрушить, уничтожить. Возможные жертвы мирного населения его не останавливают.

Война, как известно, беспощадна. Но Сталин на протяжении всех ее лет военной целесообразности противопоставлял бездумную жестокость, никогда не жалея своих людей.

Особенно масштабно это проявилось летом 1942 года, когда на южном крыле советско-германского фронта создалась катастрофическая для РККА обстановка. 28 июля 1942 года Сталиным был подписан Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 227, получивший название «Ни шагу назад!»³. В Приказе была обнародована горькая правда о поражениях советских войск летом 1942 года. Сталин объявил ответственными за это «паникеров и трусов». Просчеты военного руководства и безграмотность самого

¹ Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина // Октябрь. 1989. № 8. С. 64.

² Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина // Октябрь. 1989. № 8. С. 65.

³ 1418 дней войны. Из воспоминаний о Великой Отечественной. М., 1990. С. 223–226.

Сталина в качестве объяснений катастроф нашей армии в Приказе не фигурировали. В нем были предусмотрены жестокие меры против «паникеров»: создание «в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом)», которым поручалось расстреливать отступающих на месте. В каждом фронте формировались «от одного до трех штрафных батальонов» для средних и старших командиров, а в каждой армии «от пяти до десяти...штрафных рот» для рядовых бойцов и младших командиров. Солдаты и офицеры штрафных частей обязаны были «кровью смыть свою вину» за нарушения «дисциплины по трусости и неустойчивости»¹.

Штрафники, о судьбах которых сегодня вышло немало исследований², также являются неоправданными жертвами войны. Штурмуя безымянные высоты, населенные пункты с винтовками наперевес, неся огромные потери, они увеличивали скорбный урожай военных лет.

Отношение к «человеческому материалу» у сталинского руководства не изменилось и по прошествии нескольких военных лет. Многочисленные неоправданные жертвы приносились на алтарь победы не только в 1941–1943 годах. Освобождая Польшу, Советский Союз только убитыми потерял более 600 тысяч человек. В апреле-мае 1945 года в Берлине погибло свыше 100 тысяч советских солдат и офицеров. В конце войны это были абсолютно неоправданные жертвы. Но для Сталина на первом плане стояли политические аспекты, а на последнем – жизни своих соотечественников.

В годы войны начала формироваться система героических символов. Они были необходимы, во-первых, в качестве образца для массового подражания, во-вторых, для поддержания морального духа народа и воинов на фронтах. Судьба этих символов столь же сложна, как и судьба их героев-прототипов. Например, подвиг Александра Матросова власти подали в выгодном для себя свете. Герой своим телом закрыл амбразуру дзота, обеспечив наступление своих товарищей. А. Матросов, воспитанник колонии для несовершеннолетних, действительно совершил подвиг. Но если бы у

¹ Там же. С. 225 – 226.

² *Емелин А.* Штрафные батальоны (К истории создания военных формирований в годы Великой Отечественной войны) // Преступление и наказание. 1992. № 6; *Дайнес В.* Штрафбаты и заградотряды Красной Армии. М., 2008; *Пыльцын А.* Правда о штрафбатах: Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. М., 2008; *Пыхалов И., Пыльцын А., Васильченко А.* Штрафбаты по обе стороны фронта. М., 2007 и др.

него были гранаты, он бы забросал ими огневую точку противника и, возможно, остался бы жив. Но для пропаганды самым важным было бить врага, любой ценой, даже без оружия. Сотни героев в годы войны повторили подвиги Николая Гастелло и Александра Матросова.

Одним из ярких символов периода войны был подвиг 28 героев-панфиловцев. Впервые об этом написала газета «Красная Звезда» в ноябре 1941 года. Авторами этих сообщений были фронтовой корреспондент Коротеев и литературный секретарь газеты Кривицкий. Как известно, бойцы 316-й стрелковой дивизии генерала И. В. Панфилова, оборонявшей Волоколамское шоссе, приняли неравный бой с немецкими танками у разъезда Дубосеково. Подробности боя, количество героев, роль политрука В. Г. Клочкова были выдуманы журналистами. Бой у разъезда Дубосеково действительно был, был героизм стоявших насмерть. Только было их не двадцать восемь, а сто сорок, – и почти все они погибли¹. Зачем нужно было лгать и придумывать то, чего не было, достаточно описать реальные события. Но самым важным моментом был главный герой сражения – политрук Клочков. Именно политрук заменил погибшего командира, именно политрук воодушевил панфиловцев и сказал нужные слова:

– Ни шагу назад! Велика Россия, а отступить некуда. Позади – Москва. Не посрамим гвардейского знамени, друзья!

Правда в первом сообщении о героях-панфиловцах 27 ноября 1941 года «Красная Звезда» поведала про подвиг бойцов 5-й роты, в которой политруком был Диев. Затем все стало «на свои места». Выяснилось, что на позицию к героям «пробрался» политрук 4-й роты В. Г. Клочков, который и возглавил оборону². 22 января 1942 года «Красная Звезда» поименно назвала всех героев-панфиловцев, погибших за Родину. 21 июля того же года им было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза³. Позже выяснилось, что пятеро из двадцати восьми погибших героев остались живы, а один из них – Добробабин добровольно перешел весной 1942 года на сторону фашистов. В ноябре 1947 года он был арестован и привлечен к уголовной ответственности⁴.

¹ *Ставров Н.* Вторая мировая – Великая Отечественная. В 3-х т. Т. 2. М., 2006. С. 423.

² Там же. С. 421–422.

³ Там же. С. 428, 430.

⁴ *Ставров Н.* Вторая мировая – Великая Отечественная. Т. 2. С. 425–427.

Но эти и другие несовпадения с реальной действительностью никого не интересовали. Миф был создан и жил своей жизнью.

Военные исторические символы являлись знаками эпохи. Одни из них исчезали почти без следа, другие видоизменялись, обрастали новыми «фактами», третьи – канонизировались. Власть жестко контролировала этот процесс, тщательно отбирая героические факты для «массового потребления».

Так, один из наиболее ярких «функциональных» символов, широко известный в период Великой Отечественной войны, – Юрий Смирнов, участник танкового десанта в тыл врага (лето 1944 г.), раненым захваченный в плен, но не выдавший под пытками военную тайну и распятый немцами на стене блиндажа, – после войны был фактически забыт, хотя и стал посмертно Героем Советского Союза¹.

Иначе сложилась судьба других военных символов – партизанки Зои Космодемьянской, рядового Александра Матросова и юных подпольщиков-краснодонцев. О них были написаны статьи, повести, рассказы, сняты художественные фильмы, их имена вошли в школьные учебники.

Еще одна причина, по которой на длительное время «забыли» погибших в войне, – новый виток репрессий в СССР после ее окончания. Продолжились депортации по национальному, социальному и религиозному мотивам. В 1945–1951 годах в места поселений было направлено 177 573 «власовцев»². В течение 1944–1952 годов из Западной Украины происходило выселение так называемых «оуновцев» (сокращенное от «Организации украинских националистов»). Их на 1 января 1953 г. на спецпоселении насчитывалось 175 063 человека³. В 1945–1949 годах на спецпоселение поступило 142 543 человека, высланных из Прибалтики⁴. В 1949 году из Молдавии было депортировано 35 796 человек⁵. В этом же году на спецпоселение поступило 57 680 греков, турков и армян, высланных с «Черноморского побережья», из Закавказья, Краснодарского

¹ Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 675.

² Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. М., 2001. С. 171.

³ Земсков В. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5. С. 155.

⁴ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. С. 171.

⁵ Там же.

края и Украины¹. В конце 1940-х – начале 1950-х годов коллективизация в Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковине сопровождалась раскулачиванием и выселением десятков тысяч крестьян².

За 1946–1952 годы на спецпоселение поступило 678 010 человек. На 1 января 1953 г. на учете спецпоселений состояло огромное количество переселенных лиц – 2 753 356 человек³.

Продолжал после войны пополняться и ГУЛАГ. Его лагеря, колонии, тюрьмы и спецтюрьмы пополнялись за счет бывших военнопленных, членов движения Сопротивления советскому режиму, прежде всего, в Прибалтике и Западной Украине, граждан, проходивших после войны по громким делам («Авиаторов-вредителей», «Ленинградскому делу», «Мегрельскому делу», «Еврейского антифашистского комитета», «Заговора врачей» и др.), а также жертв яростной кампании борьбы с космополитизмом. В 1946–июне 1953 года по политическим мотивам в СССР было осуждено 503 117 человек, что больше, чем в годы Великой Отечественной войны⁴. Указанные волны политических репрессий привели к тому, что контингенты лагерей, колоний и тюрем (без учета статистики спецтюрем и детских ИТУ) после войны все время увеличивались. На начало 1953 года в них насчитывалось 2 624 537 заключенных⁵. Увеличивалась доля тех, кто был осужден за контрреволюционные преступления. Апогей пришелся на первые послевоенные годы. В 1946 и 1947 годах только в Исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа насчитывалось от общей массы 59,2 и 54,3% политических заключенных⁶.

В условиях нарастания «холодной войны» сталинскому режиму приходилось «прятать» от мировой общественности свои новые жертвы, а о жертвах Великой Отечественной проще было забыть и не вспоминать вовсе. Герои живые и павшие, их подвиги были девальвированы. Фронтовики, победители, которые могли рассчитывать, по крайней мере, на внимание властей, практически ничего не получили. Режим явно дал понять, что место победителей теперь на трудовом фронте, а о героизме и славе нужно забыть.

¹ Там же.

² Там же. С. 171–172.

³ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. С. 171.

⁴ Там же. С. 191.

⁵ Там же. С. 183.

⁶ Земсков В. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5. С. 152.

Отсюда, может быть, у фронтовиков появилось пренебрежение к боевым наградам, многие не хотели даже мысленно возвращаться к страшным страницам истории войны. Помню из детства, как мы с мальчишками играли орденами и медалями отцов, не понимая их истинного значения. Послевоенные репрессии не минули и героев войны. В 1946 году по надуманному обвинению был несправедливо разжалован дважды Герой Советского Союза, Главный маршал авиации А. И. Новиков. Он провел 7 лет в тюрьме вплоть до смерти Сталина¹.

Отношение к погибшим в войне и живым участникам сражений изменилось со сменой политического курса. Для Хрущева критика деятельности Сталина была не только важной компонентой в борьбе за политическое лидерство, но и, как нам представляется, искренним желанием восстановить справедливость в отношении незаконно репрессированных, а также забытых героев войны. Яркий пример в этом отношении судьба защитников Брестской крепости. Благодаря стараниям известного писателя С. С. Смирнова в 1956 году был открыт Музей обороны Брестской крепости. В 1957 году вышла его книга «Брестская крепость» (расширенное издание – в 1964 г.), которая для многих стала откровением. Повествование о незаслуженно забытых героях имело широкий общественной резонанс. Один из оставшихся в живых защитников Брестской крепости – майор П. М. Гаврилов, репрессированный в конце войны, в 1956 году был реабилитирован, а в следующем году ему было присвоено звание Героя Советского Союза. С. С. Смирнов продолжил свою патриотическую деятельность. В 1963 году вышла его книга «Рассказы о неизвестных героях», много лет на центральном телевидении он вел популярную передачу – телеальманах «Подвиг»². Его преемником в качестве ведущего передачи о героях стал писатель К. Симонов.

Системная политика по сохранению и развитию памяти в отношении павших и живых участников Великой Отечественной войны получила свое продолжение в последующие годы. Как известно, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 года в ознаменование победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне был установлен всенародный праздник – День Победы. Но впервые широко он был отпразднован лишь спустя двадцать лет. 9 мая 1965 года в Москве состоялся военный парад

¹ Военно-исторический журнал. 1994. № 8. С. 56–61.

² Большая Энциклопедия в 62 т. Т. 46. М., 2006. С. 173.

на Красной площади. В этом же году День Победы стал нерабочим. 8 мая 1965 года Президиум Верховного Совета СССР своим Указом утвердил Положение о высшей степени отличия – звании «Город-герой» и «Крепость-герой».

В советское время звания «Город-герой» были удостоены 12 городов – Волгоград, Киев, Ленинград, Москва, Одесса, Севастополь (1965 г.), Керчь, Новороссийск (1973 г.), Минск (1974 г.), Тула (1976 г.), Мурманск, Смоленск (1985г.); звания «Крепость-герой» – Брестская крепость (1965 г.). В настоящее время четыре из них находятся на территории Украины, два (включая крепость-герой) – на территории Белоруссии, остальные – в России¹.

В 1960–1980-е годы много было сделано по увековечению памяти о Великой Отечественной войне. Создавались мемориальные комплексы и отдельные памятники, музеи и парки Вечной славы. Всего по состоянию на 1985 год в СССР было сооружено около 70 тыс. мемориалов и памятников в память о событиях или участниках войны². Именами героев войны назывались населенные пункты, улицы, школы, предприятия. Проводилась военно-патриотическая работа. Не всегда она достигала своих целей, не была свободной от формализма, осуществления «дежурных» мероприятий. Успешно воспитание подрастающего поколения шло, прежде всего, там, где забота о ветеранах, памяти павших носили неформальный характер. Например, в Волгограде. Здесь молодые люди могли прикоснуться к истории Великой Отечественной войны непосредственно. Рассказы родителей, родственников, соседей, переживших войну, дополнялись позитивным восприятием государственной политики по увековечению памяти о героях в мемориальных комплексах, художественных фильмах, мемуарах. О последних нужно сказать отдельно. В советское время, начиная с конца 1950-х годов, на читателя обрушился вал воспоминаний о Великой Отечественной войне. Особенно много их выходило к юбилеям Победы – в 1975, 1985 годах. Мемуары печатались в специальных сериях центральных издательств – «Военные мемуары» (Военное издательство Министерства обороны СССР), «О жизни, о себе» и «История советского общества в воспоминаниях современников» (Издательство политической литературы), а также местными издательствами. К середине 1980-х годов в СССР было издано свыше

¹ Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 683–684.

² Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 443.

3 тысяч мемуаров¹. Авторы воспоминаний не были свободными в своем творчестве. Всесильная цензура превращала интересные работы в заурядные записки. Все выбросить из мемуаров, конечно, было нельзя, что-то можно прочесть между строк. Наглядный тому пример – воспоминания Г. К. Жукова. Первое издание, вышедшее в 1970-м, разительно отличается, например, от пятого, «увидевшего свет» в 1983 году, уже после смерти автора. Тем не менее, военные мемуары являются важным историческим источником по изучению истории Великой Отечественной войны.

В годы застоя в сфере сохранения исторической памяти о войне неизбежно вмешивалась политическая конъюнктура. Так произошло в годы правления страной Л. И. Брежнева. Ущерб авторитету высших наград СССР нанесло его окружение, сделав – совершенно незаслуженно – четырежды Героем Советского Союза. Причем, все высшие награды Л. И. Брежнев получил уже после окончания войны – в 1966, 1976, 1978 и 1981 годах. Он также был награжден двумя орденами «Победа», ему было присвоено звание Маршала Советского Союза². Все три своих Звезды Героя Советского Союза получил в послевоенный период и С. М. Буденный – в 1958, 1963 и 1968 годах³.

В постсоветский период продолжалась работа по увековечению памяти о войне и ее героях. После распада СССР звание Героя Советского Союза было упразднено вместе с системой советских наград. Но авторитет этого звания оказался столь велик, что одним из первых Указов Президента России в марте 1992 года было учреждено звание Герой Российской Федерации. Вскоре его были удостоены участники Великой Отечественной войны; в частности, Героями Российской Федерации посмертно стали генерал-лейтенант М. Г. Ефремов, погибший в 1942 году в окружении под Вязьмой, и партизанка Вера Волошина, повторившая при обороне Москвы подвиг Зои Космодемьянской⁴. Таким образом, звание Героя Советского Союза получило своего правопреемника.

В 1995 году в Москве, на Поклонной горе состоялось открытие грандиозного мемориального комплекса, посвященного победе в Великой Отечественной войне, и памятника маршалу Г. К. Жукову на Монетной площади. В юбилейные 1995 и 2000 годы в

¹ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 442.

² Большая энциклопедия в 62 т. Т. 7. М., 2006. С. 253.

³ Там же. С. 406.

⁴ Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 700.

Москве состоялись военные парады, включавшие пеший проход ветеранов по Красной площади. В год 60-летия победы состоялся проезд 2600 ветеранов на легендарных «полуторках», который стал кульминацией военного парада. Общероссийский парад Победы впервые состоялся в России 9 мая 2010 года в 65-ю годовщину Победы.

Забота о ветеранах войны проявилась также и в решении обеспечить их жильем. В течение 2010 года эта проблема в стране была решена.

В 2006 г. Указом Президента Российской Федерации было учреждено почетное звание «Город воинской славы» – в продолжение советской традиции награждения городов. В 2007, 2008, 2009 и 2010 годах этого звания были удостоены 27 российских городов¹.

Примером сохранения народной памяти о войне является деятельность Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал». С 1990 г., после публикации первых сведений о предоставлении Германией денежной компенсации советским гражданам за принудительный труд в годы войны, в «Мемориал» поступило около 400 тысяч писем бывших «восточных рабочих», ошибочно полагавших именно здесь получить соответствующее вознаграждение. Под эгидой Международного «Мемориала» и Фонда им. Генриха Бёлля был осуществлен крупный международный проект «Восточные рабочие в Третьем Рейхе до и после 1945 года», в рамках которого проводилось письменное анкетирование остарбайтеров².

В настоящее время реализуется ряд исследовательских проектов, как российских, так и международных, предусматривающих запись рассказов бывших «остовцев». В их числе и программа «Документация принудительного труда в национал-социалистической Германии», реализуемая Центром устной истории и биографии Международного «Мемориала» при содействии фонда «Память, ответственность и будущее» (Берлин) и Института истории биографии (Хаген). Летом 2005 года сотрудники Центра устной истории и биографии в рамках данной программы провели ряд интервью с бывшими «восточными рабочими» на Юге России.

¹ Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 702.

² Полян П. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 18.

Беседы с «остовцами» проводились в форме интервью, записанных на видеокамеру, затем расшифрованных и напечатанных. Текст самого интервью предваряют сведения о месте и времени записи, фамилия и имя интервьюера, краткая биографическая справка о респонденте. Интервью содержат характеристику событий оккупации, обстоятельств угона в Германию, работы в рейхе, возвращения и последующей жизни¹. В настоящее время указанные материалы хранятся в архиве Центра устной истории и биографии Международного общества «Мемориал» и доступны для исследователей. Они являются ценнейшим историческим источником для изучения истории Великой Отечественной войны и ее малоисследованных страниц.

Французскому писателю Жану Кокто принадлежат слова о том, что подлинная урна с прахом усопшего не на кладбище, а в забывчивых сердцах. Выразим надежду на то, что российское общество извлекло уроки из событий прошлого, что мы никогда не забудем свою великую и трагическую историю, что память о войне, ее погибших, забота о живых участниках битвы с фашизмом будет для нас насущной потребностью. Сегодня есть предпосылки для того, чтобы манкурты² никогда не доминировали в нашем обществе. Для этого необходимо знать всю правду о прошлом, без изъянов и улучшений.

¹ *Кринко Е.* Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних «восточных рабочих» // Вторая мировая война в памяти поколений: Сборник научных статей. Краснодар, 2009. С. 48–49.

² По Ч. Айтматову, манкурт – умышленно лишенный памяти.

2. МАСШТАБЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ И ПОТЕРЬ СССР В ВОЙНЕ В ЗЕРКАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СТАЛИНСКОГО ПЕРИОДА

2.1. Публикации о «большом терроре» и его жертвах как составная часть советской пропаганды

«Большой террор»¹ – явление уникальное в советской истории. За два года по обвинению в политических преступлениях аресту подверглись более полутора миллионов человек². Большая часть из них – 1 344 923 человека – были осуждены за контрреволюционные преступления, из которых половина приговорена к высшей мере наказания³. Это означает, что в среднем государство за эти годы ежедневно убивало тысячу своих невинных граждан.

В настоящем параграфе «большой террор» будет представлен глазами его заказчиков, идеологов, организаторов и пропагандистов.

С 23 февраля по 5 марта 1937 года состоялся печально известный Пленум ЦК ВКП(б), на котором 3 марта с основным докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» выступил И. В. Сталин, повторивший свой известный вывод об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма. Он заявил: «...чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов,

¹ Впервые термин «большой террор» был введен в научный оборот в 1968 г. английским исследователем Робертом Конквестом (*Conquest R. The Great Terror. Stalin's Purge of the Thirties. L., 1968*). Сегодня существуют различные трактовки хронологических рамок «большого террора», как правило, охватывающие 1930-е гг. (1934–1938, 1936–1938 и др.). В данной статье рассматриваются события 1937–1938 гг., по образному выражению М. Юнге и Р. Биннера, «ядро большого террора». В эти годы осуществлялся оперативный приказ наркома внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов. В ходе этой массовой карательной операции подверглись аресту по обвинению в политических преступлениях более 1,5 млн. человек.

² Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. М., 2000. С. 318.

³ Там же.

тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных»¹. Главными врагами советского государства были объявлены троцкисты, превратившиеся, по мнению И. В. Сталина, «...в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов»². Он призвал «в борьбе с современным троцкизмом» применять... «не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчёвывания и разгрома»³. Фактически это была четко сформулированная перед НКВД СССР задача на уничтожение («выкорчёвывание») «врагов народа». В Заключительном слове на Пленуме 5 марта 1937 года И. В. Сталин, опираясь на результаты партийной дискуссии десятилетней давности – 1927 года, – даже назвал конкретное (!) количество «врагов» – 30 тысяч троцкистов, зиновьевцев и всякой другой «шушеры»⁴: правые и прочие...»⁵. К моменту Пленума из них уже было арестовано 18 тысяч человек. Таким образом, «врагов», по Сталину, осталось «всего» 12 тысяч⁶. Они, впрочем, представляли угрозу для партии и страны в целом, так как могли серьезно навредить, «напакостить и нагадить»⁷.

В резолюции Пленума, принятой 3 марта 1937 года по докладу Н. И. Ежова⁸ «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов», были одобрены «мероприятия ЦК ВКП(б) по разгрому антисоветской, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистов и иных двурушников»⁹. Органы НКВД СССР фактически получили неограничен-

¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. Март 1934–1940. М., 1997. С. 166.

² Там же. С. 164.

³ Там же.

⁴ Использование сомнительных, грубых терминов и выражений было нормой партийной и советской печати тех лет. Оскорбление, шельмование, навешивание ярлыков своим оппонентам (особенно в речах и работах И. В. Сталина, А. Я. Вышинского и других) стало неотъемлемой частью политической компрометации, подчеркивало их враждебность, ставило вне закона.

⁵ Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. С. 204.

⁶ Там же. С. 205.

⁷ Там же.

⁸ 8 сентября 1936 года – нарком внутренних дел СССР.

⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 112.

ные полномочия в деле «разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма»¹. Они обязаны были довести эту работу «до конца, с тем, чтобы подавить малейшие проявления их антисоветской деятельности»². Только так Наркомвнудел³ мог искупить свою вину за то, что «запоздал» «с разоблачением... злейших врагов народа... по крайней мере, на 4 года»⁴.

Накануне Пленума, с 23 по 30 января 1937 года, в Москве, в Октябрьском зале Дома Союзов в открытом заседании состоялся процесс по делу так называемого «Антисоветского троцкистского центра»⁵. Его освещение в средствах массовой информации, идеологическое и пропагандисткое сопровождение преследовало несколько целей. Во-первых, показать советской и мировой общественности «врагов народа», конкретных организаторов диверсий, катастроф, крушений. Во-вторых, подготовить политическую почву для развязывания массовых репрессий, начавшихся в этом году. 22 января 1937 года было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О процессе по делу Пятакова, Радека, Сокольников, Серебрякова и др.»⁶, в котором определен порядок освещения в печати его материалов⁷. На процесс были допущены иностранные корреспонденты «буржуазной и коммунистической печати», а также журналисты советских газет «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 112. Очень скоро, через два с половиной года, «фашизм» на страницах советской печати либо не будет упоминаться совсем, либо будет в другом, положительном контексте, а фашисты из врагов в одночасье превратятся в друзей, правда, ненадолго.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 112.

³ Наркомвнудел – наркомат внутренних дел СССР; наркомвнуделец – работник НКВД. Такие аббревиатуры часто встречались на страницах партийных и советских изданий середины 1930-х годов.

⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 109; Такой срок – четыре года – в резолюции Пленума связывался с неисполнением чекистами ряда директивных документов (Инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 года, Закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 16 января 1935 года «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова» и другие), в которых говорилось об обострении борьбы с контрреволюцией.

⁵ В литературе встречается и другое название – «Параллельный антисоветский троцкистский центр».

⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 54.

⁷ Там же. С. 54–55.

других¹. Было решено допустить на процесс «послов иностранных государств, или их заменяющих, если последние изъявят желание присутствовать», а также иностранных писателей Л. Фейхтвангера и А. Нексе². Открытый характер процесса определил его четкую режиссуру. Детально был установлен порядок допроса обвиняемых и содержание их выступлений, а также выступлений свидетелей и экспертов, обвинительное заключение, речь прокурора СССР А. Я. Вышинского и текст приговора. Газеты «Правда», «Известия», «За индустриализацию», «Гудок», «Рабочая Москва» должны были печатать ежедневно, в течение всего процесса, полторы полосы, остальные газеты – полосу отчетных материалов о процессе. Особо оговаривалось, что газеты должны на своих страницах помещать статьи и отклики «с мест» по ходу процесса³.

Рассмотрим, как постановление Политбюро было реализовано в отношении освещения процесса, на примерах газет «Правда», «Известия» и журнала «Большевик»⁴. В газете «Правда» от 27 января 1937 года печатается подборка откликов на ход процесса. «Подлые изменники – Пятаков, Радек, Сокольников и др. – объединились с достойными их представителями фашистских охранок для осуществления своего грязного дела реставрации капитализма в

¹ Кроме названных грандов советской прессы, в Октябрьский ЗАЛ Дома Союзов были допущены корреспонденты следующих газет: «За индустриализацию», «Красная Звезда», «Гудок», «Крестьянская газета», «Ленинградская правда», «Коммунист», «Заря Востока», «Уральский рабочий», «Звезда», «Советская Сибирь», «Горьковская коммуна», «Молот», «Бакинский рабочий», «Дейтше Централь Цайтунг», «Журнал де Моску», «Москау Дейли Ньюс» // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 54.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 55; Л. Фейхтвангер сполна оплатил Сталину за внимание. В 1937г. в Амстердаме вышла его книга «Москва 1937. Отчёт о поездке для моих друзей», которая в том же году была перепечатана в Москве издательством «Художественная литература». Автор подробно описывает процесс по делу так называемого «Анти-советского троцкистского центра», явно оправдывая действия властей, с большой симпатией пишет о Советском Союзе, в чистом воздухе которого «дышать становится легко» // Фейхтвангер Л. Москва 1937. М., 2001. С. 113.

³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 55.

⁴ Газета «Правда» – орган Центрального Комитета и МК ВКП (б), журнал «Большевик» – политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП (б) в те годы являлись основными идеологическими органами большевистской партии, имевшими колоссальное политическое влияние. Их руководящие редакционные статьи, выражавшие мнение Политбюро и всего Центрального Комитета ВКП(б), играли огромную роль в агитации и пропаганде, часто служили отправными точками в развязывании очередной идеологической кампании, в том числе по шельмованию очередных «врагов народа».

нашей стране. Не удастся им их гнусный замысел. Нет той силы, которая помешала бы нам завершить построение коммунистического общества», — заявили на митинге рабочие и служащие завода имени Дзержинского в Москве¹. А вот звучит голос сельского пролетариата — трактористов и комбайнеров Белгородского района Курской области: «В ответ на варварские преступления обезумевших извергов трактористы и комбайнеры дают клятву ещё крепче сплотиться вокруг любимой партии Ленина—Сталина, ещё лучшим, стахановским трудом бороться за высокий урожай»².

Не менее гневные, эмоциональные отклики «с мест» печатаются в эти дни в газете «Известия». Вот фрагмент выступления на митинге работницы московского завода «Красный треугольник» М. М. Васильевой: «Я — женщина, я — мать, я — бабушка. Но ни одну секунду не дрогнула бы у меня рука, если бы мне поручили привести в исполнение беспощадный приговор, который должен вынести всем им Верховный Суд!»³ Обращаем внимание на слово «должен». Сомнений быть не могло — предатели, двурушники, шпионы должны быть наказаны по всей строгости. Страна с удовлетворением воспринимает приговор по делу так называемого «Антисоветского троцкистского центра» — из 17 обвиняемых, большую часть — 13 человек приговаривают к расстрелу, остальных — к длительным срокам лишения свободы.

Журнал «Большевик» в третьем номере за 1937 год, вышедшем 1 февраля, помещает два материала о процессе — передовую статью «Приговор суда — приговор народа» и статью профессионального пропагандиста Н. Л. Рубинштейна⁴ «Подлые предатели родины и наемники фашизма». Журнал «Большевик» играл особую роль в политической жизни страны. Сам Сталин неоднократно называл его «боевым журналом», «боевым органом», а материалы, печатавшиеся на его страницах, предлагал рассматривать как «руководящие» или, во всяком случае, «глубоко поучительные»⁵. В журнале «Большевик» было меньше эмоций, истерии, психоза. Его задача — сформулировать правильные политические выводы, оправдать действия, даже чрезвычайные, правящей партии по разоблачению «врагов на-

¹ Правда — орган Центрального Комитета и МК ВКП(б). 1937. 27 января.

² Там же.

³ Известия Советов депутатов трудящихся. 1937. 25 января.

⁴ Автор статьи Николай Леонидович Рубинштейн (1902—1953). Профессиональный пропагандист, доктор исторических наук, профессор. На момент написания статьи — заместитель директора Центрального музея В. И. Ленина.

⁵ Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. С. 18, 23.

рода», предложить целенаправленный идеологический вектор, ясно указывающий на смертельную опасность, таившуюся, в данном случае, в деятельности «Антисоветского троцкистского центра», который ни мало, ни много пытался реставрировать в СССР капитализм¹. А нагнетание массового психоза, истерии, народного негодования, атмосферы всеобщей «бдительности» – задача центральных, а в большей степени – местных газет. Во-первых, это облегчало «выявление» десятков, сотен тысяч «врагов народа», оправдывало разоблачение «антисоветских», «фашистских», «террористических» организаций даже в самых отдаленных городах и селах. Во-вторых, оставляло за центральной властью право спросить за «перегибы» с местных партийных организаций и их боевых органов в случае изменения политического курса.

Спустя неполных четыре месяца после окончания февральско-мартовского Пленума, 2 июля 1937 года вышло постановление Политбюро с типичным, «конвейерным» для этого периода названием «Об антисоветских элементах»². Этим постановлением ЦК ВКП(б) предложил «всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но всё же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД»³.

30 июля 1937 года народный комиссар внутренних дел СССР Н. И. Ежов подписал ныне широко известный оперативный приказ № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов⁴. Если выступления, статьи И. В. Сталина и его клеветов – В. М. Молотова, А. Я. Вышинского, Л. М. Кагановича, Н. И. Ежова, Н. В. Крыленко, Л. П. Берия и других о нарастании классовой борьбы в 1930-х

¹ Большевик – политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП(б). 1937. № 3. С. 34–46.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 234.

³ Там же. С. 235; Степень «враждебности» антисоветских элементов определяли «тройки» – квазисудебные органы, в состав которых в обязательном порядке входили руководители местных управлений НКВД, а также секретари соответствующих партийных организаций, прокуроры и др.

⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 273–281.

годах можно расценить как злободневную политическую задачу, своеобразный социальный заказ, решения Политбюро об «антисоветских элементах»¹ – высшего органа правящей партии – как важнейший ориентир, конкретизацию поставленных целей, то оперативный приказ НКВД был четким руководством к действию. Он определил порядок, сроки, масштабы, перечень «контингентов»², подлежавших репрессиям, а также утвердил персональный состав республиканских, краевых и областных «троек», организацию их работы и полномочия. Все репресслируемые по мерам наказания разбивались на две категории. К первой относились все наиболее враждебные «антисоветские элементы». Они подлежали «немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках – расстрелу»³. Ко второй категории относились «все остальные менее активные, но всё же враждебные элементы»⁴. Они подлежали «аресту и заключению в лагерь на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них – заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки»⁵. Цена решения «тройки» была очень высока. Отнесение «тройкой» репресслируемого к первой категории означало неминуемую скорую смерть, ко второй – смерть, но мучительную и долгую.

В приказе было утверждено конкретное количество подлежавших репрессиям по первой и второй категории по каждой республике, краю или области. Всего по стране «в плановом порядке» предстояло репрессировать по первой и второй категориям 268 950 человек⁶. В начале марта 1937 года И. В. Сталин назвал 30 тысяч врагов (троцкисты, зиновьевцы, правые и проч.), которых

¹ Таких решений в 1937–1938 годах Политбюро ЦК ВКП(б) приняло несколько десятков.

² Перечень категорий, подлежавших репрессиям, настолько обширный, что при большом желании к ним можно было отнести любого гражданина. Назовём их: это «бывшие кулаки», «социально-опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях», «члены антисоветских партий», «бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандопособники, переправщики, реэмигранты», «наиболее враждебные и активные участники... казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований», «сектантские активисты, церковники», «уголовники» // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 274.

³ Там же.

⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 274.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 275–276 (расчет наш – С. К.).

предстояло уничтожить, в конце июля того же года в оперативном приказе № 00447 фигурирует цифра в девять раз больше. Фактически в 1937–1938 годах за контрреволюционные преступления было осуждено 1 344 923 человека, из которых 681 692, или 50,69%, – расстреляно¹. «Скромная» цифра Сталина, прозвучавшая на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 года, о 30 тысячах врагов в реальной практике репрессий была превышена в 45 раз!

Пропаганда и, прежде всего, средства массовой информации, в период осуществления оперативного приказа НКВД СССР № 00447 (август 1937–ноябрь 1938 гг.) проявляли особую активность. Нельзя сказать, что материалы о разоблачении «врагов народа» заслонили всё остальное в жизни страны. На страницах центральных газет в это время много писалось о внешней политике, в частности, о событиях в Испании, достижениях промышленности и сельского хозяйства, культурной жизни. Но редакционные статьи, репортажи «с мест», письма в редакцию, заметки постоянно напоминали о «врагах народа». О них писали по любому поводу и без повода, прямо и опосредованно, показывая героическую борьбу работников НКВД. Главным героем газетных публикаций постепенно становился смелый, принципиальный, беспощадный к врагам наркомвнуделец (а не партработник, как ранее), его антиподом – двуличный, хитрый, коварный шпион, вредитель, диверсант, которого призывал «громить» и «выкорчёвывать» И. В. Сталин в марте 1937 года. «Любовь народа» к работникам наркомата внутренних дел образно выразил А. И. Микоян в докладе на собрании актива партийных, советских и общественных организаций Москвы, посвященном 20-летию ВЧК–ОГПУ–НКВД в декабре 1937 года: «У нас каждый трудящийся – наркомвнуделец!»².

На страницах центральных газет в юбилейном 1937 году явно преобладают две линии. Первая направлена на разоблачение «врагов народа», на борьбу с расхлябанностью, распушенностью, недисциплинированностью. Вторая – на восхваление чекистов, работников НКВД, которые этих «врагов» разоблачают. При этом бесконечно повторялась песня о вредительско-враждебной деятельности троцкистских, фашистских и других агентов. Так, 18 июля 1937 года газета «Правда» печатает постановление ЦИК СССР, в котором говорилось о награждении Н. И. Ежова орденом Ленина «за выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по вы-

¹ Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 318.

² Правда. 1937. 21 декабря.

полнению правительственных заданий»¹. Через десять дней – официальный отчет о вручении орденов работникам НКВД СССР на заседании Президиума ЦИК. Принимая награду, Н. И. Ежов заявил: «Работа в органах НКВД является наградой сама по себе, поскольку народ доверяет тебе этот острейший участок защиты интересов всего советского государства. Отсюда и требования народа к работникам НКВД более повышенные. И первой, священной нашей обязанностью является оправдать это доверие...»². Вручив награды, всесоюзный староста М. И. Калинин обратился к награжденным с приветственной речью: «В Советском Союзе вряд ли найдется хоть один честный гражданин, который усомнился бы в справедливости этого награждения. Мы знаем, что фашизм был связан в нашей стране с довольно значительным количеством лиц. Открытие этих связей, разоблачение и уничтожение фашистско-шпионских и диверсантских гнезд – большая заслуга нового руководства НКВД»³. Менее чем через полтора года «новое руководство НКВД» будет отстранено от работы в органах внутренних дел, а затем репрессировано. Но тогда, в 1937 году популярность Н. И. Ежова могла сравниться с популярностью И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича. Вчерашний клерк, заработавший политический вес на партийных чистках⁴, занял место среди советских «полубогов» на отечественном Олимпе. О его популярности говорит следующий факт. В конце 1937 года происходило выдвижение кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Со-

¹ Правда. 1937. 18 июля; На несколько дней раньше – 3 июля 1937 г. «свой» орден Ленина «заработал» начальник Управления НКВД Азово-Черноморского края Генрих Самойлович Люшков (1900–1945), который ещё до начала массовой операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов (5 августа 1937 г.), проявив особое рвение, выявил у себя в крае 5721 кулака, подлежащих расстрелу. Правда, менее чем через год, Люшков, переведённый за заслуги на должность начальника Управления НКВД Дальневосточного края, совершил побег в Маньчжурию, где выступит с серией газетных интервью, разоблачавших сталинский террор // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 644; *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999. С. 281.

² Правда. 1937. 28 июля.

³ Там же.

⁴ Выступая с Отчетным докладом на XVIII съезде ВКП(б) «О работе ЦК ВКП(б)» 10 марта 1939 года И. В. Сталин так охарактеризовал чистки партии 1933–1936 годов: «Нельзя сказать, что чистка была проведена без серьезных ошибок. К сожалению, ошибок оказалось больше, чем можно было предположить» // XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 28.

гласно сводке постановлений общих собраний трудящихся по всей стране, на 10 декабря товарища Сталина в депутаты выдвинули 3346 коллективов, товарища Ворошилова – 1693, товарища Ежова – 1355, товарища Калинина – 1272¹. Новоявленный кандидат в депутаты, генеральный комиссар государственной безопасности, Николай Иванович Ежов, выступая перед избирателями Горьковского – Ленинского избирательного округа в г. Горьком так охарактеризовал политическую обстановку в стране: «...товарищи, борьба ещё не кончена. На нашем пути встретится ещё не мало трудностей. Не надо забывать, что наша страна находится во враждебном капиталистическом окружении...чем сильнее мы становимся, чем мы становимся богаче, тем больше злобы мы вызываем у оголтелой своры фашиствующей буржуазии, которая...засылает к нам пачками шпионов, диверсантов и вредителей»². Ещё одно свидетельство растущего влияния Ежова. В 1937–1938 годах он побывал в служебном кабинете Сталина 288 раз и провел у вождя в общей сложности 855 часов. Чаще Ежова в эти годы из 17 высших партийных и советских руководителей Сталин принимал только Председателя СНК СССР Молотова (396 посещений и 1239 часов)³.

Нельзя не сказать об активности ещё одного сталинского клеветы – прокурора СССР Андрея Януарьевича Вышинского. Он успевал выступать государственным обвинителем на всех крупных, «показательных» процессах середины 1930-х годов, писать гневные, разоблачительные статьи в газеты и журналы, вносить новации в советское уголовно-процессуальное право⁴. Так, в десятом номере журнала «Большевик» за 1937 год он опубликовал статью «Методы вредительско-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков»⁵. В начале статьи он обрушился с обвинениями на шпионско-диверсионное и террористическое подполье, якобы существовавшее в СССР, и методы борьбы врагов – клевета, саботаж, вредительство, диверсии, шпионаж, террор, измена родине. Вышинский назвал организаторов всех бед советской страны – Троцкий, иностранные разведки, а также конкретных исполнителей их преступных замыслов – Пятаков, Дробнис, Лившиц, Князев, Серебря-

¹ Правда. 1937. 10 декабря.

² Правда. 1937. 11 декабря.

³ Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 339, 470.

⁴ См., например, Вышинский А. Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. М., 1937; Он же. Судебные речи. М., 1938 и др.

⁵ Большевик. 1937. № 10. С. 18–30.

ков, Арнольд, Турок, Ратайчак и др. Но в конце статьи, неожиданно заявил: «Нельзя утешаться тем, что вредителей немного, а честных строителей социализма миллионы. Нельзя утешаться тем, что вредительство не может поколебать мощь нашего хозяйства, силы нашей страны»¹. Вышинский призвал систематически и последовательно разоблачать приемы и методы «троцкистско-фашистских вредителей и диверсантов, всей их предательской, подлой практики и техники совершения гнуснейших преступлений»².

Идея борьбы с «врагами народа» пронизывала все поры советского общества. Личная жизнь, социальные институты, семья, образование, культура, наука, ни одна сфера общественной или другой жизни не были свободны от вмешательства государства, насаждавшего «сверхбдительность», формировавшего атмосферу подозрительности и тотального страха. В мае 1934 года было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР»³. В соответствии с этим постановлением был проведен конкурс на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР. Вторая премия⁴ была присуждена авторам учебника, составленного кафедрой истории СССР Московского государственного педагогического института под редакцией профессора А. В. Шестакова⁵. «Краткий курс истории СССР» под редакцией А. В. Шестакова был рекомендован в качестве учебника для третьего и четвертого классов⁶. В немалой степени успех авторского коллектива стал следствием хорошего знания политической конъюнктуры, умения угодить властям. Последняя, пятнадцатая глава учебника называлась «СССР есть страна победившего социализма». В ней говорилось, в частности, «о врагах народа, которые пытались сорвать поставленные перед страной товарищем Сталиным планы индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Предатели Троцкий, Зиновьев, Каменев утверждали, что в СССР невозможно построить социалистическое общество. Они утверждали, что рабочие и крестьяне не могут обойтись без капиталистов и кулаков (Стр. 194–196). Враги

¹ Там же. С. 30.

² Там же. С. 30.

³ Об изучении истории СССР. М., 1938. С. 14.

⁴ Первая премия не была присуждена // Там же. С. 21.

⁵ Среди них были будущие академики, корифеи отечественной исторической науки – Минц, Нечкина, Генкина, Панкратова, а также Гудошников и Глязер // Там же. С. 22.

⁶ Там же.

народа, слуги буржуазии развернули вредительство, чтобы сорвать социализм. Но они были разоблачены»¹. Пропаганда и агитация имели колоссальное влияние на сознание людей, средства массовой информации оказывали огромное давление на души и сердца советских граждан, их психику. Обратимся к дневнику Юлии Иосифовны Соколовой, жены известного большевика, Иосифа Ароновича Пятницкого², который она вела в 1937–1938 годах.

Запись от 7.03.1938 г.: «Сегодня в 11 часов вечера (8 месяцев тому назад) окончилась жизнь Пятницкого в семье.

Сегодня Вова³ принёс «плохо» по русскому языку, я очень рассердилась на него: он ленив»⁴.

Запись от 8.03.1938 г.:

«Эх, мать, ну и сволочь же отец. Только испортил все мои мечты. Правда, мать? У меня предчувствие такое, что Игорь⁵ наш не виноват, только проболтался, а отец – какой-то большой виновник». В 11,5 часов вечера вчера Вовка разговорился сначала о моральной силе Красной Армии, о пограничниках (всегда ведь мечтает о жизни пограничников) – и решил, очевидно, что его не возьмут из-за отца. Я разговор не поддерживала, сказала только: «Сначала выучись, будь хорошим общественником, а там посмотрим, а папу не забывай так. Мы ещё не знаем, может быть, он не виноват, а ошибся, может быть, его враги обманули». А Вовка сказал: «Нет, нет, не верю». Как придёт из школы, берёт газету и читает показания [с процесса]⁶, он буквально в ужасе от их «дел». Часто рас-

¹ Правда. 1937. 25 августа.

² Пятницкий (Таршис) Иосиф (Осип) Аронович (1882–1938). Член Коммунистической партии с 1898 г. С 1921 г. в Исполнительном комитете Коммунистического Интернационала (ИККИ), в аппарате ЦК ВКП(б). Являлся секретарем ИККИ. Был арестован 7 июля 1937 г., после выступления на июньском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), где высказался против предложения Сталина предоставить НКВД СССР чрезвычайные полномочия.

³ Младший сын Пятницкого и Соколовой.

⁴ Доднесь тяготееет. Вып. 1. Записки вашей современницы. М., 1989. С. 283.

⁵ Старший сын Пятницкого и Соколовой. Был арестован вслед за своим отцом.

⁶ Речь идёт о процессе по делу так называемого «Антисоветского правотроцкистского блока», который состоялся со 2 по 13 марта 1938 г. По этому делу проходил 21 человек, в т. ч. Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, А. П. Розенгольц, М. А. Чернов и другие. Большинство подсудимых были приговорены к расстрелу.

спрашивает об отдельных личностях. Особенно ему страшен Ягода¹ и Буланин², спрашивал меня, как готовили яд»³.

Маленький фрагмент дневника погружает нас в страшную атмосферу тех лет, время глубоких нравственных потерь. Статьи в «Правде» или «Известиях», а тем более материалы об очередном процессе, где вскрывались всё новые и новые факты преступлений «врагов народа», унизившихся до организации диверсий, катастроф и даже отравления руководителей партии и государства, вызывают у 12-летнего мальчика Вовы страх и ужас. Он не верит, что его отец невиновен. Настолько убедительна газетная публикация, настолько правдоподобны «факты», изобличающие преступников. Сотни и тысячи таких мальчишек и девочек прошли через унижительные процедуры публичного отречения от своих родителей, объявленных «врагами народа», детские дома, лишения и страдания. Всего за 1937–1938 годы, по неполным данным, было репрессировано не менее 43 тысяч жён и детей «членов семей изменников Родины»⁴. К счастью для Владимира Пятницкого, он уцелел. После ареста матери, он находился в детском доме. В феврале 1942 года, скрыв своё происхождение, ушёл добровольцем на фронт⁵.

Великий русский философ Николай Бердяев, высланный из России в 1922 году, так охарактеризовал фарс «показательных» процессов 1937–1938 гг. и атмосферу двуличия, царившую в обществе: «Одна безобразная инсценировка советских процессов, в которых обыкновенно в одной и той же форме каются, может внушить отвращение ко всей системе»⁶.

¹ Ягода Генрих (Енох) Григорьевич (Гершенович) (1891–1938). В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1919 г. В 1934–1936 гг. нарком внутренних дел СССР. В 1936–1937 гг. нарком связи. Арестован 28 марта 1937 г. На процессе по делу так называемого «Антисоветского правотроцкистского блока» приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован.

² Речь идёт о Буланове Павле Петровиче (1895–1938). В 1931–1937 гг. секретарь НКВД СССР и ответственный секретарь Особого совещания НКВД СССР. Арестован 29 марта 1937 г. На процессе по делу так называемого «Антисоветского правотроцкистского блока» приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян. Реабилитирован.

³ Участникам так называемого «Антисоветского правотроцкистского блока» (И. Н. Казаков, Л. Г. Левин, В. А. Максимов-Диковский, Д. Д. Плетнёв, П. П. Крючков, П. П. Буланов), в том числе инкриминировали «умерщвление» А. М. Горького, его сына М. А. Пешкова, В. В. Куйбышева, В. Р. Менжинского и покушение на жизнь Н. И. Ежова (ртутное отравление) // Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 236–238.

⁴ Узницы «АЛЖИРа». М., 2003. С. 22–24.

⁵ Доднесь тяготееет. С. 284.

⁶ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 121.

Обратимся к вопросу о числе жертв, масштабах репрессий и их отражению в сталинских средствах массовой информации. Можно ли было сделать выводы о количестве «врагов народа», исходя из анализа масс-медиа? Можно, если уметь читать «между строк». Напомним, о высказываниях лидеров советского режима. И. В. Сталин: «30 тысяч» троцкистов, зиновьевцев, правых и др. (март 1937г.)¹, «полтора миллиона» исключённых из партии с 1922 г. (март 1937 г.)²; М. И. Калинин: «фашизм был связан в нашей стране с довольно значительным количеством лиц» (июль 1937г.)³; Н. И. Ежов: «оголтелая свора фашиствующей буржуазии...засылает к нам пачками шпионов, диверсантов и вредителей» (декабрь 1937 г.)⁴. При всей абстрактности высказываний, можно сделать вывод о процессах, затрагивающих судьбы сотен тысяч людей. 17 августа 1937 года газета «Правда» опубликовала передовую статью «Смелее выдвигать молодые партийные кадры». В ней, в частности, говорилось: «В общей цепи всех мероприятий партии по выдвижению и воспитанию партийных кадров особое значение имеет реализация предложения товарища Сталина о подборе и выдвигании вторых и третьих секретарей райкомов, горкомов, обкомов, крайкомов, заместителей секретарей парткомов первичных организаций и парторгов. Стоит лишь напомнить, что речь идёт о выдвижении несколько сот тысяч партийных руководителей, чтобы оценить всё огромное значение этого мероприятия»⁵. Стоит задуматься, а что случилось с первыми секретарями райкомов, горкомов, обкомов, крайкомов, секретарями парткомов и парторганами? Куда они «исчезли» в одночасье, через две недели после начала «антикулацкой операции»? Понятно, что некоторые пошли на повышение, но их было немного. И сколько «исчезло» — «несколько сот тысяч» понятие неточное. Двести тысяч, триста, пятьсот, шестьсот? Сколько? Ответа на эти вопросы нет.

Ещё один пример. Выступая на XVIII съезде партии с Отчётным докладом «О работе ЦК ВКП(б)» 10 марта 1939 года И. В. Сталин привёл следующую статистику. На XVII съезде партии (декабрь 1934 г.) было представлено 1 874 488 членов партии, на XVIII съезде — около 1600 тысяч. В результате партийных «чи-

¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. С. 204.

² Там же. С. 205.

³ Правда. 1937. 28 июля.

⁴ Правда. 1937. 11 декабря.

⁵ Правда. 1937. 17 августа.

сток» 1933–1936 гг. партия уменьшилась примерно на 270 тысяч человек (около 15%)¹. А насколько уменьшилось партийное и беспартийное население страны в результате «чисток» арестами и расстрелами в 1937–1938 гг.? Даже думающему человеку, умеющему читать «между строк», в 1930-е годы сделать выводы о масштабах потерь в ходе «большого террора» было непросто. Современные авторы подсчитали, что в 1937–1938 гг. по политическим мотивам было репрессировано 1,3% по отношению к взрослому населению СССР².

Подведём некоторые итоги

- Литература середины 1930-х годов, так или иначе затрагивавшая проблемы политических репрессий, носила исключительно пропагандистский, прикладной характер.

- Главными «историографами», идеологами и организаторами «большого террора» были Сталин и его приближенные – Молотов, Ежов, Вышинский, Каганович, Крыленко, Берия и др. Их работы и выступления о нарастании классовой борьбы и ожесточённом сопротивлении поверженных классов можно расценивать как социальный заказ, последовательную политическую задачу, направленную на расширение террора.

- Публикации середины 1930-х годов слишком абстрактно характеризовали масштабы политических репрессий. Истинные размеры трагедии замалчивались. Подготовленным энтузиастом (а их, как нам кажется, было крайне мало) оставалось лишь читать «между строк», не рассчитывая получить верный результат.

- Официальная литература преследовала сугубо практические идеологические цели. Необходимо было обосновать, доказать необходимость преследования и уничтожения многочисленных «врагов народа», появившихся в СССР спустя 20 лет после большевистского переворота.

- Страницы газет и журналов середины 1930-х годов были наводнены материалами о многочисленных «врагах народа», призывали к «сверхбдительности», создавая тем самым в обществе атмосферу страха, агрессивности, подозрительности.

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). С. 28; Не все они были арестованы, осуждены или расстреляны. Но ничего хорошего в судьбе исключённых после этого события, смею заверить, не происходило.

² Земсков В. Н. Заключённые в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 60; Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 318 (расчёт наш – С. К.).

- Ни одна сфера жизни общества – частная жизнь, социальные институты, наука, культура, образование не были свободны от идеологического воздействия. Всё – от школьных учебников до массовых митингов – было пронизано духом идеологической нетерпимости, ненависти к «врагам народа», оправдания государственного беззакония и произвола.

2.2. Отражение последствий Великой Отечественной войны в работах военных и послевоенных лет

В 2010 году в России отметили 65-летие Победы СССР в Великой Отечественной войне. Для тех, кто пережил войну и для их потомков, Победа навсегда останется величайшим событием XX века. Важнейшей нравственной и научной проблемой является цена, которую народы СССР заплатили за разгром врага, достижение Победы. На разных этапах послевоенной отечественной истории вопрос о потерях в войне становился предметом острых научных дискуссий, политических игр, идеологических противоборств. В советский период история войны и её итоги стали заложниками глобального противостояния между Востоком и Западом, аргументами в споре об исторических преимуществах того или иного общественно-политического строя.

Официальная отечественная историография кануна и Великой Отечественной войны в целом и её демографических последствий, в частности, прошла сложный и извилистый путь. От прямых фальсификаций и лжи о потерях СССР в войне до глубоких и объективных исследований, которые приближают нас к исторической правде.

Выделим несколько этапов в истории изучения репрессий и потерь в 1937–1945 годах.

I этап приходится на вторую половину 1941–середины 1950-х годов. Первые оценки потерь основных противоборствующих сторон относятся к 1941 году. Завершается этот этап примерно в 1955–1956 годах, когда после смерти Сталина публикации, содержавшие перечисление исключительно позитивных итогов войны, постепенно сокращаются.

II этап тесно связан с хрущёвской «оттепелью» и датируется серединой 1950-х–серединой 1960-х годов. Несомненно, его начало

относится к 1956 году, XX съезду КПСС, а завершается он примерно в 1965 году, когда была опубликована в издательстве «Наука» книга А. М. Некрича «1941, 22 июня». Последовавшая резкая официальная критика этой книги стала своеобразным водоразделом между «оттепелью» и «застоем» в исторической науке, она словно провела жирную черту под вольностями хрущёвской эпохи.

III этап мы датируем второй половиной 1960-х–серединой 1980-х годов. В 1965 году вышел последний, шестой том фундаментальной «Истории Великой Отечественной войны», сданный в набор в августе 1964 года, ещё при Хрущёве. В следующем году в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС прошло обсуждение книги А. М. Некрича «1941, 22 июня», носившее якобы «абсолютно неофициальный характер», но на деле приведшее (понятно, не только одно это обсуждение) к запрещению книги, частичному уничтожению экземпляров, хранившихся в библиотеках, и исключению автора книги из КПСС. Начиная с этого времени, фактически был наложен запрет на острые публикации по истории войны, исследование сложных, противоречивых проблем, включая и истинные военные потери. Завершается этот этап примерно в 1985 году, когда Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М. С. Горбачёв, объявивший политику гласности и перестройки.

IV этап, пожалуй, самый непродолжительный, но очень важный и даже переломный. Он продолжался со второй половины 1980-х до начала 1990-х годов. Начало этого этапа приходится на 1986–1987 гг. – время первых острых публицистических материалов в СМИ, в том числе посвященных войне, а завершается он примерно в 1992 году. К этому времени в «активе» историков были не только серьёзные статьи, но и первые монографии, в которых назывались ошеломляющие цифры прямых и косвенных потерь СССР в 1941–1945 гг.

8 мая 1990 года на торжественном заседании Верховного Совета СССР, посвящённом 45-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, М. С. Горбачёв обнародовал в округлённом виде новую официальную версию о числе погибших советских граждан в 1941–1945 гг. – «почти 27 млн человек».

V этап начинается в 1993 году. В этом году вышла «в свет» книга «Гриф секретности снят: Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». Начиная с 1993 года, последовательно выходят исторические, статистические, демографические исследования, в которых различные аспекты

темы о потерях СССР и Германии в Великой Отечественной войне становятся предметом всестороннего, объективного анализа.

В настоящем параграфе анализируются отечественные публикации 1940-х–середины 1950-х годов о потерях СССР в Великой Отечественной войне. Важнейшими чертами исследований этих лет стали сокрытие истинных данных о потерях СССР в войне, прямые фальсификации на этот счёт, завышение сведений о числе погибших военнослужащих и мирных граждан Германии. Литература, выходящая в эти годы, носила исключительно прикладной, пропагандистский характер. Её задачей было обслуживать главный идеологический постулат об итогах войны, а именно: «...победа означает прежде всего, что победил...советский общественный строй, что советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность»¹. Нечего и говорить о том, что в литературе 1940-х – первой половины 1950-х годов даже в постановочном плане не поднимались вопросы о структуре потерь в годы войны, числе военнопленных, масштабах политических репрессий, депортаций и др.

Первым автором, опубликовавшим данные о масштабах потерь СССР и Германии в первые месяцы войны, был И. В. Сталин. Выступая с докладом на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 года, он заявил: «За 4 месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек, а раненых имеем 1 миллион 20 тысяч человек. За тот же период враг потерял убитыми, ранеными и пленными более 4-х с половиной миллионов человек. Не может быть сомнения, что в результате 4-х месяцев войны Германия, людские резервы которой уже иссякают, – оказалась значительно более ослабленной, чем Советский Союз, резервы которого только теперь разворачиваются в полном объёме»².

В своём докладе, по расчётам ряда авторов, Сталин завысил потери врага в 6,5–6,9 раза, а собственные снизил в 6–8 раз³. Налицо явная фальсификация данных о советских потерях. Не мог Сталин не знать истинного (или близкого к нему) положения дел. Извест-

¹ *Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. 1946–1952. М., 1997. С. 7.*

² *Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1952. С. 20.*

³ *Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей). СПб, 1998. С. 249; Первышин В. Г. Сталин и Великая Отечественная война. М., 2004. С. 325.*

но, что только пленными Красная Армия в 1941 году потеряла до 3,9 млн человек¹, о которых Сталин даже не упомянул. Сталинские приёмы фальсификации – занижение собственных потерь, преувеличение потерь противника, замалчивание «неудобных» тем (количество попавших в плен солдат и офицеров, коллаборационистских формирований, умерших от голода в годы войны, погибших в лагерях и др.) – надолго вошли в арсенал авторов, писавших об итогах войны.

16 декабря 1941 года газета «Правда» – орган ЦК ВКП(б) – опубликовала выступление Гитлера в рейхстаге от 11 декабря, в котором были названы масштабы потерь Германии на Восточном фронте с 22 июня по 1 декабря – 162 314 убитыми, 571 767 ранеными, 33 334 пропавшими без вести, – а всего 767 415 человек². Эти цифры были почти в шесть раз меньше названных Сталиным месяцем назад, поэтому в СССР однозначно трактовались как лживые. На протяжении военных и послевоенных лет официальные советские издания многократно преувеличивали масштабы потерь противника, а свои занижали.

К первой годовщине начала Великой Отечественной войны, 23 июня 1942 г. в «Красной звезде» – органе Наркомата обороны СССР – были опубликованы официальные советские данные о потерях воюющих сторон за двенадцать месяцев. Немецкие потери убитыми, ранеными и пленными оценивались в 10 млн. человек, а советские – в 4,5 млн³. Эти данные были обнародованы в крайне тяжёлое для СССР время. На южном крыле Восточного фронта провалилось авантюрное наступление советских войск на Харьков. Это привело к тому, что враг получил решающий перевес на сталинградском и кавказском направлениях. Советские части в массовом порядке отступали, неся огромные потери убитыми, ранеными и пленными. Только в районе Харькова в плен попало 240 тыс.

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 143.

² Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооружённых сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб, 1994. С. 198.; Далее ссылки на эту книгу мы делаем по изданию 1994 года. Впервые работа «вышла в свет» в 1960 году.

³ Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. С. 175; Соколов Б. В. приводит данные Гитлера, высказанные на совещании 6 декабря 1941 г. с руководством сухопутных сил о потерях русских в 8–10 млн человек // Правда о Великой Отечественной войне. С. 248.

солдат и офицеров¹. По немецким данным, с 1 июня по 1 сентября 1942 г. количество советских военнопленных, находившихся в лагерях верховного главнокомандования вооружённых сил Германии (ОКВ) и использовавшихся в качестве рабочей силы в немецкой экономике, увеличилось на 1 074 387 человек². Положение было настолько критическим, что даже Сталин, как известно, вынужден был признать горькую правду о поражениях Красной Армии в печально известном приказе № 227 от 28 июля 1942 года³. При этом, официальные потери противника были всё равно выше советских более чем в два раза. Естественно, что оценки Германией собственных потерь, опубликованные по истечении первого года войны с СССР, подвергались сомнению как крайне необъективные⁴.

1943 год был объявлен Сталиным годом коренного перелома в ходе войны⁵. Перелом наступил в пользу, конечно же, Советского Союза, а фашистская Германия переживала «глубокий кризис» и стояла «перед своей катастрофой»⁶.

Понятно, что в условиях наступления Красной Армии под Сталинградом и Курском, всеобщих успехов и побед, потери врага должны были быть больше, а Красной Армии, перемоловшей «наиболее опытные старые кадры немецко-фашистских войск»⁷, — меньше. Выступая 6 ноября 1943 года с докладом, посвящённым 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, Сталин заявил, «что по окончании Сталинградской битвы было подобрано и похоронено 147 тысяч 200 убитых немецких солдат и офицеров и 46 тысяч 700 убитых советских солдат и офицеров»⁸. Сталинград был объявлен «закатом немецко-фашистской армии», после которо-

¹ Крощев С. А. Хроника коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии. Ч. 2. 1941–1953 гг. Краснодар, 1998. С. 9.

² Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 460 (расчёт — наш).

³ См.: 1418 дней войны: Из воспоминаний о Великой Отечественной. М., 1990. С. 223–226.

⁴ Германия оценивала свои потери к середине 1942 г. в 337 342 убитых и пропавших без вести // Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. С. 198.

⁵ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 110–115.

⁶ Там же. С. 115.

⁷ Там же. С. 112.

⁸ Там же. С. 113.

го... «немцы не могли уже оправиться»¹. Ещё раньше – в апреле 1943 года – газета «Правда» назвала более фантастические цифры потерь врага за период зимнего наступления РККА с 10 ноября 1942 г. по 31 марта 1943 г. – свыше 850 тысяч человек только убитыми². Битва под Курском, по мнению официальной сталинской пропаганды, во-первых, завершила коренной перелом в ходе Великой Отечественной и всей второй мировой войн, а во-вторых, нанесла ещё больший урон врагу, чем за время зимнего наступления. За период с 5 июля по 5 ноября 1943 г. Советская Армия, по данным газеты «Правда», разбила 144 дивизии противника, который потерял убитыми до 900 тысяч солдат и офицеров³.

По оценкам Сталина с ноября 1942 по ноябрь 1943 гг. Германия «на советско-немецком фронте потеряла более 4-х миллионов солдат и офицеров, из них не менее 1 миллиона 800 тысяч убитыми»⁴. О потерях собственной Армии Сталин предпочёл не говорить вообще. Само собой разумеется, что они были гораздо меньше, чем у врага.

За все годы войны в вермахт было призвано 15,8 млн человек⁵. Если верить сталинской пропаганде, то уже к концу 1943 года все они – и мобилизованные, и пока ещё нет, – были убиты, ранены, взяты в плен.

Оценки собственных потерь и потерь противника в официальных советских изданиях и выступлениях руководителей СССР не стали более объективными и на завершающем этапе войны. Они были насквозь лживыми, а тональность публикаций становилась всё более победной, эйфористичной. Приближался разгром врага, долгожданная Победа. А победителей, как известно, не судят. И не всё ли равно – сколько жизней советских граждан пришлось положить на алтарь Победы, и не всё ли равно – были ли объективными официальные оценки потерь противника. В своих Приказах, докладах, обращениях, опубликованных в 1944–1945 годах, Сталин практически не обращался к масштабам потерь. Он отсылал слушателей и читателей к «сводкам Совинформбюро»⁶. Лишь изредка приводил отдельные цифры – в 1944 году «было разбито и выведе-

¹ Там же.

² Правда. 1943. 3 апреля.

³ Правда. 1943. 5 ноября.

⁴ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 112.

⁵ Первышин В. Г. Указ. соч. С. 346.

⁶ См., например, Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 156.

но из строя до 120 дивизий немцев и их союзников»¹, «за 40 дней наступления в январе – феврале 1945 года... Германия потеряла свыше 350 тысяч солдат и офицеров пленными и не менее 800 тысяч убитыми»² и др.

После окончания Великой Отечественной войны Сталин был объявлен главным виновником её победоносного завершения. Вот как об этом говорилось в краткой биографии Сталина: «Наступил великий день победы над Германией.... Все мысли, все чувства советских людей были обращены к тому, кто вёл нашу страну через трудности и испытания войны, кто спас страну от гибели, чей гений указал путь к победе, чья воля привела страну к победе, – к великому Сталину!»³.

После таких оценок роли Сталина в Великой Отечественной войне не трудно понять, почему в литературе военного и послевоенного периода, при его жизни, невозможно найти объективных оценок потерь СССР. Правда об истинных масштабах жертв войны – серьёзный повод усомниться в «гениальности» «великого полководца».

Сталин после войны (февраль 1946 г.) всё же обнародовал число погибших советских военнослужащих и гражданских лиц – «около 7 млн человек»⁴. Но уже тогда руководству СССР были известны другие цифры – 15 млн безвозвратных потерь⁵. Сталин в феврале 1946 г. число погибших советских граждан назвал обобщённо, грубо, не придав этому особого значения, словно между прочим. Его волновали совсем другие темы, прежде всего, обустройство своей империи, возникшей на обломках фашизма. После 1946 г. Сталин больше не возвращался к оценке советских потерь в годы войны. В течение пятнадцати лет, до 1961 года, цифра в 7 млн погибших доминировала на страницах советской официальной идеологической и исторической литературы⁶. Чтобы снять все вопросы и не трогать весьма «острую» тему, Сталин запретил в 1949 г. проводить всеоб-

¹ Там же.

² Там же. С. 178–179.

³ *И. В. Сталин*. Краткая биография. 2-е изд., испр. и доп. М., 1953. С. 219.

⁴ *Большевик*. 1946. № 5. С. 3.

⁵ Об этом упоминал Д. А. Волконогов // *Триумф и трагедия*. Кн. 2. М., 1990. С. 418.

⁶ См., например, *Голиков С.* Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне. М., 1954. С. 275 и др.

щую перепись населения СССР, результаты которой могли пролить свет на истинные масштабы советских военных потерь¹.

После войны в западной литературе стали появляться различные оценки безвозвратных потерь военнослужащих и гражданского населения стран-участниц второй мировой войны. Их амплитуда колебалась от 22–23 млн до 31 млн и даже 50–60 млн человек². Последние оценивались в советской литературе как преувеличенные³. Отечественные авторы давали «умеренную», сдержанную оценку всеобщих безвозвратных потерь в 1939–1945 гг. – 28,5 млн солдат и офицеров, а также погибших среди гражданского населения⁴. Жертвами Второй мировой войны, включая убитых, раненых и пропавших без вести, по их мнению, стали примерно 46–50 млн человек⁵.

Первоначальный этап историографии продолжался примерно 15 лет. Сталинские «методы» анализа исторических событий, безапелляционные выводы, словно свинцовой плитой придавили всё живое, не было даже попыток предложить альтернативные исследования. Авторы либо просто повторяли сталинские цифры, либо обходили вопрос о потерях стороной, предпочитая писать о подвигах и славе⁶. Изменения в оценках событий войны и ее демографических последствий стали происходить в середине 1950-х годов. После XX съезда КПСС, изменений политического курса в СССР постепенно начали переосмысливаться роль Сталина в достижении победы, итоги Великой Отечественной войны, называться более реальные масштабы потерь советского государства в 1941–1945 годах.

¹ *Первышин В. Г.* Указ. соч. С. 345.

² *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. С. 402–403.

³ Там же. С. 403.

⁴ Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1956. С. 13.

⁵ Там же.

⁶ См., например, *Миц И.* Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1947; *Анисимов И. В., Кузьмин Г. В.* Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945 гг. М., 1952; *Тельпуховский Б. С.* Великая Отечественная война Советского Союза: 1941–1945 гг. М., 1952 и др.

3. АНАЛИЗ ИТОГОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРА И ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ СЕРЕДИНЫ 1950-х—СЕРЕДИНЫ 1980-х ГОДОВ

3.1. Влияние «оттепели» на изменение взглядов о потерях в 1937–1945 годах

Второй этап историографии существенно отличался от предыдущего. Его особенностями стали признания о массовых политических репрессиях 1937–1938 годов в целом и в Красной Армии в частности, переоценке в освещении многих проблем истории войны, появление иных выводов о масштабах потерь в 1941–1945 годах. Существенно расширилась источниковая база исследований. Они основывались теперь не только на личных впечатлениях авторов, мемуарах, газетных публикациях, работах Сталина и его клеветников, как это было до середины 1950-х годов.

Произошло это вследствие изменившегося политического курса в стране. Накануне XX съезда КПСС, в политическом руководстве страны обсуждались вопросы сталинских злоупотреблений. Особенно остро эта проблема встала после ареста Л. Берия и первых реабилитаций репрессированных в 1954–1955 годах¹.

Вот как об этом вспоминал Н. С. Хрущев: «...у меня возникла потребность приподнять занавес и узнать, как же все-таки велось следствие, какие имели место аресты, сколько людей всего арестовали, какие существовали исходные материалы для ареста и что показало потом следствие по этим арестам? Я поставил эти вопросы на заседании Президиума ЦК и предложил обстоятельно разобраться. Эти вопросы особенно волновали меня потому, что мы уже начали думать о проведении XX съезда партии.

Конечно, не рвались в бой с вскрытием тайных пружин ни Ворошилов, ни Молотов, ни Каганович... постепенно все согласились,

¹ В 1954–1955 гг. из лагерей и колоний ГУЛАГа было досрочно освобождено 32 798 политических заключенных // Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. М., 2001. С. 192.

что необходимо провести расследование дела. Создали комиссию. Возглавил ее Поспелов»¹.

Далее Н. С. Хрущев вспоминает о том, что материалы комиссии П. Н. Поспелова явились даже для многих членов высшего партийного руководства совершенно неожиданными. По мнению Первого секретаря ЦК КПСС, на первом съезде партии после смерти Сталина его соратники должны были «взять на себя обязательства по руководству партией и страной»². Для этого необходимо было знать истинные причины решений Сталина по ключевым вопросам:

«Особенно это касалось людей, которые были арестованы. Вставал вопрос: за что они сидели? И что с ними делать дальше? Тогда в лагерях находилось несколько миллионов человек³. Уже прошло три года после смерти Сталина. За эти годы мы не смогли порвать с прошлым, не смогли набраться мужества, обрести внутреннюю потребность приоткрыть полог и заглянуть, что же там на деле за этой ширмой? Что кроется за всем тем, что происходило при Сталине? Что означают бесконечные аресты, суды, произвол, расстрелы?

Сталиным были совершены уголовные преступления, которые наказуются в любом государстве... Получалась двойственная ситуация: Сталин умер, его мы похоронили, а безвинные люди находились в ссылке... Следовательно, все в порядке? Продолжается старая политика и все, что было сделано при Сталине, одобряется? Даже несправедливые аресты и казни? Людей, которые умерли заклеятыми как «враги народа», никто и не думал реабилитировать»⁴.

Накануне и в ходе XX съезда КПСС в политическом руководстве СССР шла острая борьба по вопросу обнародования фактов о массовых политических репрессиях, преступлениях Сталина. Активными оппонентами Хрущева в этой борьбе были, прежде всего, Молотов, Каганович и Ворошилов, опасавшиеся за свою судьбу. Хрущева поддерживали Булганин, Первухин и Сабуров. Авторитетные члены Президиума ЦК КПСС – Микоян и Маленков занимали двой-

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 287; Поспелов П. Н. – советский партийный и научный деятель. В 1955–1956 годах – секретарь ЦК КПСС.

² Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. С. 289.

³ В 1955 году в лагерях, колониях и тюрьмах без учета статистики спецтюрем и детских ИТУ находилось 1 173 854 заключенных, осужденных по политическим и уголовным мотивам // Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. М., 2001. С. 183.

⁴ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. С. 289–290.

ственную позицию, склоняясь к поддержке Хрущева. Последний так вспоминал об этом: «Кажется, Микоян не вел активной линии, но и не сдерживал процесса разоблачения несправедливостей»¹.

В ходе XX съезда КПСС Н.С. Хрущев решился на опасный и даже отчаянный шаг – поставить вопрос о незапланированном докладе, посвященном сталинским преступлениям. Спустя много лет, один из главных противников Н. С. Хрущева – Л. М. Каганович так описал трагические события: «XX съезд подошел к концу. Но вдруг устраивается перерыв. Члены Президиума созываются в задней комнате, предназначенной для отдыха. Хрущев ставит вопрос о заслушивании на съезде его доклада о культе личности Сталина и его последствиях. Тут же была роздана нам напечатанная в типографии красная книжечка – проект текста доклада.

Заседание проходило в ненормальных условиях – в тесноте, кто сидел, кто стоял. Трудно было за короткое время прочесть эту объемистую тетрадь и обдумать ее содержание...

Все это за полчаса, ибо делегаты сидят в зале и ждут чего-то неизвестного для них, ведь порядок дня съезда был исчерпан»².

Против позиции Хрущева активно выступили Каганович, Молотов, Ворошилов. «Мы говорили, – продолжает Каганович, – что даже беглое ознакомление показывает, что документ односторонен, ошибочен. Деятельность Сталина нельзя освещать только с этой стороны, необходимо более объективное освещение всех его положительных дел, чтобы трудящиеся поняли и давали отпор спекуляции врагов нашей партии и страны на этом.

Заседание затянулось, делегаты волновались, и поэтому без какого-либо голосования заседание завершилось и пошли на съезд. Там было объявлено о дополнении к повестке дня: заслушать доклад Хрущева о культе личности Сталина»³.

Свой доклад «О культе личности и его последствиях» Н. С. Хрущев сделал 25 февраля 1956 г. На закрытом заседании XX съезда КПСС. Основное его содержание было сосредоточено на перечислении многочисленных злоупотреблениях Сталина в 1930–1940-х годах. Преступления коммунистического режима Хрущев персонафицировал в деятельности Сталина, на которого возложил ответственность за многочисленные незаконные аресты, пытки, расстрелы. Касясь судеб делегатов XVII съезда ВКП(б) он заявил:

¹ Там же. С. 287.

² Каганович Л. М. Памятные записки. М., 1996. С. 508–509.

³ Каганович Л. М. Памятные записки. С. 509.

«Установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета партии, избранного на XVII съезде партии, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937–1938 гг.) 98 человек, то есть 70 процентов»¹.

Трагическая «судьба постигла не только членов ЦК, но и большинство делегатов XVII съезда партии. Из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях значительно больше половины – 1108 человек. Уже один этот факт говорит, насколько нелепыми, дикими, противоречащими здравому смыслу были обвинения в контрреволюционных преступлениях, предъявленные, как теперь выясняется, большинству участников XVII съезда партии»². Эти и другие факты, говорившие о чудовищных преступлениях, и называвшиеся Хрущевым, сопровождалась шумом возмущения в зале Большого Кремлевского дворца.

Особенно подробно Н. С. Хрущев говорил о массовых репрессиях 1936–1938 годов и их жертвах, прежде всего, известных партийных деятелях. Рассказав об обстоятельствах убийства С. М. Кирова, Хрущев обратился к событиям конца 1936 года: «Массовые репрессии резко усилились с конца 1936 года после телеграммы Сталина и Жданова из Сочи от 25 сентября 1936 года, адресованной Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро, в которой говорилось следующее:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД». Следует кстати заметить, – продолжал Хрущев, – что с партработниками Сталин не встречался и поэтому мнения их знать не мог.

Эта сталинская установка о том, что «НКВД опоздал на 4 года» с применением массовых репрессий, что надо быстро «наверстать» упущенное, прямо толкала работников НКВД на массовые аресты и расстрелы³.

По данным Н. С. Хрущева, которые он привел в секретном докладе, количество арестованных по обвинению в контрреволюци-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 137.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 137.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 138.

онных преступлениях увеличилось в 1937 году по сравнению с 1936 годом более чем в десять раз¹.

Остановился Н. С. Хрущев и на конвейерной процедуре осуждения «врагов народа»: «Сложилась прочная практика, когда в НКВД составлялись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению на Военной Коллегии², и им заранее определялась мера наказания. Эти списки направлялись Ежовым лично Сталину для санкционирования предлагаемых мер наказания. В 1937–1938 годах Сталину было направлено 383 таких списка на многие тысячи партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников и была получена его санкция»³.

Вторым основным сюжетом, на котором Н. С. Хрущев подробно остановился в своем докладе были события Великой Отечественной войны. Ответственность за поражения в 1941–1942 годах он возложил на Сталина. Одной из причин бедственного положения на фронтах в начальный период Великой Отечественной войны, по мнению Хрущева, являлось истребление военных кадров. «Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, – заявил он, – имело также то обстоятельство, что на протяжении 1937–1941 годов, в результате подозрительности Сталина, по клеветническим обвинениям, истреблены были многочисленные кадры армейских командиров и политработников. На протяжении этих лет репрессировано было несколько слоев командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке»⁴.

Рассказал Хрущев о поведении Сталина в 1941 г., когда решалась судьба обороны Киева, и в 1942 г., когда провалилось наступление под Харьковом. Он изобразил вождя безграмотным руководителем, планировавшим наступление советских войск по глобусу.

Приоткрыл Хрущев и тайну, связанную с депортацией народов. «Так, уже в конце 1943 года, когда на фронтах Великой Отечественной войны, определился прочный перелом в ходе войны в пользу Советского Союза, принято было и осуществлено решение о выселении с занимаемой территории всех карачаевцев. В этот

¹ Там же. С. 140.

² Имеется в виду Военная Коллегия Верховного Суда СССР.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 143.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 148.

же период, в конце декабря 1943 года, точно такая же участь постигла все население Калмыцкой автономной республики. В марте 1944 года выселены были со своих родных мест все чеченцы и ингуши, а Чечено-Ингушская автономная республика ликвидирована. В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской автономной республики выселены были в отдаленные места все балкарцы, а сама республика переименована в Кабардинскую автономную республику. Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выслать. А то он бы и их выселил»¹.

Из доклада Хрущева можно было сделать один страшный вывод – многомиллионные жертвы кануна и периода войны – результат сталинских чудовищных преступлений, вопиющего попрания ленинских норм коллективного руководства страной и партией, параноидального стремления любой ценой удержать власть.

Вот как сам Хрущев оценил реакцию зала на доклад: «Съезд выслушал меня молча. Как говорится, слышен был полет мухи. Все оказалось настолько неожиданным. Нужно было, конечно, понимать, как делегаты были поражены рассказом о зверствах, которые были совершены по отношению к заслуженным людям, старым большевикам и молодежи. Сколько погибло честных людей, которые были выдвинуты на разные участки работы! Это была трагедия для партии и для делегатов съезда. Вот как родился доклад на XX съезде КПСС о злоупотреблениях со стороны Сталина»².

Доклад Хрущева был неожиданным не только для делегатов XX съезда КПСС. Он стал неожиданным и для коммунистов СССР, которым доклад был зачитан на закрытых партийных собраниях. И для членов зарубежных коммунистических и социалистических партий, которые получили возможность ознакомиться с ним еще раньше. В Польше, США и других странах он был распространен большими тиражами.

Главным политическим итогом XX съезда КПСС стала «оттепель», продолжавшаяся до смещения Н. С. Хрущева в октябре 1964 года и по инерции еще какой-то небольшой период. «Оттепель» внесла серьезные изменения в сознание людей, повлияла на политический строй и идеологическую систему СССР, сформировала когорту «шестидесятников», которые приблизили перестройку и дальнейшие изменения в нашей стране.

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 152.

² Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. С. 295.

Автором этого термина, как известно, был писатель И. Эренбург. Вот что писал по этому поводу в своих воспоминаниях Н. С. Хрущев: «Эренбург пустил в ход слово «оттепель». Он считал, что после смерти Сталина наступила в жизни людей оттепель. Такую характеристику того времени я встретил не совсем положительно. Безусловно, возникли послабления. Если выражаться полицейским языком, то мы ослабили контроль, свободнее стали высказываться люди. Но в нас боролись два чувства. С одной стороны, такие послабления отражали наше новое внутреннее состояние, мы к этому стремились. С другой стороны, среди нас имелись лица, которые вовсе не хотели оттепели и упрекали: если бы Сталин был жив, он бы ничего такого не позволил»¹. И далее совсем откровенно, ничего не скрывая, Хрущев пишет: «Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в том числе и я, одновременно побаивались ее: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться. Подобное развитие событий возможно во всяком политическом деле. Поэтому мы вроде бы и сдерживали оттепель. Мы боялись лишиться прежних возможностей управления страной, сдерживая рост настроений, неугодных с точки зрения руководства. Не то пошел бы такой вал, который бы все снес на своем пути. Опасались, что руководство не сумеет справиться со своими функциями и направлять процесс изменений по такому руслу, чтобы оно оставалось советским. Нам хотелось высвободить творческие силы людей, но так, чтобы новые творения содействовали укреплению социализма»².

Противоречивые чувства, мучившие Хрущева и его подвижников в 1956 году, оставались доминирующими весь период «оттепели». Непоследовательность, крайности, непредсказуемость характеризовали деятельность Хрущева вплоть до отставки. Он хотел оставить русло реки советским, но на ее берегах уже зарождались ростки демократии. Именно об этом времени секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов говорил: «Понимаете, я беру утром газету «Известия» и не знаю, что там сегодня опубликовано»³.

«Оттепель» привела к массовой реабилитации и освобождению из заключения граждан, осужденных в разное время, но преиму-

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. С. 506–507.

² Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. С. 507.

³ Н. С. Хрущев (1894–1971): Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. С. Хрущева. М., 1994. С. 37.

щественно в 1937–1938 гг., по обвинениям в политических преступлениях. Для большинства из них реабилитация была посмертной. С 1953 по 1961 гг. было реабилитировано 737 182 человека, репрессированных за контрреволюционные преступления¹. Резко снизилась численность политических заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа. Если в 1952 г. Их насчитывалось 579 757 человек, то в 1956 г. Всего 113 735 человек². После XX съезда КПСС процесс реабилитации продолжился очень активно. К 1 января 1959 г. Количество политических заключенных в лагерях и колониях сократилось до 11 059 человек³.

Масштабы осуждений по политическим мотивам во второй половине 1950 – начале 1960-х стали многократно ниже, чем в 1930–1940-х гг. Так, с 1946 по июнь 1953 г. в СССР за контрреволюционные преступления было осуждено 503 117 человек⁴. С 1956 по 1965 гг. «только» 5748 человек⁵, или в 87,5 раз меньше. Но институт политического террора был сохранен. Конечно, масштабы политических репрессий существенно изменились. Но явление осталось. Любого недовольного режимом можно было осудить по ст. 70 УК РСФСР, или аналогичным статьям УК союзных республик, являвшимися наследницами печально известной 58-й статьи. Власти применяли силу не только для осуждения индивидуумов. Она активно применялась для разгона несанкционированных демонстраций, митингов, протестов. Начинаясь на бытовой почве, они вырастали до социальных и даже политических требований, высказывавшихся недовольными. С июня 1957 по октябрь 1964 гг. в Подольске, Краснодаре, Бийске, Муроме, Александрове, Беслане и других городах СССР произошло 11 крупных «массовых беспорядков», в которых приняло участие 14 600 человек. Практически всегда для усмирения граждан применялось оружие. А результате 34 человека было убито, 100 ранено, 281 привлечен к уголовной ответственности⁶. А события в Новочеркасске Ростовской области в июне 1962 года окончательно развеяли иллюзии по поводу дальнейшего пути развития страны.

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. С. 193.

² Там же. С. 193.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 191.

⁵ Источник. 1995. № 6. С. 153.

⁶ Источник. 1995. № 6. С. 146–149.

Важнейшей частью демократических преобразований периода «оттепели» стало массовое освобождение из спецпоселений и ссылки многочисленных контингентов, включая репрессированные народы. С июля 1954 по июль 1957 гг. было освобождено 2,5 млн человек¹. За 1940–1952 гг. умерло почти 500 тыс. человек, подвергавшихся насильственным выселениям и находившихся на спецпоселении и в ссылке². В итоге, за 1954–1957 гг. специальные поселения в СССР сократились на 94%, а аппарат МВД, занятый осуществлением надзора за спецпоселенцами и ссыльными, – на 95,5%. К началу 1959 г. на учете осталось менее 50 тыс. спецпоселенцев³. В 1965 г. спецпоселенчество, существовавшее с 1930 г., было ликвидировано как историческое явление⁴.

Реабилитация незаконно репрессированных граждан, освобождение народов и контингентов из ссылки и спецпоселений помимо восстановления исторической правды и справедливости, имели еще одну важную сторону. Бывшие политзаключенные, обретая свободу, являлись важнейшим источником знаний о репрессиях, сталинском ГУЛАГе и сотнях, тысячах трагических судеб. Многие не молчали, собирая, записывая воспоминания бывших эзков и свои собственные. Вспомним, например, творчество А. Соженицына, О. Волкова, В. Шаламова и других. Огромную работу по сбору и анализу материалов о репрессированных полководцах Красной Армии в 1937–1938 гг. проделал генерал-лейтенант А. И. Тодорский. Участник первой мировой войны, он в 1919 г. добровольно вступил в РККА, где занимал ряд командных должностей. В 1935 г. ему было присвоено воинское звание «комкор»⁵. С 1936 г. он являлся начальником Управления высших военно-учебных заведений РККА и членом Военного совета при наркомате обороны СССР. В сентябре 1938 г. по политическому недоверию уволен из армии, арестован 19 сентября этого же года по обвинению в принадлежности к военному заговору в РККА и во вредительстве. Приговорен к 15 годам лишения свободы. Срок отбыл полностью, затем два года находился

¹ Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. С. 180–181.

² Там же. С. 182.

³ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 274.

⁴ Там же. С. 279.

⁵ Александр Тодорский. Воспоминания друзей и соратников. М., 1986. С. 42.

в ссылке в Красноярском крае. Был освобожден и реабилитирован в 1955 году¹.

Мужественный человек, прошедший в лагерях и ссылке семнадцать лет, не сломался. Выйдя на свободу, А. И. Тодорский, которому после реабилитации присвоили звание генерал-лейтенант, активно участвует в общественной и творческой жизни, процессе возвращения репрессированным честного имени. Он начинает по крупицам собирать сведения о незаконно осужденных полководцах и составляет известную Справку о репрессиях в РККА в 1937–1938 годах. Она многократно использовалась историками, писателями, журналистами и нашла научное подтверждение в многотомной истории Великой Отечественной войны. В шестом, заключительном томе, который был сдан в набор в августе 1964 года, впервые в открытой советской печати были обнародованы данные о масштабах репрессий в армии: «...значительная часть военных кадров... стала жертвой сталинского произвола. С мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов и командующие войсками военных округов, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков, многие преподаватели высших и средних военных учебных заведений»². В итоге, накануне Великой Отечественной войны, армия, как известно, была обезглавлена. В срочном порядке, на вышестоящие должности пришлось выдвигать неподготовленных офицеров. К началу войны только 7% офицеров имели высшее военное образование, а 37% даже не прошли полного курса обучения в средних военно-учебных заведениях. Большинство командиров и политработников к лету 1941 г. имели стаж работы в занимаемых должностях до одного года³. К чему все это привело, хорошо известно.

Возвращаясь к деятельности А. И. Тодорского, хотелось отметить, что он сделал очень много для политической и общественной реабилитации репрессированных полководцев. Им были опубликованы статьи о И. Э. Якире, В. К. Путне и других, а в конце

¹ Большая энциклопедия в шестидесяти двух томах. Т. 51. М., 2006. С. 198; Александр Тодорский. Воспоминания друзей и соратников. С. 42.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 в шести томах. Т. 6. М., 1965. С. 124–125.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 в шести томах. Т. 6. М., 1965. С. 125.

1963 года вышла книга о М. Н. Тухачевском¹. Он также активно поддерживал авторов, исследовавших эти сложные темы².

В 1959 году в издательстве «Военная литература» начала выходить новая серия «Военные мемуары». Авторы книг, вышедших в этой серии в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов, откровенно писали о репрессиях в армии накануне войны, о явных преступлениях политического руководства в ее начале, недоверии к военачальникам³. Самой откровенной книгой в этом ряду стали мемуары Героя Советского Союза, генерала армии Александра Васильевича Горбатова «Годы и войны». Она, наряду с другими источниками⁴, перевернули представления о политических репрессиях в целом, и в армии в частности. Читатели увидели жесткую реальность о вопиющих преступлениях сталинской диктатуры.

Военные мемуары явились ценнейшим историческим источником для создания серьезных научных работ в будущем. Со второй половины 1960-х годов они подвергались жесткой политической цензуре, которая во времена «оттепели» была значительно ослаблена.

О меняющейся атмосфере в обществе говорит факт издания совсем крамольной литературы с точки зрения коммунистической идеологии и морали. Центром притяжения всех демократических сил в 1960-е годы стал журнал «Новый мир». Его главный редактор, поэт А. Т. Твардовский продолжительное время добивался публикации в журнале повести тогда еще неизвестного автора А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Этот вопрос сдвинулся «с мертвой точки» лишь тогда, когда помощник Н. С. Хрущева В. С. Лебедев прочитал ему на отдыхе, в сентябре 1962 года повесть А. И. Солженицына. Повесть Н. С. Хрущеву понравилась, было принято решение – опубликовать ее в ноябрьском номере журнала за 1962 год. 20 октября Твардовского принял Хрущев. Александр Трифонович вспоминал: «Я понял, что произошла какая-то общая подвижка льдов... Меня встретили с такой благожелательностью, как никогда раньше».

¹ Тодорский А. И. Маршал Тухачевский. М., 1963.

² См., например, Дубинский И. В. Наперекор ветрам. М., 1964 (о И. Э. Якире).

³ См., например, Сандалов Л. М. Пережитое. М., 1961; Горбатов А. В. Годы и войны. М., 1965; Пухов Н. П. Годы испытаний. М., 1959 и др.

⁴ См., например, Дьяков Б. Повесть о пережитом. М., 1966 и др.

Об «Иване Денисовиче» Хрущев сказал: «Это жизнеутверждающее произведение. Я даже больше скажу – это партийное произведение. Если бы это было написано менее талантливо – это была бы, может быть, ошибочная вещь, но в том виде, как сейчас, она должна быть полезна»¹.

В беседе с А. Т. Твардовским Н. С. Хрущев затронул вопрос о работе специальной комиссии П. Н. Поспелова, которая собрала большое количество материалов о преступлениях Сталина. «Мы должны сказать правду об этом времени. Может быть, не все документы и материалы нужно сейчас публиковать, но надо собирать все, чтобы предъявить потомству. Нас будут судить следующие поколения, и пусть они знают, в каких условиях нам пришлось работать, какое наследство мы приняли»².

Одним из самых интересных фрагментов разговора Твардовского и Хрущева 20 октября 1962 года был вопрос о цензуре. Твардовский внушал лидеру СССР, что цензура – атавизм, пережиточный орган, оставшийся в наследство от культа личности. «Это надо обдумать, – ответил Хрущев. – Может быть, вы и правы. В самом деле, год назад отменили цензуру на сообщения из Москвы иностранных корреспондентов, и что вы думаете? Стали меньше лгать и клеветать»³.

Наконец, долгожданный номер журнала с повестью А. И. Солженицына «увидел свет». «Ажиотаж страшный, журнал рвут из рук, в библиотеках на него очереди»⁴. Вскоре после выхода № 11 состоялся очередной Пленум ЦК КПСС. У типографии запросили 2200 экземпляров журнала, чтобы продавать его в киосках на Пленуме.

«Твардовский был на Пленуме и говорил, что сердце у него заколотилось, когда он увидел в разных концах зала голубенькие книжечки»⁵.

Противоречивость в деятельности Н. С. Хрущева проявилась, в том числе, и в преследовании молодежных, студенческих групп, кружков, которые якобы исповедовали ревизионистские, оппортунистические взгляды. Боровшийся с культом личности Сталина,

¹ Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева. Дневник и попутное (1953–1964). М., 1991. С. 75.

² Там же. С. 76.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Там же.

напечатавший повесть А. И. Солженицына, думавший об отмене цензуры, Хрущев яростно преследовал вольнодумствующую молодежь и начинающийся самиздат. Политических арестов в годы его правления по сравнению со сталинской тиранией, было намного меньше, но они были. В 1956 году была арестована группа молодых ленинградцев (Револьд Пименов и его товарищи), в 1957 году – «группа Краснопевцева», еще известная как «Лига патриотов России», в 1958 году – группы С. Пирогова (Москва) и М. Молостова (Ленинград)¹. М. М. Молостов так вспоминал события осени 1958 года: «В октябре нас судили на Фонтанке. «Молостов и др., – говорилось в приговоре, – начиная с 1956 года по день ареста, распространяли ревизионистские взгляды... что объективно (!) подпадает под действие статей 58 – 10 ч 1 и 58 – 11 УК РСФСР»².

В 1960 году был арестован составитель, редактор и издатель «Синтаксиса» (1959–1960) А. И. Гинзбург. Это был первый в СССР самиздатский машинописный поэтический журнал, приобретший широкую известность³. В 1961 году арестовали троих участников сходов литературной молодежи на площади Маяковского в Москве (1959–1961 гг.) – В. Осипова, Э. Кузнецова, И. Бокштейн, в 1962 – членов подпольных московских групп Юрия Мошкова и Виктора Балашова⁴. И это далеко не полный перечень.

В самом конце 1950-х–начале 1960-х годов в СССР появляется самиздат. Вслед за журналом «Синтаксис», в 1961 году появляется самиздатский поэтический сборник «Феникс», возобновленный в виде общественно-политического и литературного альманаха в 1966-г. («Феникс-66»). Одним из его составителей был известный поэт Ю. Т. Галансков⁵. Самиздат вошел в историю страны не только как часть диссидентского движения, но и как часть культуры и науки «застойного» периода. Именно в самиздате были впервые опубликованы работы, посвященные статистике массовых полити-

¹ *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс–Москва, 1992. С. 201; *Даниэль Ю. М.* «Я все сбиваюсь на литературу»... Письма из заключения. Стихи. М., 2000. С. 716.

² *Молостов М. М.* Из заметок вольнодумца. Сборник статей. СПб., 2003. С. 11.

³ *Даниэль Ю. М.* «Я все сбиваюсь на литературу»... С. 708.

⁴ *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. С. 201.

⁵ *Даниэль Ю. М.* «Я все сбиваюсь на литературу»... С. 707.

ческих репрессий и жертв войны. В самиздате впервые обнародованы произведения отечественных писателей, без которых невозможно представить российскую литературу.

Еще одна особенность противоречивого времени. Борьба с вольнодумством, диссидентством, самиздатом становилась все активной и жестче. В этой борьбе репрессивные органы использовали все новые и новые приемы, включая психиатрию. До 1960 года в УК РСФСР и других республик существовали специальные статьи, устанавливающие уголовную ответственность врачей-психиатров за неправильное и необоснованное помещение человека в психиатрическую больницу. Эти статьи создавали возможность обращения в суд. Но при подготовке нового Кодекса законов, принятого с 1961 года, эти статьи были исключены. Отныне произвол психиатров можно было обжаловать и опротестовать не в судебном, а только в восходящем административном порядке¹.

10 октября 1961 года вышла «Инструкция Министерства здравоохранения СССР по неотложной госпитализации психических больных, представляющих общественную опасность». Она была столь расплывчата, что врачи при желании властей, могли подвергнуть психиатрической госпитализации любого человека². Так и произошло с известным общественным деятелем, генерал-майором, создателем подпольной организации «Союз борьбы за возрождение ленинизма» (1963–1964 гг.) П. Р. Григоренко. В 1964 году его арестовали, признали невменяемым и поместили в специальную психиатрическую больницу МВД³. В течение последующих двадцати лет репрессивная психиатрия активно использовалась властями в борьбе с диссидентским движением⁴.

В годы «оттепели» коренным образом изменились представления о масштабах потерь СССР в годы Великой Отечественной войны. Н. С. Хрущев и здесь «приоткрыл» тяжелый занавес тотальных сталинских запретов. И сделал это также непоследовательно и противоречиво. Впрочем, историкам удалось, используя благоприятную политическую атмосферу, сделать многое за короткий период. В эти годы выходят «в свет» фундаментальные работы о

¹ *Медведев Ж. А., Медведев Р. А.* Кто сумасшедший? Лондон, 1971. С. 78.

² Там же. С. 107.

³ *Даниэль Ю. М.* «Я все сбиваюсь на литературу»... С. 710.

⁴ Об этом подробнее см.: *Прокопенко А. С.* Безумная психиатрия. М., 1997.

Великой Отечественной войне¹ и первые специальные издания². Существенно расширилась источниковая база исследований. Они основывались теперь не только на личных впечатлениях авторов, мемуарах, газетных публикациях и работах Сталина, как это было до середины 1950-х годов.

Политическая составляющая исторических исследований на данном этапе заключалась в том, что сведения об огромных потерях Советского Союза в войне использовались оппонентами Сталина в качестве инструмента резкой критики его деятельности. Однако по-прежнему последнее слово в отношении оценок потерь СССР в войне оставалось не за историками, а за лидерами КПСС. Оценки, как и раньше, носили слишком общий характер, не предпринималось серьёзных попыток показать, в результате каких конкретно действий наша страна потеряла огромное количество человеческих жизней. Не только не разрабатывались, но даже не ставились вопросы о масштабах смертности в ГУЛАГе, потерях партизан и подпольщиков, гибели от голода, жертвах среди военнопленных и восточных рабочих и т. д. Да и тема о потерях в РККА была тайной за семью печатями. Н. С. Хрущёв обнародовал новые данные о погибших советских гражданах в годы Великой Отечественной войны, но в отношении достоверности этих цифр, структуры потерь можно было лишь строить гипотезы и пытаться читать между строк.

В ноябре 1957 года в Москве состоялось Совещание представителей коммунистических и рабочих партий, на котором был принят «Манифест мира». В нём говорилось: «Свыше 30 миллионов человеческих жизней, не считая миллионов раненых и искалеченных, поглотила Вторая мировая война...»³. Эту цифру, которая была приведена без указания источников, комментариев, даже серьёзные авторы в угоду конъюнктуре положили «в основу итоговых рас-

¹ Развитие тактики Советской армии в годы Великой Отечественной войны. М., 1958; Вторая мировая война 1939–1945: Военно-исторический очерк. М., 1958; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 в 6-ти томах. М., 1960–1965; Боевой путь Советских Вооружённых сил. М., 1962; Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1965 и др.

² Урланис Б. Ц. Методы исчисления людских потерь от войн // Проблемы демографической статистики. М., 1959; *Его же*. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооружённых сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). М., 1960; Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М., 1960; Соколов П. В. Война и людские ресурсы. М., 1961; Подъячих Г. П. Население СССР. М., 1961 и др.

³ Правда. 1957. 23 ноября.

чѐтов» о потерях стран-участниц во второй мировой войне¹. А если бы была названа другая цифра? Её бы тоже положили «в основу расчѐтов»? Это означает только одно – любые методы демографического анализа, основы расчѐтов, к сожалению, являлись лишь ненужным, легко корректируемым атрибутом, необходимым для того, чтобы официальные цифры подтверждать, объяснять и начищать до блеска. Всё это в какой-то степени не до конца преодолено и до сегодняшнего дня.

В мае 1959 года Н. С. Хрущёв в одной из своих речей сказал об итогах военного периода: «Миллионы людей отдали свою жизнь на полях войны...». Он совершенно справедливо заметил, что «в Советском Союзе трудно найти семью, которой война не принесла бы страданий и жертв»². Действительно, трудно спорить. Каждая семья в СССР знала своих погибших. Многие семьи потеряли несколько человек. Знают и помнят их и сейчас. Только цифр никаких первый секретарь ЦК КПСС не назвал. Если понимать под «страданиями» голод, холод, потерю крова, раненых, больных, искалеченных, не родившихся и т. д., а под «жертвами» – погибших, умерших от ран и болезней, то нетрудно представить истинные масштабы потерь.

По некоторым авторитетным оценкам, на середину 1941 г. численность населения СССР составляла около 196,7 млн человек³. По сведениям Всесоюзной переписи населения 1939 г., семьи, состоявшие из 2 человек, составляли 27,0% (от всех учтенных семей), из 3 – 27,8%, из 4 – 21,8%, из 5 – 12,7%⁴. Т. е. подавляющее большинство (89,3%) из всего количества семей составляли «ячейки общества» из 2–5 человек. Если принять, что средняя семья накануне войны состояла из 3 человек, то мы получим более 65,5 млн семей, из 4-х – 49,2 млн, из 5 – 39,3 млн. Используя «подсказку» Хрущёва и даже принимая во внимание небольшой процент «одиночек», уже в конце 1950-х годов можно было предположить, что потери СССР в годы войны были действительно огромны.

В ноябре 1961 г. Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущёв в письме премьер-министру Швеции Т. Эрландеру сообщил, что война «унесла два десятка миллионов жизней советских людей»⁵. Данная цифра, практически без измене-

¹ Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. С. 403.

² Правда. 1959. 17 мая.

³ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. С. 131.

⁴ Там же. Т. 1. С. 188.

⁵ Международная жизнь. 1961. № 12. С. 8.

ний¹, кочевала из книги в книгу почти тридцать лет, «прожив» во время «застоя» в два раза больше, чем выводы Сталина о потерях СССР в годы войны.

Что касается жертв среди военнослужащих и мирного населения Германии, то и по прошествии более полутора десятилетий после окончания войны они не были «установлены с достаточной точностью»². Авторы перестали повторять сталинские небылицы о чуть ли не десятках миллионов погибших и осторожно называли иные, более взвешенные данные. По расчётам Б. Ц. Урланиса число погибших немецких солдат и офицеров во второй мировой войне превышало 4 млн человек. При этом свыше четырёх пятых всех убитых и почти три пятых пропавших без вести приходилось на советско-германский фронт³. В другом источнике – материалах научной конференции, посвящённой 20-й годовщине Победы над фашисткой Германией, мы находим иные данные: «Общие потери на советско-германском фронте только сухопутной немецко-фашистской армии с 22 июня 1941 г. по 31 марта 1945 г., по данным главного командования сухопутных войск Германии, составили 6256 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести»⁴. Никаких ссылок при этом сделано не было.

В начале 1960-х годов в документах Нюрнбергского процесса были опубликованы данные о масштабах уничтоженных и расстрелянных советских граждан на оккупированной фашистами территории СССР. Всего в семи союзных республиках погибло 9 987 000 мирных жителей⁵.

Таким образом, в 1961 году были названы новые данные о числе погибших – 20 млн человек, из которых одна половина приходилась на гражданских лиц, умерших, замученных и убитых гитлеровцами на оккупированной территории, а вторая, следуя логике, – на по-

¹ Через четыре года Л. И. Брежнев преемник Н. С. Хрущёва на высшем партийном посту, сообщил, что страна потеряла «свыше 20 миллионов человек» // *Война и общество, 1941–1945: В 2-х кн. Кн. 2. М., 2004. С. 387.* В своём докладе, посвящённом 30-летию Победы, в 1975 году, он, уже не называя никаких данных, ограничился общей фразой: «Тяжёлым был путь к победе. Многих потеряли на этом пути» // *Тридцатилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Документы и материалы. М., 1975. С. 19.*

² *Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. С. 199.*

³ Там же. С. 205, 210.

⁴ *Вторая мировая война. Кн. 2. М., 1966. С. 23.*

⁵ *Нюрнбергский процесс. Т. VII. М., 1961. С. 307–315; История Великой Отечественной войны в 6-ти томах. Т. 6. М., 1965. С. 30.*

гибших в боях, умерших от ран, скончавшихся в плену военнослужащих¹.

Даже после этого некоторые официальные издания старались избегать итоговых оценок о потерях СССР в войне. Например, во втором издании истории КПСС, вышедшей в 1962 году, мы находим лишь бесцветную фразу: «На пути к победе в Великой Отечественной войне советскому народу пришлось преодолеть невероятные трудности»². Третий том Советской исторической энциклопедии, увидевший «свет» в следующем, 1963 году, ограничился мимолётным замечанием: «Наибольшим был и урон в людях»³.

Второй этап длился около десяти лет. Однако сделано за эти годы было немало. Самое важное заключалось в том, что успешно преодолевались сталинские стереотипы и штампы в оценках жертв массовых репрессий и советских потерь в годы войны. Но демократические реформы Хрущёва пустили слишком слабые корни, и вскоре историческая наука, наиболее тесно зависевшая в те годы от политической конъюнктуры, свернула на привычный путь умолчаний, героических повествований и восхваления выдающейся роли КПСС, общественного и государственного строя СССР и проч. в кровопролитной войне. Завершился этап в 1965–1966 гг. после выхода книги А. М. Некрича «1941, 22 июня» и последовавшей резкой её критики.

3.2. Особенности изучения демографических проблем предвоенного и военного времени в годы героизации советского прошлого

Третий этап изучения потерь СССР в 1937–1945 годах был самым продолжительным. Он охватил около 20 лет советской истории – с середины 1960-х до середины 1980-х годов. На данном этапе обращение к проблемам массовых политических репрессий, истокам, проявлениям и последствиям сталинизма в СССР стало абсолютно невозможным. Они для советских историков оказались под тотальным запретом. То, что в период «оттепели» ставилось и отчасти решалось в качестве важных научных проблем, или,

¹ Впрочем, о потерях военнослужащих до начала 1990-х годов в официальной открытой литературе никаких сведений не было.

² История КПСС. Изд. 2-е доп. М., 1962. С. 596.

³ Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963. С. 109.

по крайней мере, обсуждалось, было предано забвению. Отставка Н. С. Хрущева, арест КГБ двух «подпольных» писателей – А. Снявского и Ю. Даниэля и борьба интеллигенции в их защиту, жесткая критика, а затем запрет книги А. Некрича «1941, 22 июня» ясно показали, что во внутренней политике СССР наступил поворот. Особенно остро это почувствовали бывшие политические заключенные. С марта по апрель 1966 года состоялся XXIII съезд КПСС. По воспоминаниям А. В. Беловой, бывшего начальника отдела Госплана СССР, которая провела в тюрьмах, лагерях и ссылке 17 лет, его ход и итоги не вызвали, мягко говоря, никакого энтузиазма у людей, склонных и умевших анализировать. Было ясно, что «оттепель» кончилась. Это огорчало и настораживало¹.

Из историографии исчезли даже упоминания о «большом терроре», миллионах незаконно репрессированных, сотнях тысячах расстрелянных, первых депортациях народов. Историки, выполняя установки КПСС, встали на путь умолчания «острых» проблем, сделали все, чтобы раскрасить предвоенный и военный период советской истории исключительно яркими красками, представить их только в позитивном плане. Наступил длительный период всеобщей героизации и мифологизации событий 1937–1941, и особенно, 1941–1945 годов. Вот несколько примеров на эту тему. С 1973 по 1982 годы в СССР был осуществлен выпуск фундаментальной 12-томной «Истории второй мировой войны», о которой более подробно речь пойдет дальше. В отношении массовых репрессий в Красной Армии было мимолетно замечено: «В 1937–1938 гг. вследствие необоснованных обвинений из армии было уволено значительное количество командиров и политработников»². И всё. Бесцветно и походя о страшной трагедии в РККА, которая непосредственно повлияла на подготовку СССР к войне, и стала одной из причин катастроф 1941–1942 годов. В 1981 году Историко-архивным институтом был выпущен сборник лекций «Вопросы историографии истории СССР», который охватывал период с 1938 по 1945 годы³. В отношении отдельных работ, написанных до середины 1960-х годов, было сказано, что в них «в ущерб исторической правде слишком сильно выпячивались негативные моменты в развитии экономики

¹ Кудряцева Т. Моя мамочка. История в письмах и не только... М., 2004. С. 205.

² История второй мировой войны. Т. 2., М., 1973. С. 206.

³ Вопросы историографии истории СССР. М., 1981.

и подготовке страны к отражению фашистской агрессии»¹. Была названа и сама крамольная литература – соответствующие тома «Всемирной истории», «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945», «Советской исторической энциклопедии», книга Я. Е. Чадаева «Экономика СССР в период Великой отечественной войны (1941–1945 гг.)». Все эти издания увидели «свет» в первой половине 1960-х годов, т. е. в период «оттепели», от научных достижений которой историки брежневской поры отмежевались.

Статистические издания также перешли на путь умолчаний², либо прямой фальсификации. Так, в вышедшем в 1978 году справочнике «Народонаселение стран мира» было заявлено следующее: «К 1939 г. численность населения в тех же границах возросла до 170,6 млн человек (на 16%). Этот рост объясняется почти повсеместным и в целом устойчивым снижением смертности за счет улучшения работы органов здравоохранения»³. Массовые политические репрессии, вопиющий произвол, насилие, беззаконие превратились на страницах справочника в трогательную заботу органов здравоохранения о народе.

Можно запретить публикацию книг, статей по той или иной теме. Но нельзя запретить думать о ней, собирать материал, писать воспоминания и аналитические работы, что называется «в стол». Проблема «большого террора», несмотря на тотальные запреты в СССР, продолжала изучаться. Назовем несколько направлений, которые в 1960–1980-х годах накапливали и осмыслили исторические источники о массовых политических репрессиях в СССР. Первое направление – это зарубежные центры по изучению СССР и издательства. Второе – эмигрантские средства массовой информации. Третье – диссидентское движение в Советском Союзе и самиздат. Четвертое – мемуаристка и литературное творчество бывших политических заключенных. Все эти направления развивались либо за границей, либо в СССР в условиях преследований, обысков, арестов инакомыслящих, авторов самиздата. За рубежом, в советологических центрах возможностей для изучения проблемы «боль-

¹ Там же. С. 10.

² Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов. М., 1967; 60 победных лет. Цифры и факты. М., 1978; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984; Этнодемографическое развитие СССР. М., 1985; Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987 и др.

³ Народонаселение стран мира: Справочник. М., 1978. С. 11.

шого террора» в СССР было больше. Назовем лишь некоторые из них – Русский Исследовательский Центр Гарвардского университета (США), Институт по изучению России при Колумбийском университете (США), Мюнхенский Институт по изучению истории и культуры СССР (ФРГ), издательство «ИМКА – пресс» (Франция) и другие. Тема эта, однако, является самостоятельной и выходит за рамки нашего исследования.

На эмигрантских изданиях необходимо остановиться более подробно, т. к. они охотно публиковали материалы о Сталине, сталинизме, массовых политических репрессиях, авторами которых были ученые – эмигранты из СССР. Они в разные годы и по разным причинам покинули Родину. Мы имеем в виду работы С. Максудова (А. П. Бабенышев), И. Курганова, Б. Николаевского¹, Б. Яковлева (Н. А. Троицкий), М. Агурского, Ю. Фельштинского, Д. Вересова, М. Восленского, С. Мельгунова, А. Авторханова и других. Недостатка в эмигрантских журналах и газетах за рубежом не было. Они издавались в США, Англии, ФРГ, Франции и других странах². Эмигрантская литература была поставлена в определенные политические рамки. Ее часто интересовал пропагандистский эффект, политический акцент, сенсация, а не объективный научный результат. Так, в середине 1960-х годов бывший советский гражданин, профессор И. Курганов опубликовал в эмигрантской прессе данные о гибели в СССР, в довоенный период 55 млн. человек³. Он некритически использовал доступные ему исторические источники, смешал потери со снижением рождаемости, в результате получил сенсационные цифры. Другое дело – пример деятельности серьезного историка и демографа Сергея Максудова (псевдоним

¹ Следует иметь в виду, что квалификация российских историков, оказавшихся в эмиграции в ходе первой или второй волн, была, как правило, очень высока. Так, Б. И. Николаевский активно сотрудничал с Главным управлением архивным делом (Главархив), созданном Декретом СНК РСФСР от 1 июля 1918 г. В Главархиве тогда работали выдающиеся российские ученые старой формации и будущие «звезды» советской исторической науки – Е. В. Тарле, Н. П. Черепнин, Б. Д. Греков и другие. Но не все они смогли трудиться в условиях несвободы, многие вынуждены были уехать, многих вынудили это сделать. См.: *Седельников В.* ЧК и Архивы: Два эпизода из истории архивного дела в первые годы Советской власти // *Звенья. Исторический альманах.* Вып. 1. М., 1991. С. 451–463.

² Имеются в виду такие журналы и газеты, как «Новое русское слово», «Воля», «Посев», «Социалистический вестник», «Возрождение», «Голос народа» и многие другие.

³ *Курганов И.* Три цифры // *Новое русское слово.* 1964. 12 апреля.

А. П. Бабенышева), который исследовал проблемы потерь населения СССР в результате голода и репрессий с начала 1970-х годов. За границей на эту тему было опубликовано более двух десятков работ¹. С. Максудов разработал методику расчетов повышенной убыли населения СССР в 1918–1940-х годах, которая позволяет оценить и исходные статистические данные, и результат с определенной степенью точности. Он также дифференцировал потери населения в зависимости от вызвавших их причин (голод, массовые политические репрессии, снижение уровня жизни и т. д.). В отношении периода 1927–1938 годов С. Максудов определял избыточные потери населения СССР в 9,8 млн. человек². Эти данные затем нашли подтверждения в работах отечественных историков более позднего времени.

Еще один центр, где накапливалась информация о масштабах политических репрессий в СССР – это диссидентское движение и самиздат. Необходимо отметить, что инакомыслие – уникальное политическое и культурное явление в нашей стране. В какой-то степени вышедшее из шестидесятничества, диссидентство представляло собой самостоятельную политическую силу, со своими взглядами, воззрениями, лидерами и этикой. Классическое диссидентское движение, как известно, началось в декабре 1965 года протестами интеллигенции против ареста писателей А. Синявского и Ю. Даниэля. 5 декабря 1965 года в 6 часов вечера на Пушкинской площади в Москве, у памятника поэту, несколько десятков человек провели манифестацию. Над толпой демонстрантов были подняты бумажные плакаты. На одном из них было написано: «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!». Милиция задержала 22 человека, которые затем были отпущены. Митинг стал первой за многие десятилетия несанкционированной властями публичной акцией в защиту прав человека³. Отныне и до начала 1980-х годов важнейшими направлениями деятельности инакомыслящих стала борьба за права человека, свободу совести, реабилитацию репрес-

¹ См., например, *Максудов С. Потери населения СССР в 1931–1938 гг. // СССР: Внутренние противоречия. Нью-Йорк. 1982. № 5. С. 104–191 и др.*

² *Максудов С. Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 65.*

³ 5 декабря 1965 года в воспоминаниях участников событий, материалах самиздата, публикациях зарубежной прессы и в документах партийных и комсомольских организаций и записках Комитета государственной безопасности в ЦК КПСС. М., 2005. С. 3; Погружение в трясину (Анатомия застоя). М., 1991. С. 545–546.

сированных народов, предание гласности информации о преступлениях властей в гуманитарной сфере. КПСС и КГБ боялись диссидентов, справедливо полагая, что они могут расшатать незыблемые устои советского строя. Против инакомыслия и самиздата, начиная с середины 1960-х годов, велась активная борьба. В этой борьбе власть применяла дозволенные и недозволенные приемы – аресты, шельмования, репрессивную психиатрию, провокации. В сентябре 1966 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Уголовный кодекс был дополнен новой статьей – 190 (п. 1–3), которая карала за распространение «в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания», а также организацию, «равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок»¹.

Наличие в Уголовном кодексе РСФСР статей 64 (Измена Родине), 70 (Анτισоветская агитация и пропаганда) и новой статьи 190 (Преступления против порядка управления), а также аналогичных статей в Уголовных кодексах союзных республик привело к ужесточению борьбы против диссидентов. За 1966–1987 годы только в РСФСР по ст. 70 и 190 № УК было осуждено 2404 человека².

Важной составляющей инакомыслия в СССР являлся самиздат. Изготовленные, как правило, при помощи пишущей машинки альманахи, журналы, бюллетени печатали правду о правах человека, «острые» материалы о политических заключенных, использовании против них репрессивной психиатрии, реабилитации депортированных народов³. Самиздат активно печатал запрещенных в СССР авторов – А. Солженицына, В. Аксенова, В. Войновича, Г. Владимова, А. Зиновьева, Л. Копелева, Ю. Любимова, Р. Орловой, В. Тарсиса и др. Через самиздат ко многим пришли неизвестные произведения М. Булгакова, А. Платонова, М. Замятина.

Некоторая самиздатская периодика являлась своеобразным объединяющим началом диссидентского движения. Яркий тому пример – бюллетень «Хроника текущих событий», который издавался

¹ Погружение в трясину. С. 546.

² Источник. 1995. № 6. С. 153.

³ Автор этих строк в качестве редактора принимал участие в выпуске самиздатовского «Вестника «Мемориала» - органа краснодарского городского общества. В 1990 году вышло три выпуска Вестника.

15 лет – с 1968 по 1983 годы. Всего вышло 64 выпуска Хроники¹.

Часто самиздат обращался к прошлому советского государства. В 1976 году в Ленинграде начал выходить исторический сборник «Память». В предисловии к первому выпуску говорилось: «Редакция считает своим долгом спасти от забвения всё обреченное на гибель, на исчезновение, исторические факты и имена, и прежде всего имена погибших, затравленных, оклеветанных...»². С 1976 по 1981 годы вышло пять выпусков «Памяти». В них, в частности, публиковались материалы по истории массовых репрессий 1920–1930-х годов. За участие в издании сборника «Память» в 1981 году был арестован Арсений Борисович Рогинский. После этого выход сборника прекратился³.

Таким образом, начиная с середины 1970-х А. Рогинский совместно с друзьями – М. Гефтером, А. Даниэлем, Л. Богораз и другими закладывал основы будущего общества «Мемориал»⁴. Об этом сам он говорил в январе 1990 года, на I Учредительном съезде общества. Сегодня Международный «Мемориал» объединяет родственные организации из многих стран мира, располагает Научно-исследовательским и просветительским центром, библиотекой, архивом. Во многом благодаря усилиям «Мемориала» издаются Книги Памяти жертв политических репрессий в России, Украине, Казахстане.

В 1980 году по статье 190 № УК РСФСР за распространение в самиздате работы «Статисты» был осужден кандидат физико-математических наук И. Г. Дядькин. В ней он представил анализ потерь населения СССР в период коллективизации и массовых политических репрессий. Вот как автор сформулировал свое научное кредо в условиях тоталитарного режима: точно описывать происхождение исходных данных, явно указывать методику расчетов, строго оговаривать допущения и их возможное влияние на «прочность» результатов⁵. В 1983 году книга И. Дядькина, посвященная

¹ Погружение в трясину. С. 547.

² Самиздат. СПб, 1993. С. 13.

³ Там же.

⁴ Об этом см.подробней: *Адлер Н.* Трудное возвращение. Судьбы советских политзаключенных в 1950–1990-е годы. М., 2005. С. 260–264; *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс–Москва, 1992. С. 270.

⁵ *Дядькин И.* Послесловие к статье С. Максудова // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. С. 111–112.

«неестественной смертности в СССР» в 1928–1954 годах, вышла за рубежом¹. Там она получила положительную оценку. Отмечалось, что автор построил по имеющимся статистическим сведениям математическую модель нормального развития советского населения и с ее помощью оценил потери населения и погрешность самой оценки. Серьезность и добросовестность работы не вызывали сомнения, а ее недостатки были связаны с неточностями официальной советской статистики, положенной в основу расчета². И. Дядькин определял количество погибших в СССР в 1937–1940 годах от 3 до 3,4 млн, в 1941–1949 годах – от 31 до 34 млн человек³.

И, наконец, последним центром, где в годы стагнации накапливалась бесценная информация о «большом терроре» являлась мемуаристика и литературное творчество бывших политических заключенных. Выйдя на волю, многие из них старались записать свои воспоминания о страшных годах, проведенных в лагерях, тюрьмах, ссылке. Они не надеялись на то, что их мемуары будут опубликованы. Но молчать не могли, справедливо полагая, что оставленные ими книги – залог надежды на демократические преобразования в будущем. В перестроечные и постперестроечные годы изданы сотни, если не тысячи воспоминаний и литературных работ бывших политзаключенных⁴.

Мемуары тех, кто прошел через ГУЛАГ позволили в 1990–2000-е годы воссоздать правдивую картину государственного произвола периода «большого террора». Даже такая великая книга – «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына, как известно, начинается с перечисления 227 фамилий бывших заключенных, которые дали материал для повествования в рассказах, воспоминаниях и письмах⁵. Александр Исаевич особо говорит о «Колымских рассказах» В. Шаламова, воспоминаниях Д. Витковского, Е. Гинзбург,

¹ Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. С. 107.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 111.

⁴ См., например, Доднесь тяготее. Вып. 1. Записки вашей современницы. М., 1989; За что? Проза. Поэзия. Документы. М., 1999; Дьяков Б. Пережитое. М., 1987; Григоренко П. В подполье можно встретить только крыс... М., 1997; Гинзбург Е. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности // Даучива. 1988. № 7–10; Гнедин Е. Себя не потерять // Новый мир. 1988. № 7; Волков О. Век надежд и крушений: Воспоминания, повести, рассказы, очерки. М., 1990; Шаламов В. Несколько моих жизней. Проза. Поэзия. Эссе. М., 1996; Адамова-Слиозберг О. Путь. М., 2009 и др.

⁵ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т. 1. Ч. 1. С. 9.

О. Адамовой-Слиозберг¹. Остановимся на воспоминаниях Ольги Львовны Адамовой-Слиозберг прожила долгую, почти девяносто лет, трудную жизнь. Двадцать лет провела в заключении по надуманному обвинению. Двадцать лет страданий, унижений, разлук и страха. Она выжила ради детей, но не только. В своих воспоминаниях «Путь» она так определила цель своего освобождения: «Глубокое отвращение к этому добровольному рабству, рабству мысли, охватило меня. Я буду думать, я буду запоминать все. Я должна выжить и донести до людей всё, что видела. Я не могу сейчас всего понять, но вижу, что творится злое дело. Я буду свидетельствовать!»².

Мемуары бывших политзаключенных не только позволяют выявить важные детали массовых репрессий, восстановить психологический фон исторических событий середины 1930-х годов, но и являются действенным лекарством против подавления памяти российского общества.

Обратимся к работам, выходявшим в брежневский период, и посвященным масштабам потерь СССР в Великой Отечественной войне. Эта литература отличалась весьма сдержанным обращением к «острым», малоизученным, дискуссионным проблемам, быстрым забвением достижений предыдущего периода, жёсткой критикой работ о событиях 1939–1945 годов, выходявших на Западе. После речи Генерального секретаря ЦК КПСС³ Л. И. Брежнева к двадцатилетнему юбилею Победы⁴ в обществе формируется новый, героизированный образ или даже целая мифология Великой Отечественной войны⁵. Официальная историческая литература играла в этом процессе важную роль наряду с пропагандистским аппаратом власти, работой масс-медиа, словесности, визуальных искусств, школ, библиотек, всех репродуктивных систем совет-

¹ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т. 1. Ч. 1. С. 10.

² Адамова-Слиозберг О. Путь. С. 78.

³ Л. И. Брежнев реанимировал сталинское наименование высшей партийной должности в 1966 году.

⁴ Брежнев Л. И. Великая победа советского народа. М., 1965.

⁵ Об этом подробнее см.: Дружба О. В. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов-на-Дону, 2000; Дубин Б. Сталин и другие. Фигуры высшей власти в общественном мнении современной России // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1(63). С. 13–25; № 2(64). С. 26–40 и другие работы автора.

ского общества¹. Мифологизированная история войны стала существенным элементом идеологии брежневской эпохи. Люди военного поколения, годы испытаний, подвигов и побед являлись основами патриотического воспитания молодёжи, примерами для подражания, позволяли быстро «переключить» (особенно в юбилейные годы) общественное сознание с «острых» проблем на «вечные» (дань уважения павшим и живым героям войны, передача славных боевых и трудовых традиций новому поколению советских людей и проч.).

На страну в 1960–1980-е годы обрушился «вал» исторической литературы о Великой Отечественной войне. К началу 1980-х годов о событиях военного времени в стране было издано около 20 тысяч наименований книг, совокупные тиражи которых составляли сотни миллионов экземпляров. За 1976–1985 годы только по истории советского тыла было защищено около 200 кандидатских и докторских диссертаций².

Издание такого количества работ, выходящих особенно активно к юбилеям Победы в 1965, 1975 и 1985 годах, не означало, однако, появления качественно новых исследований, решения накопившихся научных проблем, в том числе касающихся потерь в Великой Отечественной войне. Нельзя сказать, что таких работ не было вообще³, но практически никаких новаций в отношении определения истинных масштабов демографических последствий войны они не вносили.

¹ Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» Победа. О конструировании и передаче коллективных представлений в России 1970–2000 годов. Рукопись. С. 13.

² Сводный перечень исследований, ведущихся в СССР в 1981–1985 гг. по проблеме «Советский тыл в Великой Отечественной войне». М., 1982. С. 3, 5, 6.

³ См., например: Урланис Б. Ц. Динамика населения СССР за 50 лет // Население и народное благосостояние. М., 1968; *Его же*. История одного поколения. М., 1968; *Его же*. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974; Гозулов А. И., Григорьянц М. С. Народонаселение СССР. М., 1969; Яцунский В. К. Историческая демография в СССР // Вопросы географии. Сб. 83. М., 1970; Дробижев В. З., Поляков Ю. А. Народонаселение СССР и история советского общества // Вопросы истории. 1974. № 4; Смирнов Е. И. Война и военная медицина. Мысли и воспоминания. 1939–1945. М., 1976; Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977; Проблемы исторической демографии СССР. Таллинн, 1977; Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980; Шелестов Д. К. История и демография // Вопросы истории. 1981. № 5; *Его же*. Демография: история и современность. М., 1983 и др.

Ещё одной особенностью данного этапа историографии стало условное разделение в изучении проблем войны между различными научными центрами. Институт военной истории Министерства обороны СССР, созданный в 1967 году, исследовал военные действия на фронтах, отдельные сражения, битвы и операции войны, проблемы военного искусства и др. Сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в котором в 1957 году был образован отдел истории Великой Отечественной войны, специализировались в основном на изучении партийно-политической работы в войсках и тылу, «ведущей» роли партии в 1941–1945 гг. В 1973 году в Институте истории СССР и Институте всеобщей истории АН СССР были созданы сектора истории СССР периода Великой Отечественной и второй мировой войн. Учёные этих академических институтов работали соответственно над проблемами советской экономики, патриотических движений военного времени, дипломатической истории второй мировой войны и др.

В масштабах страны исследования по истории Великой Отечественной войны координировались рядом Проблемных и Научных Советов. В частности, при Отделении истории АН СССР действовал научный совет «История социалистического и коммунистического строительства в СССР», в котором имела секция «СССР в годы Великой Отечественной войны»¹.

Наибольшие возможности в исследовании проблемы потерь советских и немецких войск в Великой Отечественной войне в те годы были в военном ведомстве.

В 1966 году в Генеральном штабе МО СССР была создана комиссия по определению потерь, которую возглавлял генерал армии С. М. Штеменко. Комиссия завершила свою работу в 1968 году². Одним из результатов её деятельности стал статистический сборник «Боевые потери личного состава Вооружённых сил СССР», подготовленный Главным организационно-мобилизационным управлением Генштаба. В сборнике обобщались сведения за 1918–1945 годы. Это издание находилось на особом хранении, и к нему допускался лишь ограниченный круг руководителей Министерства Обороны³. До начала 1990-х годов статистические данные о потерях совет-

¹ Сводный перечень исследований, ведущихся в СССР в 1981–1985 гг. по проблеме «Советский тыл в Великой Отечественной войне». С. 3, 4; Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 305.

² Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 5.

³ *Первышин В. Г.* Указ. соч. С. 360.

ских войск в Великой Отечественной войне хранились под грифом «секретно». Публиковались они «лишь частично по отдельным оборонительным и наступательным операциям... в закрытых трудах по истории Великой Отечественной войны, чтобы скрыть от народа подлинные размеры наших тяжёлых потерь»¹.

Во второй половине 1960-х – середине 1980-х годов было издано значительное количество фундаментальных работ по истории второй мировой и Великой Отечественной войн². «Первым капитальным исследованием», по определению академика А. М. Самсонова, основанным «на марксистско-ленинской методологии»³, стала 12-томная «История Второй мировой войны»⁴. Она была подготовлена коллективами вышеперечисленных научных центров.

В данной серьёзной работе, а также в других исследованиях по-новому трактовались потери стран-участниц второй мировой войны⁵. В последнем, двенадцатом томе «Истории второй мировой войны» об этом говорилось следующее: в 1939–1945 годах в вооружённые силы стран-участниц «было мобилизовано более 110 млн человек. Многие десятки миллионов были убиты, получили ранения, остались инвалидами. Резко возросли потери гражданского населения. Они составили почти половину общих потерь, в то время как в первую мировую войну – 5 процентов»⁶. И далее: «наиболее авторитетные исследования показывают, что в годы второй мировой войны погибло более 50 млн человек». В самом общем виде была названа «структура потерь»⁷. На последней цифре остановимся подробнее. Более двадцати лет назад, в 1960 году, очень известный и авторитетный демограф Б. Ц. Урланис писал: «часто

¹ Там же.

² Вторая мировая война. Кн. 1–3. М., 1966; Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк. М., 1970; Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил во второй мировой войне. М., 1971; Самсонов А. М. Крах фашистской агрессии. 1939–1945. М., 1975; История дипломатии. Т. 4. М., 1975; Советская военная энциклопедия. Т. 1–8. М., 1976–1980; Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985 и др.

³ Самсонов А. М. Крах фашистской агрессии. 1939–1945. Исторический очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1982. С. 13.

⁴ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 1–12. М., 1973–1982.

⁵ См., например, Самсонов А. М. Крах фашистской агрессии. 1939–1945. Исторический очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1982. С. 7; Поляков Л. Е. Цена войны. Демографический аспект. М., 1985. С. 42, 43, 87 и др.

⁶ История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 12. М., 1982. С. 150.

⁷ Там же. С. 148, 150.

встречаются указания о том, что число жертв второй мировой войны достигает 50 млн и даже 60 млн, но эти цифры преувеличены»¹. Сам он ориентировался на число общих потерь в 30 млн человек. Именно такое количество было названо в «Манифесте мира», принятом в ноябре 1957 года в Москве, на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий². Прошло более двадцати лет, и «преувеличенные цифры» стали «наиболее авторитетными», а планка оценки потерь военнослужащих и гражданского населения стран-участниц в 1939–1945 годах в официальных советских изданиях была «поднята» на двадцать миллионов человек. Из этого следует два вывода. Во-первых, тем оценкам потерь стран-участниц второй мировой войны, включая СССР, которые были названы официальными советскими лицами и официальными открытыми изданиями во второй половине 1940-х–начале 1990-х годов, в полной мере доверять мы не можем. Во-вторых, учёный не должен «на веру» принимать оценки и выводы политиков, меняющиеся достаточно быстро, и зависящие от факторов, не имеющих к науке никакого отношения.

«История Второй мировой войны» назвала и общие потери СССР и Германии в войне: «Самые большие прямые и косвенные потери населения понесли государства Европы. Здесь погибло около 40 млн человек, то есть значительно больше, чем на других континентах, вместе взятых. Половина людских потерь в Европе приходится на СССР. Они составили свыше 20 млн человек, значительная часть из них – гражданское население, погибшее в гитлеровских лагерях смерти, в результате фашистских репрессий, болезней и голода, от налётов вражеской авиации»³. «...война привела к большим потерям самой Германии – свыше 13 млн человек убитыми, ранеными, пленными, пропавшими без вести»⁴. Что касается оценки потерь СССР в 1941–1945 гг., то они не изменились, – была названа «брежневская» цифра – «свыше 20 миллионов человек», впервые прозвучавшая в 1965 году. В отношении жертв второй мировой войны в Германии (военнослужащие и гражданское население), впервые, пожалуй, была названа суммарная цифра – «свыше 13 млн человек», включавшая все категории потерь – убитых, раненых, пленных, пропавших без вести.

¹ Урланис Б. Ц. Война и народонаселение Европы. С. 403.

² Там же.

³ История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 12. С. 150–151.

⁴ Там же. С. 151.

В пространной «Истории второй мировой войны», к сожалению, как мы видим, не было подробно сказано о структуре потерь, методике их исчисления, величине боевого урона вооружённых сил СССР и Германии. Преобладали слишком общие, осторожные оценки, с оглядкой на главного заказчика труда – ЦК КПСС и его Политбюро. Одной из последних работ данного этапа историографии стала книга профессора Л. Е. Полякова «Цена войны»¹. В ней некоторые важные цифры потерь были уточнены. Во-первых, названа новая оценка безвозвратных потерь населения Земли во второй мировой войне – 55 млн человек². Во-вторых, общие потери Германии во второй мировой войне, включая убитых, раненых, пропавших без вести и военнопленных, определялись автором в 13,6 млн человек, из которых 10 млн приходилось на Восточный фронт³. В-третьих, была предпринята попытка назвать прямые и косвенные потери СССР в Великой Отечественной войне – 46 млн человек, из которых, по мнению автора, 26 млн приходилось на «снижение естественного прироста населения»⁴.

Подводя итоги третьего этапа историографии потерь СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, отметим, что эта проблема была ещё более политизирована, а научная добросовестность постоянно предавалась в угоду идеологии. Героизированная история Великой Отечественной войны являлась цементирующей основой политического строя периода «застоя» и стагнации, должна была реально укреплять и укрепляла до определённого времени советский режим.

¹ Поляков Л. Е. Цена войны: Демографический аспект. М., 1985.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 87.

4. НОВЕЙШАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ КАТАСТРОФАХ КАНУНА И ПЕРИОДА ВОЙНЫ

4.1. Масштабы потерь в дискуссиях реформенного времени

Четвертый этап историографии потерь СССР накануне и в годы войны был кратковременным (около семи лет), но весьма бурным, совпавшим с годами горбачевской перестройки. 11 марта 1985 г. М. С. Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС, сменив на этом посту К. У. Черненко, последнего руководителя СССР брежневской эпохи. В апреле этого года на Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев произнес свою программную речь, призвав партию и страну к перестройке. Характерными чертами общественно-политической жизни первых двух лет перестройки стали обновление партийно-номенклатурной элиты, резкое ослабление давления на оппозицию в лице диссидентов, неоднократные заявления высшего политического руководства о необходимости перемен, критика времени «застоя». Уже в течение первого года своего правления М. С. Горбачев сменил 70% союзных министров, 50% руководящих кадров в республиках СССР¹. К руководству ЦК приходят убежденные сторонники перемен. 1 июля 1985 г. на Пленуме ЦК КПСС секретарем Центрального комитета партии избран Б. Н. Ельцин, 21 июля заведующим отделом пропаганды ЦК назначен близкий соратник М. С. Горбачева, будущий основатель и руководитель Фонда «Демократия» А. Н. Яковлев². 28 августа 1986 г. опубликовано Постановление Совета Министров СССР о новых условиях выдачи виз на въезд и выезд из СССР³. Визовый режим значительно потеплел. Даже известным диссидентам (Е. Боннэр, Ю. Орлов) разрешено было выехать за границу. В феврале 1987 г. власти объявили об освобождении из лагерей около ста диссиден-

¹ Хронология российской истории: Энциклопедический справочник. М., 1994. С. 272.

² Там же.

³ Хронология российской истории: Энциклопедический справочник. М., 1994. С. 272.

тов¹. Одним из самых громких поступков М. С. Горбачева этого периода стало возвращение А. Д. Сахарова из длительной ссылки. В декабре 1986 г. М. С. Горбачев позвонил А. Д. Сахарову в Горький и сообщил, что принято решение разрешить ему вернуться в Москву. Он просил его «возобновить свою патриотическую деятельность»². Представляется, что власти в отношении Сахарова и других диссидентов ошиблись. После заключения, тюрем, ссылок они продолжили свою активную политическую деятельность, критиковали коммунистический режим, приближая крах советской системы. А. Д. Сахаров стал олицетворением демократических перемен в СССР. Уже в упомянутом разговоре с М. С. Горбачевым он потребовал амнистировать политических заключенных³. Его авторитет в обществе, и, прежде всего, среди интеллигенции, был очень высок. Он не только вернулся к активной научной жизни, был избран в Президиум Академии Наук, но и продолжил политическую деятельность. Автору этих строк посчастливилось участвовать в учредительной конференции Российского историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» в Москве, в январе 1989 года. На конференции выступал А. Д. Сахаров, избранный Президентом общественного совета «Мемориал», говоривший о драматической истории СССР. В кулуарах конференции обсуждался вопрос о выдвижении его президентом страны.

В феврале-марте 1986 г. состоялся XXVII съезд КПСС, на котором М. С. Горбачев назвал время правления Брежнева «эпохой застоя». Он настаивал на проведении глубоких экономических реформ и демократизации общества. А на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС прямо заявил о необходимости развития общественных наук, т. к. «степень осознания жизненных проблем и противоречий, общественных тенденций и перспектив во многом зависят от состояния и развития теоретической мысли»⁴.

В 1985–1986 гг. были подготовлены общественно-политические условия для последующих перемен. Они, помимо всего другого, коснулись и вопросов переосмысления советского прошлого. Начиная с 1987 г. периодические издания активно обращаются к проблемам

¹ Там же.

² Вести из СССР. Права человека. Т. 3. 1985–1986. Мюнхен. Б/г. С. 282.

³ Там же.

⁴ Материалы Пленума Центрального комитета КПСС, 27–28 января 1987 года. М., 1987. С. 8.

истории СССР. Среди них такие темы как политические репрессии и их последствия, масштабы потерь советского государства в годы войны, формирование и существование ГУЛАГа, депортации и история спецпоселенчества были наиболее востребованы массовым общественным сознанием. Проблемы потерь накануне и в годы войны не только активно обсуждались на страницах газет и журналов, на телевидении и радио, но и стали своеобразным камертоном общественных настроений. Демократически настроенная часть общества активно обсуждала статьи, посвященные жертвам репрессий, судьбам репрессированных, трагическим событиям кануна и начала войны. С раннего утра к киоскам «Союзпечати» выстраивались очереди. Популярными изданиями, такими как «Аргументы и факты», «Московские новости», «Литературная газета», «Огонек», что называется, рвали из рук. Тяжеловесы масс-медиа – газеты «Правда» и «Известия» так же пытались идти в ногу со временем. Более осторожно, взвешенно вели себя редакции исторических и политических журналов, которые начали публиковать «острые» статьи и материалы несколько позже популярных изданий. Первыми обратились к истории сталинизма не историки, а социологи, философы, экономисты, политологи, публицисты, писатели.

В январе 1987 г. в газете «Правда»¹, в апрельском номере журнала «Наука и жизнь»² были опубликованы статьи доктора экономических наук Г. Х. Попова. В последней автор назвал сталинскую модель управления экономикой «административно-командной системой»³. Этот термин, наряду с другими лингвистическими нововведениями («лагерная экономика», «репрессивно-принудительный способ организации производства», «государственно-бюрократическая собственность», «тоталитарный строй», «авторитарная идеология» и др.) активно стали использоваться не только экономистами, но и историками.

В истории СССР 1987 год был особым. Исполнялось 70 лет с момента большевистского переворота. М. С. Горбачеву и его соратникам необходимо было сохранить управляемость страной и КПСС, продолжить демократические преобразования и каким-то образом заявить о непогрешимости курса, в основном взятом в 1917 году. Реализовать все три задачи было чрезвычайно трудно. По мере продвижения демократических преобразований, курс Горбачева

¹ Попов Г. Х. Перестройка в экономике // Правда. 1987. 20 января.

² Попов Г. Х. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4.

³ Там же. С. 57.

встретил резкую критику слева и справа. На Пленумах ЦК КПСС в январе, июне и октябре 1987 года шла ожесточенная борьба по кадровым вопросам, проблемам темпов и направлений перестройки. Лидером антиперестроечных сил становится член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Е. Лигачев, его непримиримым оппонентом, критиком слишком медленного хода перестройки, — Б. Ельцин. На данном этапе последний борьбу проиграл. Его освобождают от обязанностей первого секретаря Московского горкома партии и кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Б. Ельцин фактически становится лидером демократической оппозиции.

М. С. Горбачев под давлением лидеров стран Запада, общественности СССР, таких влиятельных людей, как А. Сахаров, продолжает идти на уступки. В ноябре было объявлено о создании Комиссии по реабилитации жертв сталинских репрессий. Уже в феврале 1988 года Верховный Суд СССР реабилитировал десятерых обвиняемых, осужденных в марте 1938 года на процессе по делу так называемого «Антисоветского правотроцкистского блока»¹. Среди которых — Н. Бухарин, А. Рыков и Х. Раковский.

В 1987–1988 годах в СССР начинают публиковаться произведения ранее запрещенных писателей. «Увидел свет» «Котлован» и «Чевенгур» А. Платонова, «Собачье сердце» М. Булгакова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана и др. Одними из самых ярких произведений о политических репрессиях, сталинизме первых лет перестройки стали роман А. Рыбакова «Дети Арбата», опубликованный в 1987 году, в журнале «Дружба народов» и «Колымские рассказы» старого политзэка В. Шаламова. Эти и другие произведения, безусловно, повлияли на общественные настроения, активизировали демократические преобразования в стране, переосмысление советского прошлого.

Лидеру КПСС М. С. Горбачеву приходилось считаться с правой оппозицией, выступившей со своеобразным манифестом в марте 1988 года², а также со всё более сложными проблемами, возникшими в связи с попытками коренных преобразований советского общества. В конце 1987 года М. С. Горбачев выступил с юбилейным докладом о 70-летию Великого Октября³ и с книгой «Пере-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 69–85.

² См.: Андреева Н. Не могу поступиться принципами // Советская Россия. 1988. 13 марта.

³ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987.

стройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»¹. В этих работах М. С. Горбачев совершенно справедливо заявил о необходимости исследования «больных» вопросов советского прошлого во имя уважения исторической правды и памяти тех, кто оказался невинной жертвой беззакония и произвола. Касаясь личности Сталина, он подчеркнул: «Иногда утверждают, что Сталин не знал о фактах беззакония. Документы, которыми мы располагаем, говорят, что это не так. Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна. Это урок для всех поколений»². С другой стороны, в работах М. С. Горбачева этого периода красной нитью проходит мысль о том, что социализм способен вновь доказать свою эффективность, если освободится от пут догматизма. Наступая на те же, что и Хрущев грабли, Горбачев призывал учиться у Ленина творческому подходу к теории и практике социалистического строительства, брать на вооружение его научную методологию, овладевать искусством конкретного анализа конкретной ситуации³. Не обошлось и без советов историкам. Следование ленинской методологии – необходимое условие успеха и в решении задач основательной перестройки, которая предстоит в исторической науке, призванной способствовать пропаганде опыта воплощения ленинского идеала социализма⁴, – заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС. Эту мысль он повторял в дальнейшем неоднократно⁵. Критикуя догматы социализма, такие уродливые явления коммунистической диктатуры, как массовые репрессии, произвол, беззаконие, М. С. Горбачев не решился на ревизию основы основ советского строя – ленинского учения о социализме. На фоне массового обнародования преступлений сталинизма, который как будто свалился «с неба», нелепыми выглядели попытки Горбачева реабилитировать социалистический строй, опираясь на ленинскую методологию.

¹ *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

² *Он же.* Октябрь и перестройка. С. 21.

³ *Он же.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 41.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ *Горбачев М. С.* Революционной перестройке – идеологию обновления. Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 года. Постановление Пленума ЦК КПСС. М., 1988. С. 11 и др.

Три года перестройки, активная гражданская позиция, прежде всего, творческой интеллигенции, наличие у демократической оппозиции таких лидеров, как А. Д. Сахаров и Б. Н. Ельцин привели к глубоким изменениям в СССР. Продолжался процесс реабилитации незаконно репрессированных. В июне 1988 г. Верховный Суд СССР объявил о реабилитации Г. Зиновьева, Л. Каменева, Ю. Пятакова, К. Радека, а ЦК КПСС посмертно восстановил в партии Н. Бухарина и А. Рыкова. Состоявшаяся в июне – июле этого года XIX Всесоюзная партконференция вынесла решение о сооружении памятника жертвам сталинских репрессий. Идея установки памятника объединила антисталинистов всех возрастов. Как уже говорилось, в январе 1989 г. было создано общество «Мемориал», которое не только воплотило эту идею в жизнь, установив на Лубянской площади, на месте памятника Дзержинскому, соловецкий камень, но и сделало всё возможное для неповторения сталинского произвола. Подробно о создании и первых годах деятельности общества «Мемориал» рассказано в Приложении⁵.

В 1988 году пришло время сказать свое слово и историкам. Один за другим выходят сборники статей¹, подготовленные издательствами «Высшая школа», «Политиздат», «Прогресс», в которых проблема масштабов потерь СССР в годы «большого террора» и Великой Отечественной войны находит всестороннее осмысление.

Заметным явлением в общественной жизни страны стал выход в издательстве «Прогресс», в августе 1988 года новой серии «Перестройка: гласность, демократия, социализм». Ответственным редактором серии являлся доктор исторических наук Ю. Н. Афанасьев. Первой книгой серии стал сборник статей «Иного не дано». В предисловии к нему Ю. Н. Афанасьев писал:

«Я и как редактор, и как ученый вряд ли могу согласиться со всем, что сказано авторами. Многие взгляды и подходы представляются спорными, требуют дальнейшего обсуждения, анализа. Но они будят мысль, заставляют думать, искать, заглядывать за горизонт. Я искренне надеюсь, что время книг, в которых «все правильно», в которых изложены лишь сотни раз повторенные прописные истины и которые никто не дочитывает до конца, прошло. Прошло и не повторится, не наступит вновь.

¹ Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988; Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988; Самсонов А. М. Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М., 1988; Иного не дано. М., 1988 и др.

Разные темы, противоречивые мнения, нетривиальные подходы. Может быть, именно это и придает особую убедительность магистральной идее сборника: перестройка – это условие жизнненности нашего общества. Иного не дано»¹.

Значительная часть статей, вошедших в сборник, была посвящена советскому прошлому. Об «острых», переломных событиях периода правления Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева писали М. Гефтер, В. Сироткин, Ю. Карякин, Ф. Бурлацкий, Ю. Афанасьев и другие. Особое место в сборнике принадлежало статье А. Д. Сахарова. Его авторитет среди демократически настроенных граждан был очень велик. Прошло чуть больше года с момента возвращения А. Д. Сахарова из горьковской ссылки и все его высказывания и статьи были в центре общественных дискуссий. В своей статье «Неизбежность перестройки» А. Д. Сахаров писал о варварском уничтожении человеческого потенциала страны в годы сталинской диктатуры, о лагерной экономике, борьбе КГБ с диссидентством, применении репрессивной психиатрии против инакомыслящих, проблемах депортированных народов². Т. е. о проблемах, которые волновали общество в годы перестройки, о 1930–1940-х годах, которые «выстрелили» в 1980-е крупным зарядом политических, экономических, демографических, социальных, моральных проблем.

В последующие годы издательство «Прогресс» в серии «Перестройка: гласность, демократия, социализм» выпустило ряд значимых книг³, которые в том числе ставили и отчасти решали закрытые ранее проблемы демографических катастроф 1930–1940-х годов. При этом, если в 1989 году известный демограф А. Вишневский, прежде всего, говорил о несовершенстве советской статистики, фальсификациях в период проведения Всесоюзной переписи населения 1939 года, огромных потерях страны в период коллективизации и голода начала 1930-х годов и в 1941–1945 годах⁴, то в 1990 году другой серьезный ученый А. Кваша называл уже конкретные цифры потерь. Так, он впервые обратил внимание на изменения в динамике официальных оценок потерь СССР в годы

¹ Афанасьев Ю. Несколько слов от редактора // Иного не дано. С. 5,6.

² Сахаров А. Неизбежность перестройки // Иного не дано. С. 124, 125, 130.

³ См., например: В человеческом измерении. М., 1989; Осмыслить культ Сталина. М., 1989; СССР: демографический диагноз. М., 1990; Через тернии. М., 1990; Драма обновления. М., 1990 и др.

⁴ Вишневский А., Кузнецова Л. Люди или население? // В человеческом измерении. С. 207–212.

Великой отечественной войны – 7 млн (1946 г.), 20 млн (1961 г.)¹ и предложил свой вариант масштабов жертв войны. «Можно полагать, что прямые и косвенные потери населения СССР в Великой Отечественной войне, исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных, составили 48–50 млн человек, в том числе прямые потери – 26–27 млн человек»². Была названа «приблизительная цифра погибших от голода и репрессий с 1928 по 1953 год» – более 40 млн человек³. Конечно, сейчас она выглядит несовершенной, но тогда, двадцать лет назад, попытки объяснить с научной точки зрения огромное число потерь СССР в мирное и военное время, прокомментировать их структуру равнялась серьезному гражданскому поступку.

В конце 1980-х были созданы общественно-политические условия, позволившие проводить дискуссии по вопросам потерь СССР в годы войны, масштабов репрессий в годы сталинской диктатуры. Конечно, не все дискуссии были результативными, не все публикации объективно отражали исторические процессы 1930–1940-х годов, но они приближали общество к исторической правде, истинным результатам массовых репрессий и масштабам потерь в 1941–1945 гг.

Мощным катализатором общественных настроений, фактором ускорения демократических процессов в стране стала публикация в журнале «Новый мир», начиная с августа 1989 года, произведений Александра Исаевича Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», «Раковый корпус», «В круге первом». Нужно отметить, что это было знаковое явление. «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына впервые был опубликован в Париже, известным издательством «ИМКА–Пресс», в декабре 1973 года, а вскоре автор был выслан из СССР⁴. Окончательная редакция книги была предложена читателям в 5–7 томах Собрания сочинений А. Солженицына (1980 г.), вышедшего в том же издательстве⁵.

«Архипелаг ГУЛАГ» на протяжении 1970–1980-х годов являлся знаменем диссидентского движения в СССР, особым раздражителем для властей, которые, начиная с конца 1960-х годов, активизируют борьбу с инакомыслящими и самиздатом. Фрагменты «Ар-

¹ Кваша А. Цена побед // СССР: демографический диагноз. С. 245–246.

² Там же. С. 249.

³ Там же. С. 244.

⁴ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т. 3. Ч. 6, 7. М., 1990. С. 237.

⁵ Там же. С. 237.

хипелага» ежедневно в 1970-е годы звучали на «Глоссе Америки», и тысячи людей по всей стране, в том числе и автор этих строк, пробиваясь сквозь глушилки, ловили на радиоволнах низкий, чуть хриловатый голос, читавший главы особо запретного произведения. За чтение, передачу и распространение самиздата и, в частности, книг А. И. Солженицына, многие заплатились свободой, годами, проведенными в лагере. И это не метафора. Так, в феврале 1985 года Военный трибунал Московского военного округа приговорил лейтенанта Г. П. Куценко к четырем годам лагерей строго режима за распространение книг А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», «Бодался теленок с дубом» и произведений других запрещенных авторов¹. Прошло три года, а вместе с ними и целая эпоха, и крамольное произведение стало общедоступным. В 1990 году издательство «Новый мир» выпустило «Архипелаг ГУЛАГ» в трех томах, семи частях, тиражом 100 тысяч экземпляров. Затем это произведение неоднократно переиздавалось. Сегодня оно включено в школьную программу. Сокращенный вариант книги, подготовленный вдовой автора, Н. Солженицыной, был представлен накануне Дня памяти политзаключенных, 30 октября 2010 года, Председателю Правительства России В. В. Путину.

В конце 1980-х годов в отечественной историографии наметились две тенденции в оценке масштабов массовых политических репрессий в целом, и «большого террора», в частности. Первую тенденцию представляли историки и писатели Р. Медведев, А. Антонов-Овсеенко, А. Солженицын, М. Геллер, А. Некрич, И. Курганов, В. Рапопорт, Ю. Алексеев, Л. Разгон и другие. Вторую – историки Д. Волкогонов, Н. Бугай, В. Земсков, О. Хлевнюк, А. Дугин, С. Максудов, В. Цаплин, В. Курицын, В. Некрасов и другие. К первой группе относятся авторы, которые сами пережили репрессии или пострадали от советской системы. Однако не только личная память побуждала их писать на темы государственного террора. По образному выражению А. И. Солженицына это был их «общий дружный памятник всем замученным и убитым»². Исследуя сложные процессы массовых политических репрессий в СССР, эти авторы располагали не всей полнотой исторических источников. Они опирались, прежде всего, на свой лагерный, а если его не было – жизненный опыт, источники личного происхождения,

¹ Вести из СССР. Права человека. Т. 3. 1985–1986. Мюнхен. Б/г. С. 94–95.

² Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. Ч. 1. С. 9.

в том числе – воспоминания бывших политэзков, эмигрантскую литературу. Не их вина, а беда заключалась в том, что искреннее желание сказать правду о подлинных масштабах сталинских преступлений не подкреплялось историческими документами, знанием архивов, в частности, лагерной статистики. Отсюда появлялись нереальные цифры о десятках миллионах заключенных, миллионах расстрелянных. Обратимся к деятельности известного историка и публициста Р. А. Медведева. Он неоднократно, в 1970–1980-е годы публиковал свои произведения за рубежом. Так, в 1974 году, в Нью-Йорке и Лондоне на русском языке вышло второе издание его книги «К суду истории»¹, которую он начал писать в 1962 году. В ней он утверждал, что в годы сталинской диктатуры (прежде всего, в середине 1930-х годов) в СССР было репрессировано 4–5 млн человек. Из которых было расстреляно 500 тыс. человек². На волне перестройки, используя благоприятную общественную атмосферу, через 15 лет, в ответах читателям «Аргументов и фактов», он увеличивает первую цифру до 7 млн, а вторую – до 1 млн человек³. И делает это без всяких ссылок на источники. Другой пример. Высказываясь по вопросу о масштабах голода начала 1930-х годов, Р. Медведев назвал цифру в 6 млн человек⁴, не подтвердив ее архивными источниками.

Данные о масштабах репрессий в 1930-х годах, публиковавшиеся в большом количестве Р. Медведевым, А. Антоновым-Овсеенко, И. Кургановым и другими публицистами широко пропагандировались средствами массовой информации, которые, по мнению В. Земскова, умышленно игнорировали мнения профессиональных историков, появившиеся (начиная с 1989 г.) на страницах периодической печати⁵.

Ситуация резко изменилась в 1989 году. Историки, отнесенные нами ко второй тенденции, наметившейся в отечественной историографии второй половины 1980-х годов, получили доступ в архивы. В 1989 году в Отделении истории АН СССР была создана Комиссия по установлению истинных потерь населения СССР. Комиссию возглавил член-корреспондент АН СССР (ныне – академик РАН) Ю. А. Поляков. В нее вошли серьезные, ныне широко известные

¹ Медведев Р. А. К суду истории. Нью-Йорк; Лондон. 1974.

² Там же. С. 460.

³ Аргументы и факты. 1989. № 5.

⁴ Вопросы истории. 1988. № 3. С. 120; Московские новости. 1988. 27 ноября.

⁵ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 8.

историки – В. Н. Земсков, В. Б. Жиромская и другие. Члены Комиссии получили допуск к хранящимся в спецхране ЦГАОР СССР (ныне – ГА РФ) документам Секретариата НКВД – МВД СССР, ГУЛАГа, Отдела спецпоселений НКВД – МВД СССР и другим ранее строго засекреченным архивным фондам¹.

В 1989 году в периодической печати появились статьи², а также сборники статей и материалов³ и отдельные книги⁴, в которых тема потерь СССР в годы «большого террора» и Великой Отечественной войны получила дальнейшее развитие. В них профессиональные историки, опираясь на архивные документы, представили реальные данные о количестве репрессированных по политическим мотивам, расстрелянных, депортированных, численности всех категорий спецпоселенцев, ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных, а также заключенных лагерей, колоний, тюрем и спецтюрем в 1930-е – начале 1950-х годов.

Эти публикации вызвали заметный резонанс в обществе, свидетельством чего, в частности, явился большой поток читательских писем в редакции. Характерной в этом отношении была полемика, развернувшаяся на страницах «Аргументов и фактов», выходивших в конце 1980-х–начале 1990-х годов миллионными тиражами. В 1989–1990 годах «Аргументы и факты» опубликовали серию

¹ Там же. С. 9.

² *Цаплин В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4; *Дугин А.* ГУЛАГ: открывая архивы // На боевом посту. 1989. 27 декабря; *Земсков В.* Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. № 39; *Он же.* Численность и состав ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г. // Там же. 1989. № 40; *Бугай Н.* К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6; *Парсаданова В.* Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2; *Курицын В.* 1937 год: истоки и практика культа // Реабилитирован посмертно. Вып. 1, 2. М., 1989. С. 7–45 и др.

³ Исторический опыт и перестройка. Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР. М., 1989; Урок дает история. М., 1989; Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М., 1989; Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. М., 1989; Обратного хода нет. М., 1989; Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989; Страницы истории советского общества. Факты. Проблемы. Люди. М., 1989; Реабилитирован посмертно. Вып. 1, 2. М., 1989 и др.

⁴ *Максудов С.* Потери населения СССР. М., 1989; *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. Кн. 1. Ч. 1, 2. М., 1989 и др.

статей Виктора Николаевича Земскова¹, в которых, в частности, была обнародована подлинная статистика заключенных ГУЛАГа. Она входила в противоречие со сведениями, распространявшимися в масс-медиа, включая и «Аргументы и факты», Р. Медведевым, А. Солженицыным, А. Антоновым-Овсеенко, О. Шатуновской и другими авторами. Такими же полярными были и отклики читателей на данные публикации. Их характер варьировался в широком диапазоне от безусловно одобрительных до резко негативных. Негативная реакция части читателей вызывалась главным образом тем, что они ожидали прочесть о десятках миллионов людей, якобы находившихся на спецпоселении, в ссылке и высылке, а их в действительности там было в начале 1953 г. менее 3 млн², о миллионах расстрелянных, замученных, о десятках миллионов пострадавших. На этой почве высказывались сомнения в подлинности информации, приводимой, в частности, В. Н. Земсковым. Делались безапелляционные заявления, что эта статистика будто бы фальшивая, сфальсифицированная и т. п. Причем подобного рода заявления звучали не только из уст журналистов, публицистов, но и историков. Что говорит об очень высокой степени внедрения в массовое сознание недостоверных, многократно преувеличенных «статистических изысканий» тех, кто на волне перестройки зарабатывал себе очки.

Острая полемика на страницах печати в эти годы развернулась между профессиональным историком В. Земсковым и публицистом А. Антоновым-Овсеенко³. В 1991 году, в «Литературной газете» была опубликована статья А. Антонова-Овсеенко «Противостояние»⁴. В ней он обвинил В. Земскова в научной недобросовестности, высказал мнение о фальшивом происхождении используемых оппонентом документов и, следовательно, недостоверном характере публикуемых В. Земсковым цифр⁵. Ему вторил известный писатель, бывший узник сталинских лагерей Л. Э. Разгон⁶. Ответ В. Земско-

¹ Аргументы и факты. 1989. № 39, 40, 45; 1990. № 5, 35 и др.

² Земсков В. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. С. 9.

³ См. его работы: Антонов-Овсеенко А. Карьера палача // Звезда. 1988. № 9; Он же. Сталин без маски. М., 1990; Он же. Портрет тирана. М., 1994; Он же. Враги народа. М., 1996 и др.

⁴ Антонов-Овсеенко А. Противостояние // Литературная газета. 1991. 3 апреля.

⁵ Там же.

⁶ Разгон Л. Ложь под видом статистики: Об одной публикации в журнале «Социологические исследования» // Столица. 1992. № 8.

вым был дан в статье, опубликованной в этом же году, в журнале «История СССР»¹. Автор справедливо писал о том, что вопрос о подлоге можно было бы рассматривать, если бы его исследования опирались на один или несколько разрозненных документов. «Однако нельзя подделать находящийся в государственном хранении целый архивный фонд с тысячами единиц хранения, куда входит и огромный массив первичных материалов (предположить, что первичные материалы – фальшивые, можно только при допущении нелепой мысли, что каждый лагерь имел две канцелярии: одну, ведущую подлинное делопроизводство, а вторую – неподлинное)», – писал В. Земсков². Тем не менее, весь массив архивных документов был им подвергнут тщательному источниковедческому анализу, и их подлинность была установлена со 100-процентной гарантией. Данные первичных материалов о количестве заключенных и спецпоселенцев в 1930–1950-е годы в итоге совпали со сводной статистической отчетностью ГУЛАГа и со сведениями, содержащимися в докладных записках руководства ГУЛАГа на имя Н. И. Ежова, Л. П. Берии, С. Н. Круглова, а также в докладных записках последних на имя И. В. Сталина. Следовательно, документация всех уровней, которой пользовался В. Земсков, являлась подлинной³.

В упомянутой статье, в «Литературной газете» А. Антонов-Овсеенко писал: «По данным Управления общего снабжения ГУЛАГа, на довольствии в местах заключения состояло без малого 16 миллионов – по числу пайкодач в первые послевоенные годы»⁴. В. Земсков в своем ответе отмечает, что в листе пользования документом из фонда ЦГАОР СССР, фамилия Антонова-Овсеенко отсутствует. Следовательно, он приводил его с чьих-то слов, с грубейшими искажениями смысла. Осенью 1945 года в лагерях и колониях ГУЛАГа, где содержались основные контингенты заключенных, находилось не 16 млн, а 1,6 млн человек⁵. В те годы одна

¹ *Земсков В.* Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.

² Там же. С. 151.

³ Там же. С. 151.

⁴ *Антонов-Овсеенко А.* Противостояние // Литературная газета. 1991. 3 апреля.

⁵ *Земсков В.* Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151.

запятая могла родить в обществе бурю эмоций, на что рассчитывали и чем пользовались недобросовестные авторы.

По мере выхода «в свет» серьезной литературы, основанной на архивных документах, взвешенных и объективных оценках, полемика по поводу крайне завышенных данных в оценках масштабов массовых политических репрессий в СССР прекратилась, т. к. стала совершенно бессмысленной. Вместе с ней со страниц периодической печати постепенно исчезли статьи Р. Медведева и других не вполне добросовестных авторов.

Другой пример на эту тему. В конце 1989—начале 1990 годов вышло несколько статей историка А. Н. Дугина¹. Оппонируя Р. А. Медведеву, он утверждал, что численность жертв политических репрессий следует скорректировать по сравнению с приводимой им статистикой, по крайней мере, в 10 раз².

Известный российский историк Д. А. Волкогонов, получивший доступ к ранее закрытым архивным фондам крупных архивохранилищ, попытался в конце 1980-х годов, в своей книге «Триумф и трагедия», посвященной И. В. Сталину, дать оценку масштабам массовых репрессий. По его расчетам в результате сталинского террора пострадало 4,5–5,5 млн человек³. Правда, автор не детализировал эти цифры, не ясно, сколько из них было осуждено, расстреляно.

Фактически остались незамеченными работы бывшего советского гражданина, американского исследователя Сергея Максудова (псевдоним А. П. Бабенышева), вышедшие в СССР в конце 1980—начале 1990-х годов⁴. Его расчеты, хотя и неточные, во многих случаях резко отличались от данных Р. Медведева и К^о в плане своей близости к реальной действительности. Средства массовой информации, тонко чувствуя настроения широкой общественности, с большей охотой публиковали материалы иных зарубежных авторов — Р. Конквеста, С. Коэна, И. Дейчера, М. Восленского, А. Кёстлера, Б. Николаевского, Ю. Хаскли, Ю. Фельштинского и других.

Конечно же, уточнение реальных данных о масштабах массовых политических репрессий очень важно с точки зрения достиже-

¹ Дугин А. ГУЛАГ: открывая архивы // На боевом посту. 1989. 27 декабря; Он же. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. № 7. С. 90–101 и др.

² Там же.

³ Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Кн. 1. Ч. 2. М., 1989. С. 239–240.

⁴ Максудов С. Потери населения СССР. М., 1989; Он же. Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 65–112 и др.

ния исторической правды, нравственности и справедливости. Но и уточненные данные о жертвах сталинизма огромны. Они выглядят астрономическими, хотя в сравнении с данными, публиковавшимися в средствах массовой информации в конце 1980-х годов, существенно меньше. В моральном отношении гибель десятков невинных людей является такой же трагедией, как и уничтожение тысяч граждан.

Начало 1990-х годов было «урожайным» не только на поприще отечественной исторической науки, но и в политической жизни. Не очень быстро, но демографические реформы продвигались. В феврале и марте 1990 года состоялись Пленумы ЦК, а в июле XXVIII, последний съезд КПСС. На этих форумах были приняты решения, предопределившие судьбу партии и всей страны. КПСС отказалась от своей руководящей роли, высказалась за установление многопартийной системы и создание подлинного президентского режима. В марте 1990 года, на Внеочередном съезде народных депутатов СССР были утверждены поправки к Конституции о введении многопартийной системы и отмене руководящей роли КПСС. В этом же году состоялись важные политические решения, направленные на демократизацию общественной жизни и обеспечение реальной свободы слова. В июле-августе 1990 года выходит Указ Президента СССР о прекращении контроля Компартии над радио и телевидением, а затем Закон о средствах массовой информации, освобождавший прессу от цензуры Главлита. Все эти решения, о которых еще совсем недавно нельзя было мечтать, прямым образом влияли на состояние отечественной историографии, безусловно зависимой от политической конъюнктуры, и процесс реабилитации незаконно репрессированных граждан, восстановлении их честных имен. В августе 1990 года выходят Указы Президента СССР о реабилитации жертв политических репрессий и возвращении советского гражданства всем, кто был его лишен с 1966 по 1988 годы, т. е. в период борьбы с диссидентским движением в СССР.

В 1991–1992 годах в Советском Союзе выходит ряд монографий¹, исторических сборников и альманахов², которые ставят некоторые точки над *i*, подводят итоги дискуссий в отношении масштабов

¹ Хлевнюк О. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Лукин Ю. Ф. Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР (20–80-е годы). М., 1992 и др.

² История и сталинизм. М., 1991; Звенья. Исторический альманах. Вып. 1, 2. М., 1991, 1992; Неизвестная Россия. Т. 1, 2. М., 1992 и др.

потерь СССР в 1930–1940-е годы. В первом сборнике историографических статей о сталинизме¹ были глубоко исследованы истоки тоталитаризма в СССР, его сущность, проявления и последствия. В статьях М. Семиряги, А. Алаторцевой, В. Дунаевского, В. Кулиша, Н. Павленко, А. Мерцалова, П. Волобуева, Н. Маслова, многие из которых проявили себя еще в период хрущевской оттепели, были показаны особенности развития отечественной историографии в годы сталинизма, поставлены и отчасти решены многие научные задачи в отношении оценок политических процессов 1930-х годов и их последствий, рассмотрены актуальные, неисследованные проблемы историографии Великой Отечественной войны и сталинские концепции военной истории. Актуальной остается эта книга и по прошествии двадцати лет с момента ее издания.

Наиболее значимой монографией данного этапа явилась книга главного специалиста Государственного архива Российской Федерации (ранее – ЦГАОР СССР) О. В. Хлевнюка «1937-й: Сталин, НКВД и советское общество». Она вышла в издательстве «Республика» в начале 1992 года беспрецедентным для книги исторической тематики тиражом в 100 тысяч экземпляров. В дальнейшем Олег Витальевич Хлевнюк выпустил десятки работ² в развитие своей первой книги и является одним из самых авторитетных авторов по истории сталинизма.

В своей работе 1992 года автор, опираясь на архивные документы, рисует картину жизни СССР в 1930-е годы. Он анализирует предпосылки 1937 года, пика массовых политических репрессий, создание системы ГУЛАГа, впервые обращая внимание на огромную роль лагерей и колоний, которую они играли в экономике страны. Касаясь вопросов о масштабах государственного террора, О. В. Хлевнюк, сделал ряд важных уточнений. Он предложил отнести к категории осужденных по политическим мотивам не только тех, кто проходил по графе «за контрреволюционные преступления», но и по графам «социально вредные» и «социально опасные». Последних за 1937–1939 годы было осуждено 549 759 человек³.

¹ История и сталинизм. М., 1991.

² См. другие работы автора: *Хлевнюк О. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1995; Он же. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996; Он же. История сталинского ГУлага. От коллективизации до большого террора. Нью-Хейвен, 2004; Он же. Холодный мир. Сталин и советский правящий круг, 1945–1953 гг. Нью-Йорк, 2004; Он же. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010 и др.*

³ *Хлевнюк О. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. С. 155.*

Кроме того, О. Хлевнюк к жертвам террора справедливо отнес тех, кто умер от голода, холода, болезней во время транспортировки к местам отбытия наказаний. Они, вероятно, не включались в статистику смертности по пенитенциарным учреждениям. В целом, автор сделал вывод о миллионах репрессированных за два года «большого террора»¹:

Во второй половине 1980-х—начале 1990-х годов значительно продвинулось решение проблемы потерь СССР в годы Великой Отечественной войны². Их амплитуда (от 26–27 млн до 50 млн человек) в какой-то степени отражала настроения, царившие в обществе, непримиримость взглядов различных политических сил. Общественно-политическая ситуация заставила лидеров государства принять меры к выявлению истинных масштабов потерь СССР в войне. В конце 1980-х годов были созданы в различных ведомствах несколько комиссий, которым поручили решить эту важнейшую историческую и политическую задачу. Опираясь на результаты работы комиссий, Президент СССР М. С. Горбачёв 8 мая 1990 года в своём докладе, посвящённом 45-летию Победы, подчеркнул, что война унесла почти 27 млн жизней советских людей³. Эта новая официальная оценка потерь вот уже пятнадцать лет неизменно переходит из книги в книгу, из статьи в статью. За сорок пять лет (с 1946 года) планка официальных версий о величине урона, причинённого СССР войной, увеличилась на 20 млн человек.

На данном этапе историографии впервые в открытой советской печати появляются серьёзные альтернативные исследования, предлагавшие читателям совершенно иные итоговые данные о величине потерь Советского Союза и Германии в Великой Отечественной войне⁴.

¹ Там же. С. 156.

² Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988; *Самсонов А. М.* Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М., 1988; Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М., 1989; СССР: демографический диагноз. М., 1990; *Рыбаковский Л. Л.* Двадцать миллионов или больше? // Политическое самообразование. 1990. № 10 и др.

³ *Горбачёв М. С.* Уроки войны и победы // Известия. 1990. 9 мая.

⁴ См., например, *Соколов Б. В.* О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1988. № 9; *Его же.* Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991; *Козлов В. И.* О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // История СССР. 1989. № 2; *Гуркин В. В.* О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 3 и др.

Оговорим здесь, что под альтернативными исследованиями мы понимаем работы профессиональных историков и демографов. Яркую, но неоднозначную публицистику А. И. Солженицына, Р. А. Медведева и других авторов, в избытке публиковавшуюся в СМИ в эти годы, в данной статье мы не рассматриваем.

В 1988–1989 годах в Генеральном штабе Вооружённых Сил СССР работали две комиссии по анализу и подсчёту военных потерь в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Одна комиссия – по личному составу, другая – по вооружению и боевой технике. Итоги работы комиссий в Генеральном штабе были рассмотрены и утверждены¹. Комиссию по определению потерь личного состава возглавлял доктор военных наук, генерал армии М. Гареев². В третьем номере Военно-исторического журнала за 1990 год за подписью начальника Генерального штаба ВС СССР генерала армии М. А. Моисеева итоги работы комиссий были опубликованы. Вот их суть в отношении потерь личного состава: «Советские Вооружённые Силы потеряли в годы Великой Отечественной войны (в том числе и в кампании на Дальнем Востоке против империалистической Японии в 1945 г.) убитыми, пропавшими без вести, попавшими в плен и не вернувшимися из него, умершими от ран, по болезни, от несчастных случаев 8 млн 668 тыс. 400 человек»³. И далее: «... безвозвратные потери фашистской Германии составили около 5,5 млн человек»⁴. Как относиться к выводам комиссии Генерального штаба? Спустя чуть больше двух месяцев, после того как упомянутый номер Военно-исторического журнала был подписан в печать, М. С. Горбачёв назвал новую официальную версию об общих потерях СССР в 1941–1945 гг. – около 27 млн человек. Следовательно, все категории гражданских лиц, погибших в годы войны, составляют около 18 миллионов человек. Даже неподготовленному читателю видно явное несоответствие в соотношении погибших военнослужащих и гражданских лиц. Что касается безвозвратных потерь противника, то самым важным для членов комиссии, видимо, являлось стремление доказать, что «... потери фашистской Германии были несколько не меньшими», чем Советского Союза⁵. И последнее замечание. Через год после публикации итогов работы

¹ Цена Победы // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 14.

² О деятельности комиссии см.: Красная звезда. 1992. 16 июля.

³ Цена Победы // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 14.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 16.

комиссии, в марте 1991 г., на расширенном заседании коллегии Министерства обороны совместно с главной редакционной комиссией 10-томного труда «Великая Отечественная война советского народа»¹ уже упоминавшийся начальник Генерального штаба генерал армии М. А. Моисеев, обращаясь к историкам, заявил: «Мы не давали Вам архивы и не дадим!»². Всё это заставляет усомниться в подлинности выводов комиссии М. Гареева. Впрочем, к этому сюжету мы ещё вернёмся.

Ещё одна комплексная комиссия по уточнению числа людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне, носившая статус государственной, работала в 1989–1990 годах. Она состояла из учёных и специалистов Госкомстата, Министерства обороны СССР, АН СССР, МГУ им. М. В. Ломоносова. По её расчётам и оценкам прямые людские потери в 1941–1945 гг. составили примерно 27 млн человек³. Видимо, выводы, в том числе, и этой комиссии озвучил М. С. Горбачёв в мае 1990 года.

Обратимся к примерам альтернативных исследований профессионалов. Выделим, прежде всего, работы Б. В. Соколова, появившиеся во второй половине 1980-х–начале 1990-х годов⁴. Не имея возможности их детально анализировать, назовём самые важные отличительные черты публикаций Б. В. Соколова. Впервые в открытой советской печати была детально исследована структура потерь СССР в годы Великой Отечественной войны. Автор назвал свою оценку потерь Советских вооружённых сил. Они были «надёжно установлены» и составляли 8,5 млн убитыми, 2,5 млн умершими от ран и болезней и 3,7 млн скончавшихся в плену. Всего погибло, по мнению Б. В. Соколова, 14,7 млн военнослужащих⁵. Это на 6 млн больше данных, обнародованных М. А. Моисеевым год назад. Была названа и «чистая убыль населения... за военные годы – 29,6 млн человек» («около 30 млн»)⁶. Действительные и потенциальные по-

¹ Не был подготовлен и опубликован.

² *Первышин В. Г.* Указ. соч. С. 347.

³ *Население России в XX веке: Исторические очерки.* В 3-х т. Т. 2. С. 131–132; *Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование.* С. 229.

⁴ См., например, *Соколов Б. В.* О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны // *Вопросы истории.* 1988. № 9; *Его же.* Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991 и др.

⁵ *Соколов Б. В.* Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. С. 11.

⁶ Там же. С. 12, 15.

тери СССР в Великой Отечественной войне, по Соколову, составляют около 46 млн человек. Из них 16 млн – не родившихся детей¹. Нужно заметить, что цифра 46 млн в качестве прямых и косвенных потерь СССР уже звучала ранее в открытых советских публикациях². Но только в пропорции 20 млн безвозвратных плюс 26 млн потенциальных потерь³. Были названы и потери Германии – 4 млн военнослужащих и 2 млн гражданских лиц⁴.

Отметим, что Б. В. Соколов был и остаётся на протяжении почти двадцати лет основным «альтернативным» автором, безуспешно доказывающим иные, нежели официальные, масштабы потерь основных противоборствующих сторон в годы Великой Отечественной войны. Однако и его выводы на протяжении небольшого отрезка времени существенно менялись.

Подводя итоги четвёртого этапа историографии, отметим, что он заканчивается вместе с развалом СССР, гибелью мировой системы социализма. После 1991 года исчезают такие понятия как «официальная», «советская» историография. Снятие политической цензуры и идеологических запретов приводит к появлению такой научной среды, в которой самой важной задачей исследователя становится объективный результат, без оглядки на «власть предрешающую».

4.2. Постсоветские публикации о терроре и войне: поиск истины

Пятый этап изучения потерь основных противоборствующих сторон в 1941–1945 годах отмечен продолжением острых научных дискуссий⁵, свободной публикацией ранее запрещённых авторов⁶,

¹ Там же. С. 14.

² Поляков Л. Е. Цена войны. Демографический аспект. С. 87.

³ Там же.

⁴ Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. С. 18,19.

⁵ Дискуссии проходили не только на страницах известных исторических журналов. См., например, Максудов С. О фронтовых потерях советской армии в годы Второй мировой войны // Свободная мысль. 1993. № 10; Поляков Ю. А. Великая война: дискуссии продолжаются // Свободная мысль. 2000. № 5 и др.

⁶ Имеются в виду массовая публикация работ А. И. Солженицына, Р. А. Медведева, Р. Конквеста, В. Суворова и др.

появлением новых исторических источников¹. После 1992 года выходят многочисленные статьи и монографии², а также не менее десяти интересных коллективных трудов³, в которых различные аспекты проблемы исследуются на общесоюзном и региональном уровнях.

Выделим авторов, внесших за последние 15 лет особый вклад в освещение проблемы: В. В. Алексеев, Е. М. Андреев, В. М. Андроников, Н. А. Араловец, П. Д. Буриков, О. М. Вербицкая, В. В. Гуркин, Н. Я. Гуцин, Л. Е. Дарский, В. Б. Жиромская, В. Н. Земсков, В. А. Ионцев, В. А. Исупов, Г. Е. Корнилов, Г. Ф. Кривошеев, А. И. Круглов, С. Максудов, С. Д. Морозов, С. Н. Михалёв, Ю. А. Поляков, П. М. Полян, В. А. Пронько, Е. И. Родионов, Б. В. Соколов, М. В. Филимошин, Т. Л. Харьковская, А. А. Шабаев, А. А. Шевяков и другие.

Давая общую характеристику указанных выше коллективных и других работ, отметим, что их, как правило, отличает попытка учесть всю полноту данных исторических источников и научной

¹ Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992; Полвека назад: Великая Отечественная война: цифры и факты. М., 1995; *Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А.* Полвека под грифом «секретно». М., 1996; Население России за 100 лет. Стат. сб. М., 1998 и др.

² *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. Екатеринбург, 1993; *Гуцин Н. Я.* Население Сибири в XX веке: Основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995; *Михалев С. Н.* Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Красноярск, 1998; *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; *Шабаев А. А., Михалев С. Н.* Трагедия противостояния: Потери вооруженных сил СССР и Германии в Великой Отечественной войне. М., 2002; *Пронько В. А.* Цена победы // Война и общество, 1941–1945: В 2-х кн. Кн. 2. М., 2004; *Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Араловец Н. А.* «Демографическое эхо» войны // Там же и др.

³ Гриф секретности снят: Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993; *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л.* Население Советского Союза, 1922–1991. М., 1993; Население России в 1920-е – 1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994; Народонаселение. Демографический энциклопедический словарь. М., 1994; Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб, 1995; Население и общество. Информационный бюллетень. 1995. № 5; Народонаселение: современное состояние и перспективы развития научного знания. М., 1997; *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л.* Демографическая история России. 1927–1959. М., 1998; Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооружённых сил. Статистическое исследование. М., 2001; Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001 и др.

литературы. В этих работах для исчисления всей полноты людских потерь СССР применяется метод демографического баланса¹, даётся классификация их различных категорий², впервые объективно освещаются реальные масштабы смертности заключённых в ГУЛАГе, депортированных на спецпоселениях, военнослужащих в плену и т. д.

Однако существуют и в серьёзных публикациях недостатки и противоречия. Остановимся на упоминавшемся методе демографического баланса (МДБ). Людские потери, оцениваемые этим методом, включают:

«1. Всех умерших в результате военных и иных действий противника.

2. Умерших в результате повышения уровня смертности в период войны как в тылу, так и в прифронтовой зоне и на оккупированных территориях.

3. Тех людей из населения СССР, которые покинули территорию СССР в период войны и не вернулись до конца 1945 г., исключая военнослужащих, дислоцированных за пределами СССР и других граждан, работающих за границей, а также членов их семей.

В людские потери, подсчитываемые методом демографического баланса не включают детей, не родившихся в период войны вследствие снижения уровня рождаемости, а также лиц, умерших вследствие повышения уровня смертности в послевоенные годы, т. е. так называемое «демографическое эхо» войны»³.

Реализовать всё вышесказанное невероятно трудно. Тем не менее, авторы ряда коллективных монографий⁴, используя МДБ, получают следующие оценки численности населения СССР: а) на середину 1941 г. – 196 716 тыс.; б) на начало 1946 г. – 170 548 тыс., из которых в) 159 456 тыс. родилось до середины 1941 г. Вычитая из первой цифры третью, получают итог – 37,2 млн человек⁵. «Однако вся эта численность не может быть, конечно, отнесена

¹ Описание метода см.: *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 73–80; *Население России в XX веке: Исторические очерки.* В 3-х т. Т. 2. С. 130–131 и др.

² См, например, *Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование.* С. 227.

³ *Население России в XX веке: Исторические очерки.* В 3-х т. Т. 2. С. 130.

⁴ Там же. С. 131; *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Население Советского Союза: 1922–1991. С. 74–77.

⁵ Там же.

к людским потерям, так как и в мирное время за 4,5 года умерла бы некоторая часть живших. Если бы возрастные коэффициенты смертности населения СССР в 1941–1945 гг. оставались такими же, как в предвоенном 1940 г., то число умерших за 4,5 года составило бы 11,9 млн человек. Таким образом, людские потери этих поколений составили в общей сложности 25,3 млн чел. (37,2 млн – 11,9 млн)¹. Не подвергая сомнению высокий профессиональный уровень указанных расчётов, заметим, что, во-первых, это всё-таки оценки, а не истина в последней инстанции, а, во-вторых, на другой странице уважаемого труда мы находим иную цифру естественной смертности населения СССР в 1940 году – 4,2 млн человек². Следовательно, «число умерших за 4,5 года» значительно выше, чем 11,9 млн человек. И, наконец, цифра в 25,3 млн не соответствует официальной оценке погибших в СССР – около 27 млн (26,6 млн) человек. Чтобы получить желаемый результат, авторы прибавляют к ней «потери вследствие более высокой, чем перед войной, смертности детей, родившихся в годы войны, которая... составила 1,3 млн». Итого получается 26,6 млн человек³.

Есть и ещё одна важная научная проблема – существенные различия в официальных оценках потерь военнослужащих в 1941–1945 гг. Назовём в хронологической последовательности данные, опубликованные военными историками или чиновниками в официальных СМИ и литературе.

1. В 1988 г. начальник Центрального архива МО СССР генерал-майор Н. И. Луцев доложил в Генеральный штаб о том, что в «Алфавитной картотеке персонального учёта безвозвратных потерь рядового и сержантского состава Красной Армии» учтено 14 млн 507 тыс. 296 человек. Здесь же было оговорено, что картотеку можно использовать как вспомогательный источник, т. к. в ней много повторно учтённых, учтённых как без вести пропавших, но вернувшихся домой из плена и т. д.⁴

2. Начальник Генерального штаба ВС СССР генерал армии М. А. Моисеев сообщил в интервью, опубликованном в 1990 году, что «Советские Вооружённые Силы потеряли в годы Великой Отечественной войны (в том числе и в кампании на Дальнем Востоке

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. С. 131.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 131; *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л.* Население Советского Союза: 1922–1991. С. 75–77.

⁴ *Первышин В. Г.* Указ. соч. С. 360–361.

против империалистической Японии в 1945 г.) убитыми, пропавшими без вести, попавшими в плен и не вернувшимися из него, умершими от ран, по болезни, от несчастных случаев 8 млн 668 тыс. 400 человек»¹. Эта цифра надолго войдёт в арсенал «парадно-глянцевых», «праздничных» изданий, потому что позволяет сделать простой и гладкий вывод: потери Советских Вооружённых Сил и фашистской Германии с сателлитами примерно равны – «у Красной армии погибло 8 млн 668 тыс. 400 человек, у вермахта и союзных с ним армий – 8 млн 649 тыс. 500 человек»². Т. е. потери РККА были лишь на 18 900 солдат и офицеров больше, чем у войск противника.

3. В одном из последних интервью бывший член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев вспоминал, что в 1990 году к очередному юбилею Победы, очевидно, министр обороны СССР Д. Т. Язов назвал цифру в 19 млн погибших советских военнослужащих³.

4. В известной книге «Гриф секретности снят: Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование», которая вышла в 1993 году, были названы иные данные: «с военно-оперативной точки зрения в ходе Великой Отечественной войны с учётом пропавших без вести и оказавшихся в плену из строя безвозвратно выбыло 11 444,1 тыс. военнослужащих»⁴.

5. Бывший начальник Генерального штаба, президент российского фонда «Реквием» генерал армии В. Н. Лобов сообщил, что на начало 1994 г. электронный банк фонда «уже содержит 17 млн имён погибших, а вскоре пополнится ещё 5 млн». Генерал-полковник Г. Ф. Кривошеев весьма критически прокомментировал цифру в 17 млн человек, назвав её «сырьём для последующей статистической работы»⁵.

6. В мае 1994 г. газета «Известия» писала о 17 млн человек, занесённых в электронный банк данных о погибших и пропавших без вести военнослужащих во время Великой Отечественной войны

¹ Цена Победы // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 14.

² См., например, *Туритов Ф. Н.* О Великой Победе только правду // 60 лет битвы под Москвой в Великой Отечественной войне. М., 2005. С. 76; *Бельков О. А.* Помнить войну // Власть. 2005. № 5. С. 4 и др.

³ Аргументы и факты. 2005. № 8.

⁴ Гриф секретности снят. С. 129–130.

⁵ Красная звезда. 1994. 18 марта.

при Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве¹.

7. И, наконец, самое известное издание, подготовленное сотрудниками Генерального штаба и Военно-мемориального центра ВС РФ «Россия и СССР в войнах XX века», вышедшее в 2001 г., называет новые версии общих безвозвратных потерь Красной Армии и Военно-Морского флота на советско-германском фронте и в войне с Японией – 11 285 057 и 12 400,9 тыс.²

И это далеко не полный перечень официальной статистики о погибших в годы войны советских военнослужащих. При внимательном чтении последней из названных книг можно по приводимым статистическим данным вычислить ещё один вариант потерь Красной Армии (без ВМФ) в 1941–1945 гг. – 9 302 766 человек³.

Как мы видим, амплитуда оценок очень широка – от 8,6 млн до 17 млн и более человек. И это, повторяем, цифры, приводимые в официальных изданиях. Чтобы объяснить такие разночтения приходится прятаться за наукообразные, специфические термины, понятия⁴, завуалировать данные о потерях в многочисленных таблицах, абсолютных и относительных цифрах⁵. Смущает многое во всём этом многообразии данных. В частности, то, как военные историки легко называют суммарные цифры потерь вплоть до человека, а через несколько лет «увеличивают» их на миллионы. Что касается безвозвратных потерь вооружённых сил Германии, то они определялись авторами вышеназванного статистического исследования в 7181,1 тыс., а вместе с союзниками – 8649,3 тыс. человек⁶. Получается, что потери РККА и вермахта вполне сопоставимы, и воевали мы умением, а не числом.

Серьезные попытки по уточнению людских потерь Вооруженных Сил СССР и Германии в 1941–1945 годах были предприняты в последние годы на страницах журнала «Военно-исторический

¹ Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне. С. 208, 260.

² Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 239–240.

³ Там же. С. 402, 409 (расчёт наш – С. К.).

⁴ Об этом весьма эмоционально написал В. Г. Первышин // Указ соч. С. 358–359.

⁵ В книге «Россия и СССР в войнах XX века» на 599 страницах приводится 229 таблиц.

⁶ Там же. С. 514–515.

архив»¹. Так, С. Н. Михалев и А. В. Толмачева в своей статье² вносят некоторые уточнения в методику исчисления и итоговые оценки потерь Советских Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны. Мягко критикуя, но в целом доверяя данным книг «Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах» и «Россия и СССР в войнах XX века», авторы активно вводят в научный оборот материалы 14 статистических сборников «Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», подготовленных Институтом военной истории МО РФ в 1994–1998 годах, а также документы Центрального архива Министерства обороны. Это позволяет им предложить свои варианты оценок военно-оперативных – от 13 698,2 тыс. до 13 896,6 тыс. и демографических потерь РККА в годы войны – от 10 921,9 тыс. до 11 120,3 тыс. человек³. В своей статье С. Н. Михалев и А. В. Толмачева дают резкие характеристики одиозным фальсификациям (так у авторов – С. К.), имеющим «место в современной отечественной историографии по вопросам исчисления потерь Советских Вооруженных Сил в годы войны»⁴. Речь идет о работах Б. В. Соколова, В. Г. Первышина и В. М. Сафира. Последние критикуются (и не всегда обоснованно) за манипуляции цифрами, непрофессионализм, «научообразные» теории⁵. В заключении своей статьи С. Н. Михалев и А. В. Толмачева делают вывод, с которым трудно не согласиться: «проблема людских потерь в Великой Отечественной войне не получила исчерпывающего решения»⁶.

¹ *Елисеев В. Т., Михалев С. Н.* Потери в войне следует уточнить... // Военно-исторический архив. 2001. Вып. 2 (17); *Сафир В. М.* Генерал армии Гарева не приемлет факты... // Военно-исторический архив. 2001. Вып. 10(25); *Михалев С. Н., Толмачева А. В.* К вопросу об исчислении потерь Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Военно-исторический архив. 2004. Вып. 1(49); *Михалев С. Н., Толмачева А. В.* К вопросу об исчислении потерь противника на советско-германском фронте 1941–1945 гг. // Военно-исторический архив. 2004. Вып. 3(51); Мерцаловы А. Н. и Л. А. Людские потери РККА (1941–1945) и историческая наука СССР – РФ // Военно-исторический архив. 2004. Вып. 10(58), 11(59) и др.

² *Михалев С. Н., Толмачева А. В.* К вопросу об исчислении потерь Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Военно-исторический архив. 2004. Вып. 1 (49). С. 116–130.

³ Военно-исторический архив. 2004. Вып. 1 (49). С. 123–124.

⁴ Там же. С. 126.

⁵ Там же. С. 126–127.

⁶ Там же. С. 129.

Еще одна работа авторов, опубликованная на страницах журнала «Военно-исторический архив», посвящена проблеме исчисления потерь армий фашистского блока на советско-германском фронте в 1941–1945 гг.¹ В ней также предлагаются важные уточнения по видам безвозвратных потерь советских войск и войск противника и жестко критикуются недобросовестные «манипуляции», с помощью которых некоторые авторы рассматривают соотношения потерь РККА и вермахта с союзниками как 1:5, 1:10 и даже 1:14, «что выходит за рамки здравого смысла»².

Другая серия публикаций по данной теме принадлежит перу А. Н. и Л. А. Мерцаловых³. Она сочетает обращение к наиболее «острым», спорным, дискуссионным выводам о потерях РККА в годы войны и резкую критику сталинизма как варварского способа руководства войной и сокрытия ее непомерных жертв⁴. Авторы отличаются бескомпромиссные оценки работ большинства исследователей, писавших за последние почти двадцать лет о потерях советских войск и страны в целом в годы войны – от «альтернативных» (Б. Соколов, названный своеобразным экстремистом, Ю. Геллер, В. Астафьев и др.) до «организаторов науки» (М. Гареев, В. Золотарев, Г. Куманев, О. Ржешевский и др.). Правда, по мнению Мерцаловых, есть авторы, действительно объективно освещавшие и освещающие потери в войне. Это Е. Болтин, В. Дашичев, Э. Кардин, В. Кулиш, Н. Павленко, А. Самсонов, В. Сафир, В. Секистов, О. Сувениров и др.⁵

На наш взгляд, наибольшая ценность статей А. Н. и Л. А. Мерцаловых заключается не столько в критическом осмыслении (нередко, весьма эмоциональном) сотен самых разных по тематике и глубине исторического анализа работ, сколько в постановке ряда научных методологических исторических и историографических проблем, решение которых приблизит нас к правде о потерях СССР

¹ Михалев С. Н., Толмачева А. В. К вопросу об исчислении потерь противника на советско-германском фронте 1941–1945 гг. // Военно-исторический архив. 2004. Вып. 3(51). С. 91–101.

² Военно-исторический архив. 2004. Вып. 3(51). С. 99–100.

³ Мерцаловы А. Н. и Л. А. Людские потери РККА (1941–1945) и историческая наука СССР – РФ // Военно-исторический архив. 2004. Вып. 10(58). С. 7–44; Вып. 11(59). С. 14–37.

⁴ Там же. Вып. 10(58). С. 41.

⁵ Военно-исторический архив. 2004. Вып. 10(58). С. 41.

в 1941–1945 годах, освободит эту многострадальную тему от политической конъюнктуры, заидеологизированности, старых и новых псевдонаучных теорий.

Обратимся к альтернативным исследованиям. Один из самых известных «альтернативных» историков Б. В. Соколов в работе, вышедшей в 1998 году¹, назвал следующие масштабы потерь населения СССР: в рядах Советских Вооружённых Сил погибло в общей сложности 26,4 млн человек (ранее он упоминал о 14,7 млн погибших), безвозвратные потери мирного населения составили 16,9 млн (ранее – 14,7 млн – мирные граждане и жертвы ГУЛАГа), и, наконец, суммарная величина военных потерь населения СССР выражается в 43,3 млн (ранее – около 30 млн). Автор привел и цифру общих безвозвратных потерь Германии – 5,95 млн (ранее – 6 млн человек). По Соколову, общие безвозвратные потери Германии в 7,3 раза меньше советских безвозвратных потерь². Выводы напрашиваются сами собой.

Другой жёсткий критик сталинизма и официальных «липовых цифр» о потерях СССР в войне В. Г. Первышин называет свою версию общих потерь населения СССР – 38 794 тыс. человек, из которых 17841,7 тыс. составляли военнослужащие. Сухопутные войска Германии (без ВВС и ВМФ) потеряли погибшими 6 332 466 человек, кроме того, жертвами войны стали 2,15 млн человек гражданского населения³.

Так сколько же на самом деле погибло в СССР и Германии в годы Великой Отечественной войны? Что касается мирных жителей Германии, то достаточно много источников называют цифру около 2 млн человек. Число жертв среди военнослужащих колеблется от 4 до 7 млн человек. С определением количества погибших советских граждан в 1941–1945 гг., как мы видим, дело обстоит значительно сложнее. Последователи метода демографического баланса вполне резонно считают, что «простое суммирование разных категорий людских потерь, которые понесло население в результате Великой Отечественной войны, не даст полной картины»⁴. Это понятно. При

¹ Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей). СПб, 1998.

² Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. С. 11, 12, 14, 15, 18, 19; Его же. Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей). С. 208, 225, 230, 231, 257, 310.

³ Первышин В. Г. Указ. соч. С. 367–370, 343–344.

⁴ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. С. 130.

простом суммировании не избежать двойного счёта. Один и тот же человек мог числиться погибшим в плену, но остаться в живых и вернуться на Родину, пропавшим без вести, но оказаться в партизанском отряде и т. д. Но всё же рискнём суммировать различные категории людских потерь по открытым официальным, наиболее авторитетным источникам:

– Безвозвратные потери личного состава РККА, ВМФ, пограничных и внутренних войск – 11 444,1 тыс. человек¹.

– На оккупированной фашистами территории было уничтожено и расстреляно 9987,0 тыс. мирных жителей².

– Из 5,3 млн гражданских лиц, насильственно вывезенных на работы в Германию, погибло 2,2 млн человек³.

– От голода, болезней, непосильного труда и иных жестоких воздействий оккупационного режима погибло 4,1 млн мирных граждан⁴.

– Стали эмигрантами из числа оstarбайтеров 451 тыс. человек⁵.

– В 1941–1945 гг. в СССР умерло более 1 млн заключённых (из них свыше 620 тыс. – в лагерях ГУЛАГа)⁶.

– На спецпоселениях и в ссылке в 1940–1952 гг. умерло почти 0,5 млн депортированных, большая часть из которых приходилась на военные годы⁷.

¹ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 237; В это количество входят пропавшие без вести и попавшие в плен (3396,4 тыс. чел.). Однако некоторые авторитетные источники указывают, что только в плену погибло за годы войны примерно 3,9 млн человек // *Население России в XX веке: Исторические очерки*. В 3-х тт. Т.2. С. 144.

² *Население России в XX веке: Исторические очерки*. В 3-х т. Т. 2. С. 50; Существуют и другие оценки числа жертв среди гражданского населения СССР, преднамеренно истребленных фашистами в период оккупации, – 7 420 379 человек // *Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование*. С. 233.

³ *Большая Российская энциклопедия*: В 30 т. Т. «Россия». М., 2004. С. 387 (далее – БРЭ); П. М. Полян указывает, что воине СССР было перемещено 5,45 млн гражданских лиц // *Жертвы двух диктатур*. М., 2002. С. 135.

⁴ БРЭ. Т. «Россия». С. 387; *Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование*. С. 232.

⁵ БРЭ. Т. «Россия». С. 387; П. М. Полян определяет количество эмигрантов из числа перемещённых лиц («невозвращенцев») в 0,7 млн человек // *Указ. соч.* С. 141. Но были эмигранты, не подвергавшиеся депортациям, те из них, кто ушёл на Запад добровольно.

⁶ *Население России в XX веке: Исторические очерки*. В 3-х т. Т. 2. С. 194; Б. В. Соколов называл 611 тыс., погибших в ИТЛ ГУЛАГа // *Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном*. С. 12.

⁷ *Население России в XX веке: Исторические очерки*. В 3-х т. Т. 2. С. 182.

– По политическим мотивам в 1941–1945 гг. было осуждено 476615 человек, из них 42 149 расстреляны¹.

В итоге получается 29 724 249 человек. Это без учета сотен тысяч гражданских лиц, уничтоженных в результате боевых действий, бомбежек, артиллерийских обстрелов, а также в блокадных и осажденных городах², а также погибших партизан и подпольщиков. Конечно же, эта цифра ни на что не претендует, она лишь необходима для демонстрации определённых тенденций. Чем меньше будет тайн, «закрытых зон», тем цифра военных потерь СССР быстрее приблизится к истине. А. Н. Яковлев в упоминавшемся интервью утверждал, что СССР в 1941–1945 годах потерял «более 30 млн»³. Видимо, истинные масштабы потерь следует уточнять в диапазоне от 30 млн до 35 млн человек.

Подведём некоторые итоги историографии потерь СССР и Германии в годы Великой Отечественной войны.

1. За последнее время проделана большая работа по ликвидации «белых пятен» в отношении определения истинных потерь основных противоборствующих сторон в 1941–1945 гг. При этом историческая литература до сих пор не свободна от эмоций и амбиций, политической конъюнктуры.

2. После крушения коммунистического режима в 1991 году, упразднения политической цензуры и жёсткого идеологического контроля, появилась возможность выявить истинные масштабы по-

¹ Там же. С. 191.

² В блокадном Ленинграде по различным оценкам умерло от голода, холода, болезней от 600 тыс. до 1 млн человек, погибло от артиллерийских обстрелов противника 17 тыс. жителей города. В Сталинграде только в августе 1942 г. во время массированных налетов немецко-фашистской авиации погибло свыше 40 тыс. гражданского населения. Десятками тысяч исчисляются потери мирных граждан от бомбардировок Севастополя, Одессы, Керчи, Новороссийска, Смоленска, Тулы, Мурманска, Харькова, Минска и других городов. Мирные жители погибли не только от вражеских бомб и снарядов. 17 ноября 1941 г. Приказом Ставки ВГК № 0428 советским частям ставились задачи «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск». Во исполнение этого и подобных приказов были сожжены тысячи населенных пунктов, огромное количество советских людей осталось без крова, многие погибли. Только в полосе действия 5 армии Западного фронта к 25 ноября 1941 г. в ходе выполнения Приказа Ставки № 0428 нашими войсками было полностью или частично сожжено и разрушено 53 населенных пункта // Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 233; 60 лет полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (14–24 января 1944 г.). М., 2005. С. 328–330; Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. С. 211, 213, 214.

³ Аргументы и факты. 2005. № 8.

терь сторон в военный период. Вместе с тем, последняя официальная оценка – 27 млн погибших советских людей, рождённая в недрах тоталитарной системы, является весьма привлекательной, продолжает довлеть над исследователями, гипнотизируя их, как удав кролика.

3. За пятьдесят лет (1941–1991 гг.) в СССР по истории Великой Отечественной войны были опубликованы десятки тысяч монографий, брошюр, статей, суммарный тираж которых составлял сотни миллионов и даже, может быть, несколько миллиардов экземпляров. Но среди этого океана исторических повествований не находилось места островкам правды. Подавлялось любое свободомыслие, желание приблизить историческую истину. Историки вынуждены были изучать прошлое только в рамках дозволенного. Поэтому подлинные масштабы потерь за эти годы невозможно было определить. За последние пятнадцать лет, наряду с официальной («подлинно научной»), появилась альтернативная литература, а публикация работ бывших идеологических противников коммунистического режима (буржуазные авторы, эмигранты, диссиденты), прошедшие дискуссии позволяли решать научные проблемы, не преследуя политические цели.

4. Амплитуда в оценках потерь основных противоборствующих сторон в 1941–1945 гг. очень велика. Иногда она достигает десятков миллионов человек. Но постепенно власть и официальная историография приходят ко всё новым и новым выводам. За 45 лет оценка потерь СССР была скорректирована на 20 млн человек. Ещё вчера «преувеличенные» данные, высказывавшиеся в западной или альтернативной литературе, становились «наиболее авторитетными».

5. Во всех последних серьёзных работах говорится о том, что вопрос о людских потерях в годы войны изучен недостаточно и продолжает оставаться остро дискуссионным. Академик Ю. А. Поляков так выразился по этому выводу: «Многое ещё не ясно, спорно, скрыто»¹. С этим трудно не согласиться. В популярных изданиях встречается утверждение о том, что до сих пор около 2 млн погибших советских воинов последней войны не предано земле. А по Суворову, если не похоронен последний солдат, война не закончена. Для нашего общества она не завершена в том отношении, что, несмотря на все усилия, издания во всех субъектах Федерации Книг Памяти², мы не можем назвать точно количество погибших

¹ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 3.

² См.: Всероссийская Книга Памяти, 1941–1945. Обзорный том. М., 1995.

военнослужащих и гражданских лиц. И, вероятно, до человека, десятков, сотен, тысяч, десятков тысяч солдат, офицеров и мирных граждан назвать уже не сможем.

После окончания войны, невозможно было предположить, что менее, чем через полвека, официальная оценка потерь СССР увеличится на 20 миллионов человек. Рискнем предположить, что сегодняшние альтернативные оценки о 35 млн и даже 40 млн погибших советских граждан в 1941–1945 гг., спустя определенный исторический отрезок времени, возможно, станут официально признанными.

4.3. Исследования 2000-х годов: некоторые итоги

В данном параграфе будут рассмотрены отечественные исследования 2000 годов о жертвах «большого террора»¹. Необходимо отметить, что первые публикации, в которых назывались цифры потерь советского государства в период сталинских репрессий, появились в конце 1980-х годов². Это было время острых политических дискуссий, столкновений различных общественных мнений и взглядов. Исторические сюжеты являлись важнейшим фактором размежевания политических сил, а выводы о величине потерь СССР в годы «большого террора», Великой Отечественной войны, депортаций и голода, предлагавшиеся в средствах массовой информации, стали одними из главных аргументов в спорах «демократов» и «номенклатурщиков». Дискуссии и споры не всегда были результативными, но период конца 1980-х–середины 1990-х годов был весьма важным в отношении определения истинных масштабов потерь советского государства, в т. ч. и в годы «большого террора», приближения исторической правды о преступлениях советского тоталитарного

¹ Впервые термин «большой террор» был введен в научный оборот английским ученым Р. Конквестом в 1968 г. Сегодня существуют различные трактовки хронологических рамок «большого террора», как правило, охватывающие 1930-е гг. В данном случае речь идет о событиях 1937–1938 гг., когда в стране осуществлялся оперативный приказ наркома внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов.

² *Медведев Р. А.* Наш иск Сталину // *Московские новости.* 1988. 27 ноября; *Максудов С.* Потери населения СССР. М., 1989; *Земсков В. Н.* Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // *Аргументы и факты.* 1989. № 39; *Он же.* Численность и состав ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г. // *Аргументы и факты.* 1989. № 40; *Бугай Н. Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // *Вопросы истории.* 1989. № 6 и др.

государства. Без этого периода сомнений, исканий, полемик, выявления и публикации ранее закрытых документов невозможно было собрать богатый «урожай» публикаций 2000 годов.

Новейшую отечественную историографию о потерях СССР в годы «большого террора» отличает попытка учесть всю полноту данных исторических источников и научной литературы, появление фундаментальных коллективных и иных работ. В последних с позиций объективности и непредвзятости освещаются не только масштабы массовых политических репрессий в середине 1930-х годов, но и судьбы репрессированных, смертность заключенных в местах лишения свободы, влияние террора на демографические процессы и социально-экономическую ситуацию в стране накануне второй мировой войны.

В начале 2000 годов один за одним увидели «свет» несколько глубоких трудов по демографической истории России первой половины XX века – коллективная работа «Население России в XX веке» Т. 1¹, монографии В. Б. Жиромской² и В. А. Исупова³. Академичность, последовательность, широкий охват проблем – вот, что отличает указанные исследования. Впервые в отечественной историографии были названы истинные масштабы массовых политических репрессий в середине 1930-х годов. В 1937–1938 гг. в СССР подвергались аресту 3 141 444 чел., из них 1 575 259 – по обвинению в политических преступлениях и 1 566 185 – уголовных. В эти годы по политическим мотивам было осуждено 1 344 923 человека, из них 681 692, или 50,7%, приговорено к расстрелу⁴. Кроме того, в исправительно-трудовых лагерях (далее – ИТЛ), исправительно-трудовых колониях (далее – ИТК) и тюрьмах⁵ в эти годы от различных причин умерло 160 084 заключенных⁶. Часть из которых была осуждена по политическим мотивам⁷. Добавив к двум последним цифрам некоторый процент тех политических, кто был осужден и

¹ Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. М., 2000.

² Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

³ Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

⁴ Население России в XX веке. Т. 1. С. 318.

⁵ Без учета контингента спецпоселений.

⁶ Население России в XX веке. Т. 1. С. 320; Исупов В. А. Указ.соч. С. 118; Голотик С. И., Минаев В. В. Население и власть: Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004. С. 161.

⁷ Земсков В. Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 152.

расстрелян по уголовным статьям, или умер в эти годы в ГУЛАГе, получим неутешительный итог. «...в 1937–1938 гг. в результате карательной деятельности государства страна потеряла около 1 млн человек погибшими»¹. Если принять во внимание, что большинство из «политических», уничтоженных в эти годы, были мужчины в трудоспособном возрасте, многие из которых имели определеннный социальный статус, профессиональный опыт, образование, то не трудно представить катастрофические последствия «большого террора» для судеб страны и армии за несколько месяцев до начала второй мировой войны².

Публикациями 2000–2001 годов была поставлена окончательная точка в многолетней дискуссии о количестве репрессированных, осужденных и расстрелянных по политическим мотивам, заключенных в ИТЛ, ИТК и тюрьмах в годы «большого террора». Период, когда исследователи, публицисты, а зачастую и антиученые жонглировали цифрами, многократно преувеличивая масштабы потерь в 1930-е годы, закончился. Это важно не только с позиций исторической правды и справедливости. Период политической стабильности 2000-х годов свел на нет необходимость партиям и общественным движениям привлекать «жареные» факты, в т. ч. и о количестве жертв «большого террора», для достижения своих конъюнктурных целей, решения тактических задач.

За последние годы исследователи существенно продвинулись в изучении видов репрессий и категорий репрессированных³, механизмов массовых политических акций⁴, динамики численности за-

¹ *Исупов В. А.* Указ. соч. С. 118.

² За 1418 дней Великой Отечественной войны Красная Армия потеряла 180 человек высшего состава от командира дивизии и выше, а за несколько предвоенных лет (в основном в 1937 и 1938 гг.) было по надуманным сфабрикованным политическим обвинениям арестовано и опозорено более 500 командиров в звании от комбрига до Маршала Советского Союза, из них 29 умерли под стражей, а 412 расстреляны // *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998. С. 317.

³ *Печенкин А. А.* Военная элита СССР в 1935–1939 гг. Репрессии и обновление. М., 2003; *Рогинский А., Даниэль А.* «Аресту подлежат жены...» // Узицы «Алжира». Список женщин-заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М., 2003; За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб., 2002; Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006 и др.

⁴ *Кропачев С. А.* Десять лет, изменившие страну. Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930–1940-х годов. Краснодар, 2006; *Ватлин А. Ю.* Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области. 1937–1938. М., 2004; *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009 и др.

ключенных в местах лишения свободы, их качественном составе¹, национальных операций НКВД², депортаций³ и истории спецпоселенцев⁴.

В фундаментальном исследовании коллектива сотрудников Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук «Демографические модернизации России, 1900–2000», под редакцией А. Г. Вишневого⁵ выделяются три главных вида репрессий, имевших прямые демографические последствия, – массовое применение смертной казни, заключение миллионов людей в тюрьмы, лагеря и колонии и массовые депортации⁶, дается описание механизма осуществления печально известного оперативного приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. Центральная власть выдавала разнарядку («квоты») по всем административным районам страны на арест, в т. ч. и с последующим расстрелом⁷. Категории («контингенты») лиц, подлежащих репрессиям по социальным и политическим признакам, подробно были описаны в упоминавшемся приказе⁸. Современные исследователи проанализировали еще одну группу советских граждан, подвергнувшихся массовому государственному террору вслед за «врагами народа». Это так называемые ЧСИРы – члены семей изменников Родины, жены и дети репрессированных⁹. Менее чем за полтора года по неполным данным по стране было арестовано

¹ Население России в XX веке. Т. 1.; *Иванова Г. М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; Демографическая модернизация России, 1900–2000 и др.

² *Джуха И. Г.* Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. СПб., 2006; *Бугай Н. Ф.* Российские корейцы и политика «солнечного тепла». М., 2002 и др.

³ *Бугай Н. Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России (XX–начало XXI века). М., 2006; *Бердинских В. А.* Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005 и др.

⁴ *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005; *Полян П. М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; *Белковец Л. П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. М., 2008 и др.

⁵ Демографическая модернизация России, 1900–2000.

⁶ Там же. С. 413.

⁷ Там же. С. 414.

⁸ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 274.

⁹ *Рогинский А., Даниэль А.* Указ. соч.

более 43 тыс. жен и детей «шпионов» и «диверсантов»¹. Судьбы их весьма трагичны.

Особой глубиной и новизной отличаются исследования, посвященные динамике численности заключенных в местах лишения свободы в разрезе ИТК и ИТЛ, а также по регионам СССР, их качественным характеристикам, причинам и масштабам смертности в 1930–1940-е годы. Тема эта, как известно, не изучалась в отечественной историографии. Это было связано со строго секретным характером необходимых для работы источников. Их постепенное рассекречивание в 1990-е годы позволило историкам впервые обратиться к этой новой проблеме². В коллективной монографии «Население России в XX веке» дается подробная характеристика системы ГУЛАГа. Количество ИТК, ИТЛ и тюрем в 1930-е годы постоянно росло. Так, в 1932 г. в СССР насчитывалось 11 ИТЛ, в начале 1935 г. – 15, в начале 1939 г. – уже 42³. Быстро росла численность заключенных в ИТЛ, ИТК и тюрьмах. К середине 1937 г., моменту принятия решений о начале массовых политических репрессий, Архипелаг ГУЛАГ был готов поглощать сотни тысяч новых жертв. С июля 1937 г. в лагеря, колонии и тюрьмы⁴ хлынул небывалый поток осужденных. За 9 месяцев (с 1 июля 1937 по 1 апреля 1938 г.) число заключенных (уголовных и политических) в местах лишения свободы увеличилось более чем на 800 тыс. человек⁵. По состоянию на январь 1939 г. в ИТК, ИТЛ и тюрьмах насчитывалось 2 022 976 заключенных⁶. ГУЛАГ образца середины 1930-х годов фактически превратился в фабрику постепенного уничтожения заключенных. Тяжелый труд, болезни, сложные климатические и бытовые условия, издевательства конвоя, плохое питание⁷ и другие негативные факторы привели к массовому истощению и всплеску смертности «населения» ИТЛ, ИТК и тюрем⁸. В 1938 г. в тюрьмах и колониях умерло в 4,4 раза больше заключенных, чем в 1937 г. В ИТЛ в

¹ Там же. С. 22, 24.

² Население России в XX веке. Т. 1. С. 311.

³ Там же. С. 311.

⁴ Тюрьмы не входили в систему ГУЛАГа НКВД.

⁵ Иванова Г. М. Указ. соч. С. 193.

⁶ Там же; Кропачев С. А. Указ. соч. С. 21.

⁷ Увеличенная в 1939 г. норма питания до 3000 калорий в день для заключенных ГУЛАГа просуществовала недолго и была снижена примерно на половину в первые месяцы Великой Отечественной войны // Население России в XX веке. Т. 1. С. 318.

⁸ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 428–431.

этом году смертность была в 3,6 раз выше предыдущего года¹. Об итогах такого отношения к заключенным в 1937–1938 гг. мы уже упоминали.

В 1937–1938 гг. было проведено несколько «национальных» операций НКВД СССР. Наиболее крупные из них – «польская» и «немецкая» в 1990-е годы достаточно полно изучены отечественными историками². К исследованию других ученые только приступили («латышская»³), а некоторые «национальные» операции, например, репрессии против «харбинцев» – бывших служащих КВЖД – еще ждут своего часа. Мощным толчком к изучению греческой операции НКВД (декабрь 1937 – май 1938 гг.) явилось осуществление с мая 2004 г. Ассоциацией греческих общественных объединений России проекта «Греческий мартиролог» (История репрессий против греков в СССР). В рамках этого проекта в 2006–2010 гг. вышли 4 книги И. Г. Джухи⁴. Первая из них была посвящена греческой операции. Обширный исторический и личный материал позволил автору сделать ряд принципиальных выводов, в т. ч. и о количестве репрессированных греков. В ходе осуществления греческой операции по утверждению автора было репрессировано от 21 200 до 25 200 человек, из них от 17 000 до 21 200 расстреляно. Это составляет более 80% от всех репрессированных. В масштабах всей страны греческая операция вышла (вместе с финской и эстонской) в «лидеры». У них был самый высокий процент расстрелянных⁵. Всего по «национальным» операциям НКВД в 1937–1938 гг. в СССР, по данным Н. Охотина, было осуждено около 350 тыс. человек, 71% из них – к смертной казни⁶.

В годы «большого террора» государство «опробовало» новый вид репрессий – массовое насильственное переселение народов. Depor-

¹ Население России в XX веке. Т. 1. С. 318, 319, 321.

² Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999; Дель О., Мусиенко Н. Между Гитлером и Сталиным // Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 8. М., 2004. С. 291–314; Ченцов В. В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998; Плохотнюк Т. Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001; Пермские поляки. Пермь, 2001; Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997 и др.

³ Штраус В. Латышский дневник // Бутовский полигон. Вып. 8. С. 261–290.

⁴ Джуха И. Г. Греческая операция; *Он же*. Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб., 2008.

⁵ Джуха И. Г. Греческая операция. С. 396–397.

⁶ Российская история. 2009. № 1. С. 212.

тации и раньше применялись большевистским режимом, например, на Северном Кавказе, Семиречье, – в период гражданской войны и начале 1920-х годов. Только в 1930–1931 гг. в ходе «кулацкой ссылки» на спецпоселения были высланы 1803 тыс. крестьян¹. В 1930-е, а затем и в 1940-е гг. насильственное переселение приняло характер национальной катастрофы, десятки народов полностью были депортированы в окраинные районы страны, что привело к необратимым демографическим, экономическим и иным последствиям, а в более позднее время – межнациональным конфликтам. В 1930–1950-е годы, в ходе трех этапов формирования спецпоселений (1930–1940 гг. – «кулацкая ссылка», 1941–1945 гг. – депортация народов, 1946–1953 гг. – послевоенные пополнения)² было депортировано от 6 до 6,4 млн человек³. При транспортировке в места ссылки и в период нахождения там умерли не менее 1,2 млн человек⁴, или каждый пятый.

Депортации были организованы, как известно, по социальному («кулаки»), этническому («наказанные» народы), религиозному (представители «неправильных» религиозных вер) и политическому («власовцы», оуновцы) признакам. Примером первых массовых депортаций середины 1930-х годов, осуществленных по национальной принадлежности, стало насильственное переселение в 1935 г. из Ленинградской области и Карелии 23 217 финнов, в 1936 г. из УССР (районы вблизи границы с Польшей) 69 283 поляков, в 1937 г. из Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана 4280 курдов⁵. Но самым массовым и трагичным было переселение в конце сентября 1937 г. с территории советского Дальнего Востока в одночасье 171 781 корейца (36 442 семьи)⁶. В 2000-е годы именно эта, первая по времени осуществления самая массовая этническая чистка, изучалась исследователями наиболее глубоко. Этой теме были посвящены научные конференции, исследовательские работы, публикации мартирологов жертв депортаций и репрессий⁷. Всего в

¹ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 423.

² Там же. С. 423.

³ Там же. С. 424; Земсков В. Н. Указ.соч. С. 281.

⁴ Земсков В. Н. Указ.соч. С. 281.

⁵ Там же. С. 78–82.

⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 651.

⁷ 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация). М., 2004; Бугай Н. Ф. Российские корейцы и политика «солнечного тепла»; Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004; Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938. Кн. 1–10. М., 2000–2008 и др.

годы «большого террора» было депортировано по этническому признаку 268 тыс. человек. Учитывая высокую смертность на спецпоселениях, можно предположить, что около 50 тыс. из них погибло. Их также отнесем к жертвам «большого террора».

В последние годы изучение истории принудительных миграций, спецпоселений и реабилитации репрессированных граждан и народов вышло на новый качественный уровень. Увидели «свет» ряд монографий, охватывающих весь период существования этих исторических явлений. Отметим, прежде всего, новую монографию Н. Ф. Бугая¹, работы П. М. Поляна², В. Н. Земскова³, В. А. Бердинских⁴. Они раскрывают механизмы и направления принудительных переселений отдельных групп и целых народов, характеризуют географию и качественный состав специальных поселений, его трудовое использование, обращают внимание на процессы освобождения из спецпоселений и реабилитацию репрессированных граждан. Исторический феномен депортаций, формирования и функционирования системы специальных поселений раскрывается на протяжении длительного хронологического отрезка, включая «пик» советского государственного террора в середине 1930-х годов.

Особо хочется остановиться на работах П. М. Поляна. Его несомненной заслугой является определение ключевых понятий в избранной области, установление четкой хронологии депортаций и их масштабов. По данным ученого с 1919–1920 по 1952–1953 гг. «было депортировано около 15 млн человек, из них 6 млн пришлось на внутренние и 9 млн на внешние (международные) депортации (из них 5,8 млн на депортации в СССР и 3,2 млн – депортацию советских граждан за пределы СССР)»⁵. За эти годы было проведено «53 сквозных депортационных компаний и около 130 операций» разных масштабов⁶.

Работы В. Н. Земскова и В. А. Бердинских насыщены публикациями архивных материалов. В последнем случае именно они, а также источники личного происхождения занимают львиную часть книги. Отсутствуют последовательность и системность в анализе судеб отдельных личностей и целых народов на спецпоселениях.

¹ Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX–начало XXI века).

² Полян П. М. Указ.соч.

³ Земсков В. Н. Указ.соч.

⁴ Бердинских В. А. Указ.соч.

⁵ Полян П. М. Указ.соч. С. 239–240.

⁶ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 422.

Иное можно сказать о труде В. Н. Земскова. Он, безусловно, вносит большой вклад в историографию насильственных переселений и спецпоселенческой системы в СССР. В нем содержится богатейший материал об этом уникальном историческом явлении. И нельзя до конца согласиться с резкими оценками одного историографического обзора о том, что «издание трудно назвать монографией в полной мере» и «фактическому материалу... не хватает аналитического подхода»¹.

Региональный аспект историографии «большого террора» заслуживает отдельного внимания. В последние годы выросло не только количество, но и качество публикаций. Увидели «свет» десятки монографий, сборников, сотни статей². Состоялись конференции, участники которых обсуждали различные аспекты репрессивной политики советского государства³. Мощным фактором, влияющим на определение масштабов политических репрессий в регионах, стала работа по обнаружению имен незаконно репрессированных граждан. Публикация таких списков была начата еще в условиях существования СССР. В начале 1990-х годов стали выходить первые Книги Памяти⁴. В мае 2000 г. по инициативе Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» в г. Нижний Тагил была проведена научно-практическая конференция «Проблемы создания Единого электронного банка данных жертв политических репрессий в СССР». По итогам конференции был начат проект «Возвращенные имена». За десять прошедших лет создана единая база данных, составленная из материалов региональных Книг Памяти, уже вышедших «в свет» или готовящихся к изданию. Результаты этой титанической рабо-

¹ Введение // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 29–30.

² *Убушаев В. Б., Убушаев К. В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. Память в наследство. СПб. 1943–1959. Элиста, 2007; *Максимов К. Н.* Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004; *Яковлев Н. М.* Жертвы сталинских репрессий в Якутии // Вопросы истории. 2003. № 12; *Ватлин А. Ю.* Указ. соч.; *Кропачев С. А.* Указ. соч. и др.

³ Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «антикулацкой» операции НКВД СССР: Материалы V Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2008; Политические репрессии в России. XX век. (Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 7–8 декабря 2000 г.). Сыктывкар, 2001 и др.

⁴ Расстрельные списки. Вып. 1. Донское кладбище. 1934–1940. М., 1993; Расстрельные списки. Вып. 2. Ваганьковское кладбище. 1926–1936. М., 1995 и др.

ты, дополненные информацией из ряда других источников, составляют основное содержание электронного издания Международного общества «Мемориал» «Жертвы политического террора в СССР». В 2007 г. вышла четвертая версия, которая содержит 2 614 978 имен репрессированных из бывших республик СССР¹. Количество тех из них, кто был арестован и осужден по политическим мотивам на территории РСФСР в разные годы составляет примерно 1,6 млн человек. Как видим, работа по обнародованию имен жертв государственного террора находится в начале. Масштабы репрессий были настолько чудовищными, что завершить ее в ближайшие годы не представляется возможным.

В разных субъектах Российской Федерации итоги работы по подготовке и изданию Книг памяти жертв политических репрессий весьма неодинаковы. Примерно в полутора десятках субъектах Книги вообще изданы. В Самарской области издана 21 Книга, в Республике Татарстан – 18, в Псковской области – 15, в Ставропольском крае – 13. В Республике Коми работа по выпуску Книг памяти приобрела характер серьезной республиканской государственной программы. Здесь выпущено восемь фундаментальных томов серии «Покаяние», охватывающих не только тех, кто был репрессирован на территории республики, но и тех, кто отбывал здесь свои лагерные сроки, и тех, кто был отправлен сюда на спецпоселение². Всего по состоянию на апрель 2009 г. в регионах России издано около 300 Книг памяти жертв политических репрессий³.

Одним из свидетельств глубокого изучения проблемы потерь СССР в годы «большого террора» является выход историографических работ. В последние годы увидели «свет» статьи О. В. Хлевнюка⁴, В. Э. Багдасаряна⁵, А. С. Кана⁶, О. Климковой⁷, монография

¹ Помимо Российской Федерации, представлен материал из Беларуси, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Украины.

² Текущий архив Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал».

³ Текущий архив Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал».

⁴ Хлевнюк О. В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004.

⁵ Багдасарян В. Э. «Загадочный тридцать седьмой»: опыт историографического моделирования // Историография сталинизма. Сборник статей. М., 2007.

⁶ Кан А. С. Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР // Отечественная история. 2003. № 1.

⁷ Климкова О. ГУЛАГ: от мифотворчества к изучению // Ab Imperio. 2005. № 3.

Дж. Кип и А. Литвина¹. В последней две части. Автором той, которая посвящена достижениям западных исследователей является канадский ученый Дж. Кип, второй – о российской историографии сталинизма – профессор Казанского государственного университета А. Литвин². Он представил отдельный историографический обзор о жертвах государственного террора в СССР в 1920–1950-х годах³.

Подведем некоторые итоги:

– В 2000-е годы отечественная историография массовых политических репрессий пополнилась рядом фундаментальных работ. Их отличают академичность, последовательность, широкий охват проблем, глубокий анализ исторических источников и литературы. Бурный период 1990-х годов подготовил почву для «урожая» серьезных публикаций последующего этапа. Канули в «лету» конъюнктурные работы, называвшие миллионы и даже десятки миллионов арестованных, осужденных и расстрелянных по политическим мотивам в 1930-е годы.

– Уровень современной отечественной исторической науки позволяет назвать истинные масштабы политических репрессий в 1937–1938 гг. В эти годы по политическим мотивам было осуждено 1,3 млн человек, из них 680 тыс., или 50,7% расстреляно. В среднем государство ежедневно убивало тысячу своих граждан.

– В последние годы исследователи существенно продвинулись в изучении динамики численности заключенных в местах лишения свободы в 1930-е годы, их качественного состава, причин и масштабов смертности, географии ИТК, ИТЛ и тюрем. В целом система ГУЛАГа – тема ранее совершенно закрытая – изучалась как неотъемлемая часть карательно-репрессивной политики советского тоталитарного государства.

– Продолжилось изучение истории спецпоселений, депортаций и «национальных» операций НКВД. В 1937–1938 гг. в СССР в ходе осуществления «национальных» операций было осуждено около 350 тыс. человек. Чудовищно высоким был процент приговоренных к высшей мере наказания. Более 70%, а по отдельным операциям – свыше 80%, было расстреляно.

В середине 1930-х–начале 1950-х годов только по национальному признаку в СССР было репрессировано более 3,5 млн. человек⁴.

¹ Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 283–299.

⁴ Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. С. 283.

В эти годы тотальной депортации подверглись 11 народов и 48 народов частично¹. Первой жертвой полного насильственного переселения в 1937 г. стали корейцы. В последующие годы государство использовало принудительные миграции активно, широко, их демографические, экономические, культурные, социальные последствия приняли характер национального бедствия.

– Региональные исследования проблемы масштабов потерь в годы «большого террора» вышли на новый качественный уровень. Этому способствовало формирование Единой базы данных «Жертвы политического террора в СССР» и издание около 300 томов Книг памяти в субъектах Российской Федерации, созданных усилиями государственных органов власти, местных администраций и общественных организаций. Однако в стране не существует государственной программы увековечения памяти жертв политических репрессий. Нет федерального нормативного акта, предписывающего готовить и издавать Книги памяти, не разработана единая методика и общие критерии отбора сведений. Качество этих книг совершенно разное, но в целом они приближают нас к пониманию истинных масштабов потерь в годы массовых политических репрессий и их пика – «большого террора».

В заключение отметим, что период 2000-х годов стал временем глубоких, серьезных публикаций отечественных историков о государственном терроре 1930-х годов. Сделано очень многое в изучении его причин, масштабов, механизмов, видов репрессий и категорий репрессированных. Определены масштабы «большого террора», названа поименно часть его жертв. Однако работа по изучению всех проявлений политических репрессий, тем более увековечению памяти репрессированных не завершена. Она продолжается во имя правды и исторической справедливости, создания государственных и общественных демократических механизмов и институтов, которые сделали бы невозможным повторение гуманитарного бедствия, поразившего нашу страну в годы тоталитаризма.

¹ Там же. В. А. Бердинских в своей книге называет 17 народов, которые были полностью выселены на спецпоселения – немцы, финны, ингерманландцы, калмыки, карачаевцы, балкарцы, кабардинцы, крымские татары, армяне, болгары, ингуши, чеченцы, корейцы, греки, турки-месхетинцы, курды, хемшилы (*Бердинских В. А. Указ. соч. С. 15*). Согласиться с этим перечнем нельзя. В него попали народы, не подвергавшиеся массовым депортациям (кабардинцы, армяне), а также представители этнических групп, которые подвергались депортациям из мест компактного проживания и это нельзя считать тотальным выселением народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отечественная историография потерь советского государства в годы «большого террора» и Великой Отечественной войны за более чем семьдесят лет прошла сложный, противоречивый путь. *Первый* этап этого пути неразрывно связан с господствовавшей в стране марксистско-ленинской идеологией, той ролью, которую играл в этот период И. В. Сталин. Именно его оценки, выводы о «врагах народа» и необходимостью их уничтожения, потерях в годы войны на долгие годы определили основные векторы отечественной историографии. Историческая наука, как и идеология в целом, повторяла основные положения статей и выступлений Сталина и его клевретов – Молотова, Ежова, Вышинского, Кагановича, Берия и др. В отношении жертв политических репрессий в конце 1930-х годов историки и пропагандисты писали как о некоем историческом мусоре, который неизбежно нужно «корчевать» и «громить». Никого не волновали истинные масштабы государственного террора. В Заключительном слове на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 г. Сталин назвал конкретное количество «врагов» – 30 тысяч человек¹, в оперативном приказе № 00447 НКВД СССР от 30 июля 1937 г. фигурировала уже другая цифра – 268 950 человек², подлежавших репрессиям по первой и второй категориям. Фактически было арестовано, осуждено, расстреляно многократно больше невинных граждан советского государства. Годы войны, ее события и жертвы заслонили произошедшее в 1937–1938 годах. О «большом терроре» официальная история и идеология «забыли» на десятки лет, словно его и не было. Самой главной задачей, которая стояла перед советской историографией, теперь был показ неоспоримых преимуществ социалистического общественного и государственного строя, одержавшего победу над строем буржуазным. Потери в Великой Отечественной войне отошли на второй план, их затмили понятия о победоносном завершении противоборства с врагом, выдающейся роли Коммунистической партии – организаторе и вдохновителе победы в 1941–1945 гг. Историки вслед за лидерами государства повторяли небылицы об огромных потерях врага и замалчивали собственные потери. Нечего и говорить о том, что такие «острые» проблемы, как структура потерь, масштабы депортаций, репрессий, жертв ГУЛАГа не только не решались, но даже не ставились отечественной историографией.

¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. Март 1934–1940. М., 1997. С. 204.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 275–276 (расчет наш – С. К.).

Второй этап историографии начинается вместе с преобразованиями, произошедшими в стране после смерти Сталина. Новые лидеры использовали острую критику деятельности вождя всех времен и народов как средство достижения и удержания власти. В своем докладе на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях» Н. С. Хрущёв, как известно, возложил на И. В. Сталина ответственность за произвол 1930-х годов, неподготовленность страны к войне, преступления на первом ее этапе. Но не были названы истинные масштабы жертв государственного террора в 1937–1938 годах и потеря в период войны. Однако перемены изменили общественно-политические настроения. Возможность хотя бы дозированно говорить о «закрытых», «острых» темах привела к настоящему прорыву в научных исследованиях, литературе и публицистике. Появление новых исторических сюжетов, расширение источниковой базы исследований, возможность говорить о ранее запретных темах откровенно привело к появлению принципиально новых работ. Философская энциклопедия¹, Советская историческая энциклопедия², многотомная история войны и другие фундаментальные издания впервые в отечественной литературе назвали преступления и произвол своими именами. История Великой Отечественной войны напрямую связала провальное ее начало с репрессиями в армии в 1937–1938 гг.³

Водоразделом между вторым и *третьим этапами* историографии стала книга А. М. Некрича «1941, 22 июня», вышедшая в 1965 г., и ее последующий разгром. Постепенно прекращается публикация критических материалов, жесткая цензура вводит запрет на «острые» темы, предвоенное и военное время осознанно героизируется, а истины заменяются мифами. Брежневское руководство в условиях осложнения социально-экономической ситуации берет курс на мифотворчество, освещение исключительно привлекательных страниц предвоенной и военной истории. В идеологическом плане победа в войне стала важнейшим объединяющим началом советского общества. О цене войны либо упоминали мимоходом, либо не упоминали совсем. Единственным политиком, не предложившим своего варианта потерь СССР в войне, был Л. И. Брежнев. Даже фундаментальные работы обходили «острые» сюжеты стороной, предавая забвению исследования предшественников⁴. Все труды по истории предвоенного и военного времени, жестко координировал отдел истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС⁵ и Институт военной истории Министерства Обороны СССР. Несмотря на цензуру, идеологические запреты, ангажированность официальной науки, ростки правды на свет пробивались. Прежде всего, в публикациях Сам-

¹ Культ личности. Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964.

² Советская историческая энциклопедия. КПСС. Т. 7. М., 1965.

³ История Великой Отечественной войны. Т. 6. М., 1965. С. 124–125.

⁴ См., например: История второй мировой войны. Т. 2. М., 1973. С. 206.

⁵ Историография Великой Отечественной войны. М., 1980. С. 14.

издата, а также в работах эмигрантов¹ и тех, кто не имел возможности печататься в СССР².

Четвертый этап историографии начался в середине 1980-х годов, вместе с объявленной М. С. Горбачёвым перестройкой. Он продолжался недолго, но был очень важен для дальнейшего изучения предвоенной и военной истории. Это было время острых дискуссий, столкновения политически полярных взглядов. Исторические факты, обращения к прошлому, прежде всего, к «большому террору» и жертвам войны, активно использовались противниками в качестве аргументов в условиях политических дебатов, доказательств виновности или невиновности коммунистического режима за масштабные преступления. Необходимо подчеркнуть, что эмоциональные, рассчитанные на сомнительный успех, но ненаучные публикации Р. Медведева, А. Антонова-Овсеенко, Р. Конквеста и других³ затмили первые объективные исследования периода перестройки⁴. Особенно острыми на страницах печати были столкновения историка В. Н. Земскова, с одной стороны, и А. Антонова-Овсеенко, Р. Медведева, с другой⁵. Названные А. Антоновым-Овсеенко, Р. Медведевым цифры заключенных в ГУЛАГе (осень 1945 г.) в 16 млн, репрессированных во второй половине 1930-х годов – 7 млн и расстрелянных – 1 млн человек более возбуждали общественность, нежели «скромные» оценки государственного террора серьезных авторов. Они объективно повлияли на перемены начала 1990-х годов в СССР, крушение коммунистического режима в нашей стране.

Последний, *пятый этап* отечественной историографии масштабов репрессий и потерь СССР в 1937–1945 гг. начался в 1992 г. Постепенно формируется научная среда, в которой самой важной задачей исследователя становится объективный результат, а не стремление псевдоученых либо удивить «жареными» фактами, либо до блеска «начистить» пропагандистские догмы. Все это стало возможным благодаря снятию политической

¹ Например, работы С. Максудова, А. Некрича, Б. Яковлева, И. Курганова, Д. Вересова и др.

² *Медведев Р. А.* К суду истории. Нью-Йорк, Лондон, 1974; *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ: опыт художественного исследования. Т. 1–3. Париж, 1973–1975 и др.

³ *Медведев Р. А.* Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября; Литературная газета. 1991. 3 апреля; Аргументы и факты. 1989. № 5 и др.

⁴ *Цаплин В. В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4; *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия. Кн. 1. Ч. 2. М., 1989. С. 239–240; *Земсков В. Н.* Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5; *Исупов В. А.* Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990; *Максудов С.* Потери населения СССР. М., 1989 и др.

⁵ См.: *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 6–10.

цензуры и идеологических «табу», открытию «спецхранов» и архивов, свободной публикации ранее запрещенных авторов¹, появлению новых исторических источников, широкой дискуссии по «острым» проблемам 1930–1940-х годов. В прошлое уходят поверхностные работы, уступая место объективным исследованиям. Названы данные о количестве арестованных, осужденных по политическому признаку и расстрелянных в 1937–1938 годах. По отношению к официальной цифре потерь (27 млн человек) в 1941–1945 гг., на самом высоком уровне было признано, что она нуждается в уточнении². Важный признак качества исторических исследований – появление фундаментальных работ³, в которых поставлены и отчасти решены важнейшие научные задачи, в том числе связанные с демографическими потерями кануна и периода войны. За последние двадцать лет серьезно продвинулось изучение истории депортаций, спецпоселенчества, истории ГУЛАГа, механизмов массовых политических репрессий, «национальных операций» НКВД 1937–1938 гг., потерь в отдельных сражениях войны, среди населения осажденных городов, от голода, болезней, эмиграции и др. Важным итогом последнего этапа историографии стал выход во всех субъектах Российской Федерации Книг Памяти погибших в 1941–1945 гг., а также начало работы по изданию Книг Памяти жертв политических репрессий. По состоянию на 2009 г. всего издано около 300 таких книг практически во всех республиках, краях и областях страны⁴.

Однако нельзя сказать, что продолжающиеся на страницах печати дискуссии о социализме, Сталине, репрессиях, войне свободны от ностальгии по «сильной руке» и «порядку». Номинирование Сталина в проекте «Имя России» заставляет задуматься об устойчивой тенденции – оправдать «издержки», «перегибы», предать забвению миллионы жертв и идеализировать достижения социализма. По принципу: победителей не судят.

Подведем итоги историографии потерь СССР накануне и в годы войны.

1. За последнее время проделана большая работа по ликвидации «белых пятен» в отношении определения истинных потерь основных противостоящих сторон в 1941–1945 гг., а также в годы «большого террора». При этом историческая литература до сих пор не свободна от эмоций и амбиций, политической конъюнктуры.

2. После крушения коммунистического режима в 1991 году, упразднения политической цензуры и жёсткого идеологического контроля, появилась возможность выявить истинные масштабы потерь в предвоенный и военный период. Вместе с тем, последняя официальная оценка – 27 млн

¹ Имеются в виду работы В. Суворова, А. Солженицына, Р. Конквеста, Р. Медведева и др.

² Известия. 2010. 7 мая.

³ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. М., 2000, Т. 2. М., 2001; Демографическая модернизация России 1900 – 2000. М., 2006 и др.

⁴ Текущий архив Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал».

погибших в 1941–1945 гг. советских людей, рождена в недрах тоталитарной системы продолжает довлеть над исследователями, гипнотизируя их, как удав кролика.

3. За пятьдесят лет (1941–1991 гг.) в СССР по истории Великой Отечественной войны были опубликованы десятки тысяч монографий, брошюр, статей, суммарный тираж которых составлял сотни миллионов и даже, может быть, несколько миллиардов экземпляров. Но среди этого океана исторических повествований не находилось места островкам правды. Подавлялось любое свободомыслие, желание приблизить историческую истину. Историки вынуждены были изучать прошлое только в рамках дозволенного. Поэтому подлинные масштабы потерь за эти годы невозможно было определить. За последние двадцать лет, наряду с официальной («подлинно научной»), появилась альтернативная литература, а публикации работ бывших идеологических противников коммунистического режима (буржуазные авторы, эмигранты, диссиденты), прошедшие дискуссии позволили решать научные проблемы, не преследуя политические цели.

4. Амплитуда в оценках потерь основных противоборствующих сторон в 1941–1945 гг. очень велика. Иногда она достигает десятков миллионов человек. Но постепенно власть и официальная историография приходят ко всё новым и новым выводам. За 45 лет оценка потерь СССР была скорректирована на 20 млн человек. Ещё вчера «преувеличенные» данные, высказывавшиеся в западной или альтернативной литературе, становились «наиболее авторитетными».

5. Во всех последних серьёзных работах говорится о том, что вопрос о людских потерях в годы войны изучен недостаточно и продолжает оставаться остро дискуссионным. Академик Ю. А. Поляков так выразился по этому выводу: «Многое ещё не ясно, спорно, скрыто»¹. С этим трудно не согласиться. В популярных изданиях встречается утверждение о том, что до сих пор около 2 млн погибших советских воинов последней войны не предано земле. А по Суворову, если не похоронен последний солдат, война не закончена. Для нашего общества она не завершена в том отношении, что, несмотря на все усилия, издание во всех субъектах Федерации Книг Памяти², мы не можем назвать точно количество погибших военнослужащих и гражданских лиц. И, вероятно с точностью до человека, десятков, сотен, тысяч, десятков тысяч солдат, офицеров и мирных граждан назвать уже не сможем.

Массовые политические репрессии 1937–1938 годов, Великая Отечественная война имели для жизни общества и государства не только серьезные демографические, но и моральные, культурные, социальные последствия, некоторые из которых проявляются до сих пор. Укажем наиболее важные из них.

¹ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 3.

² См.: Всероссийская Книга Памяти, 1941–1945. Обзорный том. М., 1995.

– Террор нанёс огромный урон всем сферам жизни общества. Произволу подверглись сотни тысяч ни в чём не повинных людей. Репрессии обезглавили промышленность, армию, сферу образования, науки, культуры. Пострадали партийные, комсомольские, советские, правоохранительные органы¹. В Красной Армии накануне Великой Отечественной войны было незаконно репрессировано около 40 тысяч офицеров².

– В годы «большого террора» была «опробована» политика массового насильственного переселения. Первыми её жертвами стали корейцы, а в последующие годы – десятки депортированных народов.

– Политический террор имел ярко выраженный экономический аспект. Все крупные промышленные объекты первых пятилеток сооружались с использованием дешёвого, принудительного труда заключённых, в том числе и политических. Без применения рабской силы невозможно было вводить по 700 предприятий в год³.

– В 1920–1950-е годы через лагеря, колонии, тюрьмы и иные места лишения свободы прошло 22 миллиона человек⁴. Только в 1930-х годах в места заключения, ссылку и высылку было направлено около 2 млн человек, осуждённых по политическим мотивам⁵. Субкультура уголовного мира, его ценности, приоритеты, язык были навязаны обществу. Оно вынуждено было десятилетиями жить не по закону, а по «понятиям», не по христианским заповедям, а по насквозь лживым коммунистическим постулатам. Блатной язык успешно конкурировала с языком Пушкина, Лермонтова, Толстого.

Масштабы преступлений коммунистического режима в нашей стране, к сожалению, огромны. Пока не будет названа последняя невинная жертва советского государственного террора, не выявлена последняя могила с останками репрессированных, или погибших в годы войны, не поставлен

¹ Последние были напрямую причастны к осуществлению массового террора, политике государственного произвола и беззакония.

² *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998. С. 317.

³ Об этом подробнее см.: *Эбеджанс С. Г., Важнов М. Я.* Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 188–190; *Трус Л. С.* Введение в лагерную экономику // Экономика и организация промышленного производства. 1990. № 5; *Кропачев С. А.* ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны: экономический аспект // Вклад кубанцев в победу над фашизмом. Краснодар, 1996; *Хлевнюк О.* Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 годы // Свободная мысль. 1992. № 13; *Он же.* 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; *Он же.* Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 30–50-е годы XX в.: проблемы и источники // Исторические записки. Вып. 5(123). М., 2002. С. 43–68; Экономика ГУЛАГа и её роль в развитии страны, 1930-е годы. М., 1998; *Еланцева О. А.* БАМ: первое десятилетие // Отечественная история. 1994. № 6. С. 89 – 103 и др.

⁴ Об этом подробнее см.: Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 311–330; Т. 2. С. 182–196.

⁵ Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 317 – 318.

последний памятный знак, увековечивающий их память, работа по возвращению из небытия честных имен наших соотечественников не будет закончена. В какой-то степени это будет противоядием от повторения массового насилия в будущем и реализацией законного права любого человека на знание исторической правды о судьбах большой и малой Родины, своих родных и близких. Табуированная память – родная сестра бездуховности и безнравственности.

БИБЛИОГРАФИЯ

І. Документы

1. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991.
2. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992.
3. Дети ГУЛАГа. 1918–1956. М., 2002.
4. За что? Проза. Поэзия. Документы. М., 1999.
5. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Сборник документов в 7-ми томах. М., 2004–2005.
6. Книга жертв незаконных политических репрессий Ставропольского края. Т. 9. Ставрополь, 1999.
7. Книга Памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю. Краснодар, 2005.
8. Книга Памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю. Т. 2. Краснодар, 2008.
9. Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы. Краснодар, 1997.
10. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004.
11. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.
12. Население России за 100 лет. Стат. сб. М., 1998.
13. Нюрнбергский процесс. Т. 1–7. М., 1957–1961.
14. Расстрельные списки. Вып. 1. Донское кладбище. 1934–1940. М., 1993.
15. Расстрельные списки. Вып. 2. Ваганьковское кладбище. 1926–1936. М., 1995.
16. Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М., 1991.
17. Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992.
18. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы в 4 т. М., 1998–2005.
19. Сталинское Политбюро в 30-е годы. М., 1995.
20. Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов. М., 1967.
21. Тридцатилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Документы и материалы. М., 1975.
22. Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий мировой войны. М., 1923.

23. Узницы «Алжира». Список женщин-заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М., 2003.

24. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984.

25. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчёт. М., 1939.

II. Газеты и журналы

26. Ab Imperio. 2005. № 3.

27. Аргументы и факты за 1988–2005 гг.

28. Большевик за 1937–1946 гг.

29. Власть. 2005. № 5.

30. Вести «Московского Мемориала». 2009. № 4(18).

31. Вестник АН СССР. 1962. № 11.

32. Военно-исторический архив за 2001–2010 гг.

33. Военно-исторический журнал. 1990. № 3.

34. Вопросы истории. 1959. № 3, 7; 1961. № 11; 1962. № 2; 1974. № 4; 1981. № 5; 1989. № 4, 6; 1994. № 6; 2003. № 12.

35. Вопросы истории КПСС. 1961. № 5.

36. Известия Советов депутатов трудящихся за 1937–1938, 1990, 2010 гг.

37. Известия ЦК КПСС. 1989. № 10.

38. История СССР. 1961. № 2; 1989. № 2; 1991. № 5.

39. Источник. 1995. № 6.

40. Коммунист. 1969. № 3; 1990. № 7.

41. Красная звезда за 1994–2010 гг.

42. Кубанские новости за 1992 г.

43. Международная жизнь. 1961. № 12.

44. Мемориал. 2004. № 28.

45. Мемориал – Аспект. 1993. № 1.

46. Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1(63); № 2(64).

47. Московские новости за 1988–1990 гг.

48. Новая и новейшая история. 1992. № 3.

49. Отечественная история за 1994–2008.

50. Отечественные архивы. 1992. № 2.

51. Политическое самообразование. 1990. № 10.

52. Правда за 1937, 1938, 1941–194, 1957, 1959, 1989 гг.

53. Российская история за 2009–2010 гг.

54. Свободная мысль. 1992. № 13. 1993. № 10. 2000. № 5.

55. Экономика и организация промышленного производства. 1990. № 5.

III. Работы политических деятелей СССР

56. *Брежнев Л. И.* Великая победа советского народа. М., 1965.
57. *Вышинский А. Я.* Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. М., 1937.
58. *Вышинский А. Я.* Судебные речи. М., 1938.
59. И. В. Сталин. Краткая биография. 2-е изд., испр. и доп. М., 1953.
60. *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952.
61. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 14. Март 1934–1940. М., 1997.
62. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 16. 1946–1952. М., 1997.

IV. Мемуары

63. *Адамова-Слиозберг О.* Путь. М., 2009.
64. Александр Тодорский. Воспоминания друзей и соратников. М., 1986.
65. *Волков О.* Век надежд и крушений: Воспоминания, повести, рассказы, очерки. М., 1990.
66. *Гинзбург Е.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности // Даугава. 1988. № 7 – 10.
67. *Гнедин Е.* Себя не потерять // Новый мир. 1988. № 7.
68. *Горбатов А. В.* Годы и войны. М., 1965.
69. *Григоренко П.* В подполье можно встретить только крыс... М., 1997.
70. *Даниэль Ю. М.* «Я все сбиваюсь на литературу»... Письма из заключения. Стихи. М., 2000.
71. Доднесь тяготеет. Записки вашей современницы. М., 1989.
72. *Дубинский И. В.* Наперекор ветрам. М., 1964.
73. *Дьяков Б.* Повесть о пережитом. М., 1966.
74. *Дьяков Б.* Пережитое. М., 1987.
75. *Каганович Л. М.* Памятные записки. М., 1996.
76. *Кудрявцева Т.* Моя мамочка. История в письмах и не только... М., 2004.
77. *Медведев Ж. А., Медведев Р. А.* Кто сумасшедший? Лондон, 1971.
78. *Молоствов М. М.* Из заметок вольнодумца. Сборник статей. СПб., 2003.
79. «Пишу своими словами...». История репрессий против греков в СССР. Письма из ГУЛАГа / сост. и автор вступ.ст. И. Г. Джуха. СПб., 2009.
80. *Пухов Н. П.* Годы испытаний. М., 1959.

81. *Сандалов Л. М.* Пережитое. М., 1961.
82. *Смирнов Е. И.* Война и военная медицина. Мысли и воспоминания. 1939–1945. М., 1976.
83. *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ: опыт художественного исследования. Т. 1–3. Париж, 1973–1975.
84. *Фейхтвангер Л.* Москва 1937. М., 2001.
85. *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997.
86. *Шаламов В.* Несколько моих жизней. Проза. Поэзия. Эссе. М., 1996.
87. 5 декабря 1965 года в воспоминаниях участников событий, материалах самиздата, публикациях зарубежной прессы и в документах партийных и комсомольских организаций и записках Комитета государственной безопасности в ЦК КПСС. М., 2005..
88. 1418 дней войны. Из воспоминаний о Великой Отечественной. М., 1990.

V. Справочная литература

89. Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т. «Россия». М., 2004.
90. Большая Энциклопедия в 62 т. М., 2006.
91. Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк. М., 1970.
92. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985.
93. Всероссийская Книга Памяти, 1941–1945. Обзорный том. М., 1995.
94. Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960. Справочник. М., 1997.
95. Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003.
96. Народонаселение. Демографический энциклопедический словарь. М., 1994.
97. *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999.
98. Полвека назад: Великая Отечественная война: цифры и факты. М., 1995.
99. Сводный перечень исследований, ведущихся в СССР в 1981–1985 гг. по проблеме «Советский тыл в Великой Отечественной войне». М., 1982.
100. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М., 1998.
101. Советская военная энциклопедия. Т. 1–8. М., 1976–1980.
102. Советская историческая энциклопедия. Т. 1–16. М., 1961–1976.

VI. Монографии, исследовательская литература

103. *Адлер Н.* Трудное возвращение. Судьбы советских политзаключенных в 1950–1990-е годы. М., 2005.
104. *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс – Москва, 1992.
105. *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л.* Демографическая история России. 1927–1959. М., 1998.
106. *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л.* Население Советского Союза, 1922–1991. М., 1993.
107. *Анисимов И. В., Кузьмин Г. В.* Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945 гг. М., 1952.
108. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997.
109. *Белковец Л. П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. М., 2008.
110. *Бердинских В. А.* Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005.
111. *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955.
112. Боевой путь Советских Вооружённых сил. М., 1962.
113. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура. М., 1992.
114. Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.
115. *Бугай Н. Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). М., 2006.
116. *Бугай Н. Ф.* Российские корейцы и политика «Солнечного тепла». М., 2002.
117. *Ватлин А. Ю.* Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области. 1937–1938. М., 2004.
118. Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1965.
119. Война и общество, 1941–1945: В 2-х кн. М., 2004.
120. *Волкогон Д. А.* Триумф и трагедия. В 2-х кн. М., 1989.
121. *Волбуев П. В.* Выбор путей общественного развития. Теория, история, современность. М., 1987.
122. Вопросы историографии истории СССР (лекции). М., 1981.
123. Вторая мировая война. Кн. 1–3. М., 1966.
124. Вторая мировая война 1939–1945: Военно-исторический очерк. М., 1958.
125. *Гозулов А. И., Григорьянц М. С.* Народонаселение СССР. М., 1969.

126. *Голоиков С.* Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне. М., 1954.
127. *Голотик С. И., Минаев В. В.* Население и власть: Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004.
128. Гриф секретности снят: Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993.
129. *Гущин Н. Я.* Население Сибири в XX веке: Основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995.
130. *Дайнес В.* Штрафбаты и заградотряды Красной Армии. М., 2008.
131. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006.
132. *Джуха И. Г.* Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. СПб., 2006.
133. *Джуха И. Г.* Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб., 2008.
134. *Джуха И.* Стоял позади Парфенон, лежал впереди Магадан... История репрессий против греков в СССР: греки на Колыме. СПб., 2010.
135. *Дружба О. В.* Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов-на-Дону, 2000.
136. *Дубин Б.* «Кровавая» война и «великая» Победа. О конструировании и передаче коллективных представлений в России 1970–2000 годов. Рукопись.
137. *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.
138. *Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А.* Полвека под грифом «секретно». М., 1996.
139. За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб., 2002.
140. Звенья. Вып. 1. М., 1991.
141. *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005.
142. *Иванова Г. М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.
143. Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. I. Советский период. М., 1978.
144. Историография Великой Отечественной войны. М., 1980.
145. Историография сталинизма: сборник статей. М., 2007.
146. Историческая демография. М., 1992.
147. Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004.
148. Исторические записки. Вып. 5 (123). М., 2002.
149. Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.
150. История Великой отечественной войны Советского Союза 1941–1945 в 6-ти томах. М., 1960–1965.

151. История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 1–12. М., 1973–1982.
152. История дипломатии. Т. 4. М., 1975.
153. История и сталинизм. М., 1991.
154. История КПСС. Изд. 2-е доп. М., 1962.
155. История Кубани XX век: очерки. Краснодар, 1998.
156. История Кубани с древнейших времен до конца XX века: учебник для высших учебных заведений. Краснодар, 2004.
157. История одного поколения. М., 1968.
158. *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.
159. *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009.
160. Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938. Кн. 1–10. М., 2000–2008.
161. *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. Екатеринбург, 1993.
162. КПСС – вдохновитель и организатор победы Советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1973.
163. *Кропачев С. А.* Десять лет, изменившие страну. Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930–1940-х годов. Сборник научных статей. Краснодар, 2006.
164. *Кропачев С. А.* Масштабы демографических потерь СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов. Проблемы отечественной истории и историографии: сборник научных статей. Краснодар, 2010.
165. *Кропачев С. А.* Хроники коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии. Ч. 1. 1917–1940 гг. Краснодар, 1995.
166. *Кропачев С. А.* Хроника коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии. Ч. 2. 1941–1953 гг. Краснодар, 1998.
167. *Лакшин В.* Новый мир во времени Хрущева. Дневник и попутное (1953–1964). М., 1991.
168. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб, 1995.
169. Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004.
170. *Максудов С.* Потери населения СССР. М., 1989.
171. *Медведев Р. А.* К суду истории. Нью-Йорк, Лондон, 1974.
172. *Мерцалов А., Мерцалова Л.* Сталинизм и война. М., 1998.
173. *Минц И.* Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1947.
174. *Михалев С. Н.* Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Красноярск, 1998.

175. *Муранов А., Звягинцев В.* Суд над судьями (особая папка Ульриха). Казань, 1993.
176. Наказанный народ. М., 1999.
177. Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010.
178. Народонаселение: современное состояние и перспективы развития научного знания. М., 1997.
179. Население России в 1920-е – 1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994.
180. Население и народное благосостояние. М., 1968.
181. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х тт. Т. 1, 2. М., 2000, 2001.
182. *Некрич А. М.* 1941, 22 июня. М., 1995.
183. Н. С. Хрущев (1894–1971): Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. С. Хрущева. М., 1994.
184. Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил во второй мировой войне. М., 1971.
185. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997.
186. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V. М., 1985.
187. Очерки по историографии советского общества. М., 1965.
188. Очерки советской военной историографии. М., 1974.
189. *Пак Б. Д., Бугай Н. Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004.
190. *Первышин В. Г.* Сталин и Великая Отечественная война. М., 2004.
191. Пермские поляки. Пермь, 2001.
192. *Печенкин А. А.* Военная элита СССР в 1935–1939 гг. Репрессии и обновление. М., 2003.
193. *Плохотнюк Т. Н.* Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001.
194. *Подъячих Г. П.* Население СССР. М., 1961.
195. Погружение в трясины (Анатомия застоя). М., 1991.
196. Политические репрессии в России. XX век. (Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 7–8 декабря 2000 г.). Сыктывкар, 2001.
197. *Поляков Л. Е.* Цена войны: Демографический аспект. М., 1985.
198. *Полян П.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002.
199. *Полян П. М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.
200. Проблемы демографической статистики. М., 1959.
201. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974.

202. Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «антикулацкой» операции НКВД СССР: Материалы V Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2008.
203. Проблемы исторической демографии СССР. Таллинн, 1977.
204. Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980.
205. *Прокопенко А. С.* Безумная психиатрия. М., 1997.
206. *Птуха М. В.* Очерки по статистике населения. М., 1960.
207. *Пыльцын А.* Правда о штрафбатах: Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. М., 2008.
208. *Пыхалов И., Пыльцын А., Васильченко А.* Штрафбаты по обе стороны фронта. М., 2007.
209. Развитие советской исторической науки. 1970–1974. М., 1975.
210. Развитие тактики Советской армии в годы Великой Отечественной войны. М., 1958.
211. Реабилитирован посмертно. Вып. 1, 2. М., 1989.
212. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.
213. Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994.
214. Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооружённых сил. Статистическое исследование. М., 2001.
215. Самиздат. СПб, 1993.
216. *Самсонов А. М.* Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М., 1988.
217. *Самсонов А. М.* Крах фашистской агрессии. 1939–1945. М., 1975;
218. Советская историография. М., 1996.
219. *Соколов П. В.* Война и людские ресурсы. М., 1961.
220. *Соколов Б. В.* Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей). СПб, 1998.
221. *Соколов Б. В.* Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991.
222. *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 1998.
223. *Ставров Н.* Вторая мировая – Великая Отечественная. В 3-х т. Т. 2. М., 2006.
224. Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М., 1989.
225. *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА. 1937-1938. М, 1998.
226. *Тельпуховский Б. С.* Великая Отечественная война Советского Союза: 1941–1945 гг. М., 1952.
227. *Тодорский А. И.* Маршал Тухачевский. М, 1963.
228. *Убушаев В. Б., Убушаев К. В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959. Элиста, 2007.
229. *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооружённых сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб, 1994.

230. *Урланис Б. Ц.* История одного поколения. М., 1968.
231. *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР. М., 1974.
232. *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009.
233. *Хлевнюк О. В.* 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.
234. *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.
235. *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.
236. *Ченцов В. В.* Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998.
237. *Шабаетов А. А., Михалев С. Н.* Трагедия противостояния: Потери вооруженных сил СССР и Германии в Великой Отечественной войне. М., 2002.
238. *Шелестов Д. К.* Демография: история и современность. М., 1983.
239. Экономика ГУЛАГа и её роль в развитии страны, 1930-е годы. М., 1998.
240. Этнодемографическое развитие СССР. М., 1985.

VII. Статьи

241. Важная задача советских историков // Вопросы истории. 1959. № 3.
242. *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. Кн. 1 // Октябрь. 1989. № 10–12.
243. *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. Кн. 2 // Октябрь. 1990. № 7–10.
244. *Голиков Г. Н.* На переднем крае исторической науки // Вопросы истории. 1961. № 11.
245. *Дробижев В. З., Поляков Ю. А.* Народонаселение СССР и история советского общества // Вопросы истории. 1974. № 4.
246. *Дубин Б.* Сталин и другие. Фигуры высшей власти в общественном мнении современной России // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1(63). № 2(64).
247. *Дядькин И.* Послесловие к статье С. Максудова // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1.
248. *Еланцева О. А.* БАМ: первое десятилетие // Отечественная история. 1994. № 6.
249. *Емелин А.* Штрафные батальоны (К истории создания военных формирований в годы Великой Отечественной войны) // Преступление и наказание. 1992. № 6.

250. *Жилин П. А., Куманев Г. А., Ставицкий И. В.* Коммунистическая партия – организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне // Очерки по историографии советского общества. М., 1965.

251. *Земсков В. Н.* Заключённые, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5.

252. *Земсков В. Н.* Заключённые в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4.

253. *Ким М. П.* О задачах изучения исторического опыта социалистического строительства в свете решений XXII съезда КПСС // Вопросы истории. 1962. № 2.

254. *Ким М. П.* О некоторых задачах исторической науки в свете решений XX съезда КПСС // История СССР. 1961. № 2.

255. *Ким М. П., Поляков Ю. А.* Актуальные проблемы истории советского общества // Вестник АН СССР. 1962. № 11.

256. *Кринко Е.* Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних «восточных рабочих» // Вторая мировая война в памяти поколений: Сборник научных статей. Краснодар, 2009.

257. *Кропачев С. А.* ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны: экономический аспект // Вклад кубанцев в победу над фашизмом. Краснодар, 1996.

258. *Курганов И.* Три цифры // Новое русское слово. 1964. 12 апреля.

259. *Максудов С.* О фронтовых потерях советской армии в годы Второй мировой войны // Свободная мысль. 1993. № 10.

260. *Максудов С.* Потери населения СССР в 1931–1938 гг. // СССР: Внутренние противоречия. Нью-Йорк. 1982. № 5.

261. *Максудов С.* Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991.

262. *Поляков Ю. А.* Великая война: дискуссии продолжаются // Свободная мысль. 2000. № 5.

263. *Попов В. П.* Государственный террор в Советской России, 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2.

264. *Седельников В.* ЧК и Архивы: Два эпизода из истории архивного дела в первые годы Советской власти // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991.

265. *Смирнова Л. И.* Против буржуазной фальсификации истории СССР // Вопросы истории. 1959. № 7.

266. *Ставицкий И. В., Куманев Г. А.* Литература о деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны (Краткий обзор) // Вопросы истории КПСС. 1961. № 5.

267. *Трус Л. С.* Введение в лагерную экономику // Экономика и организация промышленного производства. 1990. № 5. *Хлевнюк О.* Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 годы // Свободная мысль. 1992. № 13.

268. *Урланис Б. Ц.* Динамика населения СССР за 50 лет // Население и народное благосостояние. М., 1968.

269. *Урланис Б. Ц.* Методы исчисления людских потерь от войн // Проблемы демографической статистики. М., 1959.

270. *Хлевнюк О. В.* Экономика ОГПУ – НКВД – МВД СССР в 30 – 50-е годы XX в.: проблемы и источники // Исторические записки. Вып. 5 (123). М., 2002.

271. *Шелестов Д. К.* История и демография // Вопросы истории. 1981. № 5.

272. *Эбеджанс С. Г., Важнов М. Я.* Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. 1994. № 6.

273. *Яцунский В. К.* Историческая демография в СССР // Вопросы географии. Сб. 83. М., 1970.

VIII. Авторефераты диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук

274. *Иванов В. А.* Механизм массовых репрессий в советской России в конце 20-х – 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). Автореферат диссертации ... доктора исторических наук. СПб, 1998.

275. *Казьмина М. В.* Отечественная историография второй половины 1980-х гг. – начала XXI века о политическом и социально-экономическом развитии СССР в 1930-е годы. Автореферат диссертации ... доктора исторических наук. Кемерово, 2006.

276. *Наумов Н. В.* Социально-экономические и культурные преобразования в СССР в годы довоенных пятилеток (1928–1941 гг.). Проблемы отечественной историографии. Автореферат диссертации ... доктора исторических наук. М., 2004.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ЕПАРХИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНОДАРСКОЙ И КУБАНСКОЙ ЕПАРХИИ

350000, РФ, Краснодар, ул. Соборная, 60
tsp@yandex.ru

т. +7.8612.62.20.81
ф. +7.8612.62.09.48

№ 1644

«28» июля 2005г.

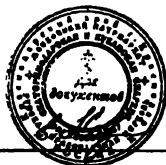
**Председателю правления
ККО «МЕМОРИАЛ»,
доценту Куб ГУ
КРОПАЧЕВУ С.А.**

Канцелярия Екатеринодарского и Кубанского Епархиального управления сообщает Вам резолюцию Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего ИСИДОРА, Митрополита Екатеринодарского и Кубанского, положенную на Ваше Письмо № 56 от 26 июля 2005 г. о благословении разместить на интернет сайте сведения обо всех репрессированных мирянах и священнослужителях, пострадавших за веру, причисленных к лику святых, и тех, кто еще не канонизирован и не прославлен в Русской Православной Церкви:

«Благословляется Ваша деятельность по увековечению памяти жертв политических репрессий на территории края. Председателю протоиерею Сергию Токаря и членам комиссии по канонизации принять участие.

**+ МИТРОПОЛИТ ИСИДОР
28 /VII- 2005 года».**

Секретарь Екатеринодарского
Епархиального Управления
пропошерей

(**Е. Н. Хаджиарав**)

ДИПЛОМ

победителя конкурса грантов
администрации Краснодарского края
для поддержки общественно полезных программ
общественных объединений

НАГРАЖДАЕТСЯ

Краснодарское краевое отделение
Общероссийской общественной организации
«Российское историко-просветительское
благотворительное и правозащитное общество
«Мемориал»

ЗА ПРОГРАММУ

«Трагические судьбы -
возвращенные имена»

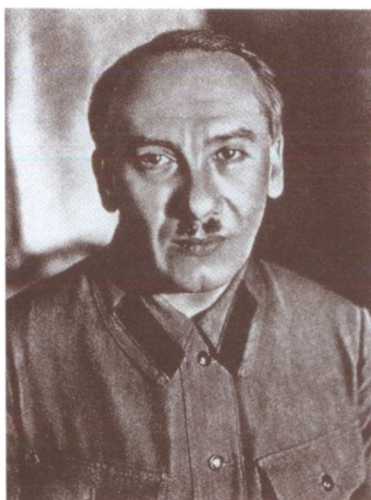
Глава администрации
Краснодарского края

А.Н. Ткачев

КРАСНОДАР, 2005

Члены Политбюро ЦК ВКП(Б) на XVII съезде партии.
Стоят (слева направо) А. Енукидзе, К. Ворошилов,
Л. Каганович и В. Куйбышев. Сидят: С. Орджоникидзе,
И. Сталин, В. Молотов и С. Киров. Январь 1934г.

Г.Г. Ягода. 1933 г.

**К. Ворошилов, В. Молотов, И. Сталин и Н. Ежов
на канале Москва - Волга. Яхрома. Апрель 1937 г.**

Н. И. Ежов

Л.П. Берия

А.И. Солженицын

П.Н. Поспелов

А.И. Тодорский

Ю.М. Даниэль

Историк А.М. Некрич

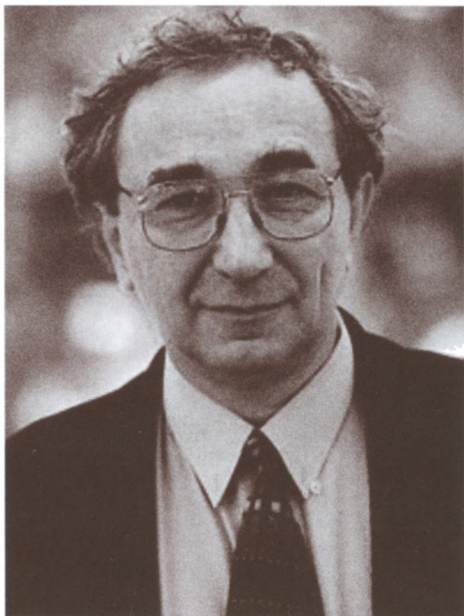
Историк Р.А. Медведев

Академик РАН Ю.А. Поляков

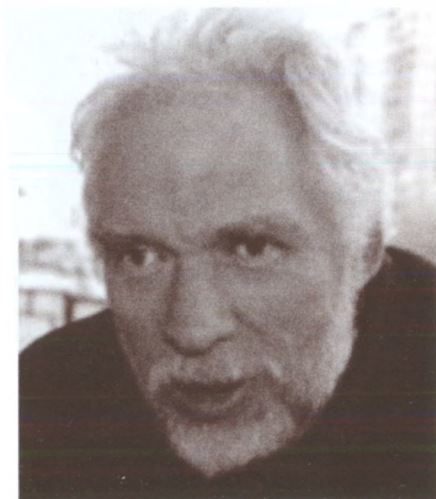
Историк С. Максудов
(А. Бабенышев)

Председатель правления Международного общества "Мемориал" А.Б. Рогинский. 2008 г.

О.Л. Адамова-Слиозберг

Историк Б.В. Соколов. 2008 г.

Участники VI Международной научной конференции
“Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР”
Краснодар. Октябрь 2009 г.

Председатель Московской Хельсинской
группы Л.М. Алексеева. Декабрь 2010г.

Научная конференция о «большом терроре»

(9.12–11.12.2007 г., Париж)

С 9 по 11 декабря 2007 года в Париже состоялась международная научная конференция «1937–1938: Апогей Большого Сталинского террора»¹. Конференция была организована ведущими исследовательскими центрами Франции: Национальным центром научных исследований (CNRS), Институтом новейшей истории (IHTP – CNRS), Центром изучения России, Кавказа и Центральной Европы (CERCEC – CNRS), Центром истории Института политических исследований (Centre d'histoire de Sciences Po) и Международным обществом «Мемориал». Конференция собрала десятки исследователей из Франции, России, Украины, США, Германии, Швеции, изучающих различные аспекты сталинского «большого террора».

Первый день работы конференции прошел в Люксембургском дворце (здание Парламента Франции), в котором собрались не только историки, но и представители политических, общественных кругов, средств массовой информации, те, кому не безразлично прошлое и настоящее России, всего около 300 человек. Открыл конференцию представитель сенатора Парижа Ива Поццо ди Борго. В приветственном слове было сказано о важности изучения драматического прошлого России для современных политических и социальных процессов. От имени сенатора его представитель пожелал участникам конференции успешной работы. Затем слово было представлено известному французскому историку, профессору Высшей школы социальных наук (EHESS) Марку Ферро, выполнявшему роль модератора пленарного заседания, носившего название «Механизмы террора». Он подчеркнул, что в зале собрались «те, кто любит Россию». Осмысление «большого террора» в Советском Союзе необходимо, прежде всего, в контексте развития современной России. Доклад Председателя Правления Международного общества «Мемориал» А. Б. Рогинского (Россия, Москва) носил

¹ Впервые термин «большой террор» был введен в 1968 году английским исследователем Робертом Конквестом (*Conquest R. The Great Terror. Stalin's Purge of the Thirties. London, 1968*). Сегодня существуют различные трактовки хронологических рамок «большого террора», как правило, охватывающие 1930-е годы. На конференции, прежде всего, рассматривались события 1937–1938 годов, по образному выражению Юнге М. и Биннера Р. – «ядро большого террора» (Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 9). В эти годы осуществлялся оперативный приказ Народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов. В ходе этой массовой операции подверглись аресту по обвинению в политических преступлениях более 1,5 млн. человек (Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. М., 2000. С. 318).

несколько общее название «Заставить память говорить», но речь в нем шла о конкретных событиях и явлениях «большого террора». В частности, были названы важные данные о количестве репрессированных. С 1921 (и, видимо, до 1953 года¹) в СССР на репрессированных по политическим мотивам было заведено 5 млн уголовных дел. Известно, что многие из репрессированных были осуждены несколько раз. Если 5 млн. дел, т. е. 5 млн. репрессированных уточнить на 10% (именно такую поправку предложил А. Б. Рогинский), то получится 4,5 млн жертв политического террора в СССР. К ним следует прибавить жертвы депортаций, это примерно 7 млн человек². Таким образом, пострадавших от массовых политических репрессий в СССР насчитывается 11,5 млн и более человек³. Это без учета жертв голода 1921–1922, 1932–1933, 1946–1947 годов, а также иных категорий граждан, подвергнувшихся политическим, социальным, этническим, религиозным и иным дискриминациям после 1917 года⁴. А. Б. Рогинский заметил, что статистика жертв политических репрессий – тема крайне сложная и противоречивая, но начиная с 1921 года какие-то оценки предлагать можно. Что было до 1921 года? Большой, большой знак вопроса и большое черное пятно⁵.

С обстоятельным докладом «Переосмыслить большой террор» на пленарном заседании выступил крупный историк, признанный исследователь проблемы массовых политических репрессий в СССР⁶, старший научный

¹ Уточнение наше – С. К.

² На конференции эта цифра была уточнена в докладе П. М. Поляна.

³ Дословно было названо «11,5–12,5 млн человек».

⁴ К ним, например, можно отнести раскулаченных, расказаченных, политических эмигрантов, тех, кого отправили на принудительное «лечение» и другие категории незаконно репрессированных граждан.

⁵ Оценки жертв революции и гражданской войны, безусловно, существуют. См., например, *Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990. С. 87–88*; За что погибли шестнадцать миллионов россиян? // *Юность. 1990. № 10. С. 19*; *Денисенко М. 13 000 000 // Родина. 1990. № 10. С. 14–15*; *Данилов В. Комментарий // Там же. С. 15*; *Волгогонов Д. А. Семь вождей. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 1995. С. 131*; *Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. М., 2000. С. 95, 97, 98, 102*; *Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 135–138*; *Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т. Россия. М., 2004. С. 372*; *Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т. 1. М., 2006. С. 363*; *Демографическая модернизация России 1900–2000. М., 2006. С. 400–406* и др. Но нельзя не согласиться с А. Б. Рогинским, что для периода 1917–1921 годов, прежде всего, в отношении жертв террора и политических репрессий, вопросов больше, чем ответов.

⁶ См., например, работы *Н. Верта: Верт Н. История советского государства. 1900–1991: Пер. с фр. – 2-е изд. М., 1995*; *Верт Н. и др. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии: Пер. с фр. – 2-е изд., испр. М., 2001*; *Верт Н. и др. Советская деревня 1930–1934 гг. по документам ОГПУ – НКВД. Книга I (1930–1931 гг.) // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1.*

сотрудник ИНТР Никола Верт. Необходимо подчеркнуть, что Н. Верт был не только одним из активных организаторов и участников конференции, стойчески выдержавший натиск многочисленных организационных проблем, но и ее душой. Без Никола не состоялось ни одного события в официальной и культурной части конференции.

В своем интересном, программном докладе Н. Верт проанализировал современные публикации, посвященные «большому террору», остановился на спорных или недостаточно изученных сюжетах. Он указал на значительную роль, которую играли события и парадигмы «большого террора» в сталинских репрессиях. Н. Верт говорил об ответственности лидеров СССР за массовые политические репрессии. В 1937–1938 годах Сталин принял наркома внутренних дел СССР Ежова 300 раз и провел в беседах с ним 900 часов! Автор доклада интерпретировал «большой террор» как узел радикализации, которая была вызвана наложением друг на друга нескольких репрессивных логик. С одной стороны, политические чистки были направлены против элит и являлись выражением острых политических противоречий между «сталинской клановой логикой» и логикой административно-командной системы, возникшей в тридцатые годы. С другой стороны, по мнению докладчика, «большой террор» – это высшая стадия политики полицейского управления обществом, которая с начала 1930-х годов специализировалась на «массовых секретных операциях» против «социально-опасных» или «этнически подозрительных» элементов.

Один из организаторов конференции, профессор Высшей школы социальных наук (EHESH) и Центра изучения России, Кавказа и Центральной Европы (CERCEC) Алан Блюм свой доклад «1937 год: научные и административные элиты» посвятил анализу репрессий в отношении партийных, административных, армейских и иных элит. Особое внимание было уделено этапам, механизмам и публичному использованию «признаний», полученных в ходе преследований специалистов. Эти преследования усилились, начиная с 1928 года, и продолжались на протяжении 1930-х годов. Автор доклада проследил роль личных решений Сталина в отношении ряда руководителей и их воплощение репрессивным аппаратом.

Юрий Шаповал (Институт политических исследований, Украина, Киев) выступил с докладом «Большой террор в Украине: основные этапы и особенности». На основе анализа ранее недоступных документов, он проанализировал особенности отношения наркома внутренних дел СССР Н. Ежова и его адептов к Украине, деятельность наркомов ВД УССР И. Леплевского (1937–январь 1938) и А. Успенского (январь–ноябрь 1938) по раз-

1930–1931 гг. М., 2003; *Верт Н.* Введение // История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004; *Werth N.* Les “opérations de masse” de la “Grande Terreur” en URSS, 1937–1938 // Bulletin de l’Institut d’histoire du temps présent. 2006. № 86. С. 6–33; *Werth N.* La terreur et le d’ysarroi. Staline et son system. Paris, 2007 и др.

вертыванию «большого террора». Ю. Шаповал исследовал и представил на суд слушателей последствия наиболее крупных дел, политических процессов и массовых репрессивных операций, проведенных «фашистско-коммунистическим режимом» в Украине в середине 1930-х годов.

Работа конференции в течение двух последующих дней была организована в Институте политических исследований (Sciences Po). Модератором утреннего заседания, носившего название «Институты и авторы Большого террора», второго дня работы конференции являлась Жюлиет Кадио (CERCEC – EHES). На конференции модераторы не только предоставляли слово выступавшим и задавали вопросы по сути докладов и сообщений, но и являлись инициаторами перманентных дискуссий, дополнявших и развивавших мысли ораторов. Первым на утреннем заседании с докладом «Опыт и практика 1930 г. как пролог «большого террора» выступил доктор исторических наук, заместитель директора Института истории Сибирского отделения РАН С. А. Красильников (Россия, Новосибирск). Он подчеркнул, что события 1930 года в СССР являются типологически однопорядковыми явлениями по отношению к событиям 1937–1938 годов. По мнению автора доклада, у событий этих лет одна природа – явления государственного террора были встроены в модель социальной мобилизации, системно разработаны и применены политическим режимом в огромных масштабах против отдельных (целевых) групп собственного населения. С. А. Красильников выделил семь групп общих признаков (черт) в событиях 1930 г. и 1937–1938 гг.: 1) синхронность в разработке политических решений и их реализация спецслужбами; 2) осуществление репрессий в упрощенном виде, наличие квазисудебных органов; 3) установление категорий для осуществления репрессий и лимитов на их воплощение в регионах; 4) резкое увеличение штатов и финансирования репрессивных органов; 5) формирование и воспроизводство системы принудительного труда; 6) проведение гигантской идеолого-пропагандистской кампании по борьбе с различными категориями «врагов»; 7) реализация репрессий в условиях номенклатурно-кадровых революций с частичной или значительной сменой элит и масштабными ротациями. Все эти явления породили феномен «квазигражданской войны» в двух вариантах: в 1930 году провоцирование режимом крестьянских масс на реальный протест и его подавление методами государственного террора (феномен «спровоцированного террора»); в 1937 году – осуществление превентивного террора для недопущения недовольств в форме «выявления» и «подавления» мифических заговоров (феномен «спланированного/охранительного террора»).

«Правосудие и логика советской системы: парадигма времен террора» – так назывался доклад Габора Риттершпорна¹ (CERCEC – EHES). В его выступлении речь шла о положении номенклатурных кадров в условиях политических репрессий 1930-х годов. Так, работники судов и про-

¹ Встречается иное написание фамилии – Риттершпорн.

куратуры в 1937–1938 гг. могли попасть под обвинение за излишнюю мягкость в разоблачении «врагов народа», а после окончания «большого террора» – настойчивую поддержку карательных акций. Кадры партийно-государственного аппарата, по мнению Г. Риттерспорна, с трудом адаптировались к быстро меняющимся требованиям и были склонны чересчур радикально проводить противоречивые установки высших органов власти в жизнь. Они были потенциальными жертвами поиска виновников очередных провалов советского режима.

Затем выступил доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры истории Отечества и органов безопасности Академии ФСБ РФ В. Н. Хаустов (Россия, Москва). Его доклад назывался «Сталин и репрессии 1937–1938 гг.». Автор доклада поставил важные научные задачи – роль Сталина в организации «большого террора», контроль и корректировка деятельности НКВД, пределы самостоятельности наркомата внутренних дел в 1937–1938 гг., поведение Сталина при подготовке арестов представителей советской номенклатуры и т. д. Владимир Николаевич выделил уровни проведенных репрессивных кампаний: а) против высшего эшелона власти; б) политический террор в отношении среднего звена руководителей; в) осуществление массовых операций. В заключении автор доклада отметил, что 1937 год – это апогей политических репрессий, резкое увеличение их масштабов, но все явления «большого террора» в советской действительности в том или ином виде присутствовали и ранее.

Ряд докладов второго дня конференции был посвящен анализу роли народных масс в политических репрессиях 1930-х годов. Натали Муан (CERCEC – EHES) говорила о роли картотек и других формах регистрации личных данных граждан в годы «большого террора». Прежде всего, речь шла о паспортизации части населения СССР, начиная с 1933 года, а также о сборе информации на граждан в местах, неохваченных паспортизацией. Различные формы регистрации личных данных населения страны стали основой для выбора жертв, мишеней «большого террора». Жертвы террора типологизировались, прежде всего, на основе этнического и социального критериев.

Участию населения в «большом терроре» посвятил свой доклад Франсуа-Ксавье Нерар (Бургундский университет, Франция, Дижон). Была проанализирована роль «публичных мест» репрессий – партийных и комсомольских собраний, – служивших сценой для спектакля насилия. Автор обратился к теме жалоб и доносов¹, поступавших в различные инстанции в годы интенсивных репрессий. В частности, была сделана попытка ответить на вопрос – послужили ли репрессии и аресты катализатором для роста жалоб и доносов? Наконец, был поставлен вопрос – какую же роль сыграл народ в «большом терроре». Был ли он его активным участником, жертвой или зрителем?

¹ По-Сталину – «сигнал».

В своем докладе Мальте Гриссе (CERCEC – ENESS) остановился на анализе индивидуальных реакций на террор, выраженных в таком жанре как личный дневник. Если политические репрессии сопровождались мощной пропагандой, то повседневность арестов была молчаливой. Свои смутные впечатления и закрадывающиеся сомнения некоторые личности могли доверить только дневнику.

Перед перерывом, с докладом «Раз и Навсегда»: Большая чистка в историческом контексте» выступил Дэвид Р. Ширер (Университет Делавэр, США)¹. Автором доклада был поставлен вопрос о причинах развязывания «большого террора» именно в 1937–1938 годах. Д. Ширер представил точки зрения разных авторов по этому поводу. Некоторые считают, что жестокая массовая кампания, развернувшаяся в эти годы, явилась результатом иррациональной паранойи Сталина (Гетти/Наумов), другие видят истоки «большого террора» в собственной большевизму вообще культуры насилия, или объясняют их общей политикой социальной инженерии (Баберовски и Биннер/Юнге). Автор доклада причины массовых, жестоких чисток 1937–1938 годов видит в контексте возможной военной угрозы², а также как развитие и кульминацию предыдущей политики массовых социальных репрессий начала и середины тридцатых годов.

К выступавшим было адресовано много вопросов. В частности, об уточнении термина «большой террор», о новых источниках сбора информации о населении накануне событий 1937–1938 годов, о соотношении репрессированных кулаков, уголовников и других антисоветских элементов в ходе осуществления приказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. и др. Г. Риттерспорн поставил интересный вопрос: почему «большой террор» в СССР прекращается после «Мюнхенского сговора»³? Дискуссии, возникшие вокруг этих вопросов, приблизят историков к пониманию природы «большого террора» и его последствий.

После перерыва, на конференции обсуждалась тема «Мишени «большого террора». Заседание вела модератор Сабин Дюлэн (Университет Париж – 1). Первым был заслушан доклад доктора Марка Юнге (Бохумский

¹ Доклад является главой новой, но пока не опубликованной книги автора «Policing Stalinist Socialism: Mass Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953».

² Д. Р. Ширер, говоря о развертывании «большого террора» в связи с возможной военной угрозой для СССР, сослался на мнение российского ученого О.В. Хлевнюка.

³ «Мюнхенский сговор» – соглашение между Германией, Италией, Англией и Францией о разделе Чехословакии, подписанное в конце сентября 1938 г. Многие исследователи связывают «большой террор» в СССР с его международным положением. Истребление потенциальной «пятой колонны» стало важным условием подготовки страны «по-Сталински» к предстоящей войне. «Мюнхенский сговор» объективно резко ухудшил положение Советского Союза на международной арене. Может быть это испугало Сталина и в какой-то мере повлияло на решение прекратить вакханалию массового террора?

Университет, Германия)¹. Он был посвящен рождению печально известного оперативного приказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г., началу осуществления массовой операции против «антисоветских элементов» и особенностям ее проведения в провинции. Автор обратил внимание на значительное расширение по отношению к предшествующим годам целевых групп граждан, попавших под маховик репрессий.

С докладом «Большой террор: польско-японские связи»² выступил Хи-роаки Куромийа (Университет штата Индиана, США). Автор отметил, что среди «шпионов», арестованных в годы «большого террора», преобладали обвиняемые в шпионаже в пользу Польши и Японии (за ними шли «немецкие шпионы»)². Но национальная неприязнь не была главным фактором операций НКВД по этническому признаку. Дело было в другом. В 1920–1930-е годы Польша и Япония тесно сотрудничали в области разведки против Советского Союза. В 1934 г. И. Сталин в разговоре с лидером болгарских коммунистов Г. Димитровым сказал, что если уничтожить Польшу, то на одну фашистскую страну станет меньше. Х. Куромийа отметил, что цикл массовых репрессий в СССР разворачивался на фоне ожесточенных баталий, шедших между разведслужбами различных стран. Активность польской и японской разведок отчасти объясняет преобладание жертв, расстрелянных в Советском Союзе в качестве «шпионов» этих государств. Вопросы, инициированные модератором С. Дюллэн, вызвали небольшую дискуссию. В частности, обсуждались вопросы о возможном объединении Запада (Польша) и Востока (Япония) против СССР в 1930-е годы, о том, были ли в действительности депортации советских китайцев и корейцев в Японии в 1930-е годы и т. д.

«Большой террор и депортационная политика» – такова была тема доклада доктора географических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Института географии РАН, признанного специалиста в этой области П. М. Поляна. Он отметил, что в середине 1930-х гг. отмечается резкий рост депортационной активности властей, связанный с «зачистками» границ. В эти годы от «неблагонадежных элементов» в приграничной

¹ Доклад М. Юнге, как и известная книга «Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения», был подготовлен в соавторстве с доктором Рольфом Биннером (Германия).

² Существуют различные оценки репрессированных в ходе национальных операций НКВД. Так, в материалах конференции были распространены тезисы доклада Н. Охотина («Общество «Мемориал», Россия, Москва): «Национальные операции» в системе «большого террора» 1937–1938». В них указывалось, что по национальным операциям было осуждено около 350 тысяч человек (71% – к смертной казни), в том числе, по «польской линии» – 143 850 человек, по немецкой – 56 787. К «национальным операциям» были отнесены и репрессии против так называемых «харбинцев» – бывших служащих КВЖД (Манчжурия), которых причисляли к «японским шпионам» вне зависимости от их этнической принадлежности. Всего по этой линии было осуждено 48 133 человека.

зоне начали избавляться на западных, а затем на южных и восточных рубежах страны. Являлись ли депортации 1937–1938 гг. автономными операциями в рамках текущей депортационной политики государства или же частью общего разгула репрессий эпохи «большого террора»? П. М. Полян обратился к проблеме оценки общего числа депортированных в СССР. Он уточнил цифру (7 млн человек), названную в докладе А. Б. Рогинского. По данным профессора Поляна жертвами депортаций за всю историю насильственных переселений в СССР стали 6050 тыс.¹, или около 6200 тыс. человек. При этом, здесь может быть заложен двойной счет. Некоторые лица прошли и депортации, и ГУЛАГ.

Следовательно, эти цифры необходимо несколько уменьшить². После доклада П. М. Поляна развернулась дискуссия, коснувшаяся различных аспектов советской депортационной политики. В частности, вполне определенным был ответ автора доклада на вопрос о депортации казачьих станиц на Юге страны в 1932–1933 годах. Казачье население было насильственно переселено с исторических мест проживания по социально-политическим, а не этническому признаку.

Последним во второй половине дня прозвучал доклад Леннарта Самуэльсона (Стокгольмская школа экономики, Швеция, Стокгольм) на тему: «Роль «шарашек» в водовороте «большого террора». Автор доклада отметил, что в ходе «большого террора» было репрессировано значительное количество инженерно-технических специалистов из оборонной промышленности. Новый нарком внутренних дел СССР Л. Берия распорядился создать особое техническое бюро (ОТБ)З по примеру спецтюрем ОГПУ, существовавших при заводах в начале 1930-х годов. «Шарашки» занимались разработкой новой техники для армии и в короткие сроки, в 1940–1944 годы разработали целый ряд удачных самолетов, двигателей и кораблей. Роль «шарашек» в укреплении обороноспособности страны была очень важной. Л. Самуэльсон обратил внимание на то, что существование ОТБ реально спасло многих выдающихся конструкторов⁴, инженеров, со-

¹ Оценки, сделанные автором доклада в 2006 году.

² В докладе А.Б. Рогинского предлагалось скорректировать общие данные о репрессированных по политическим мотивам (5 млн человек) на 10%. Если экстраполировать такой подход (конечно же, условный) к количеству депортированных (максимально – 6 200 тыс. чел.), то получим цифру примерно в 5,5 млн человек. Уточнение данных, названных А.Б. Рогинским (11,5–12,5 млн репрессированных), не меняет общей печальной картины политического террора 1920–начала 1950-х годов. Речь, в любом случае, идет о 10 и более миллионах жертв репрессий и депортаций.

³ Особое техническое (или конструкторское) бюро (на жаргоне заключенных – «шарашка») впервые было создано в 1938 году при Управлении НКВД по Ленинградской области (примечание наше – С. К.).

⁴ Таких, например, как А. Н. Туполев, С. П. Королев, И. Т. Клейменов, В. М. Петляков, В. М. Мясисhev, Г. Э. Лангемак и др.

хранило жизнь ценным кадрам, работавшим не только с надеждой на амнистию, но и «с чувством ответственности перед Родиной».

Утреннее заседание третьего дня конференции было посвящено теме «НКВД: палач и жертва». Его вела модератор Кристиан Инграо (ИНТР). Прозвучало четыре доклада, затронувшие различные аспекты деятельности НКВД в условиях «большого террора». Ответы выступавших на заданные вопросы, а также состоявшаяся дискуссия позволили обратиться к теме морально-нравственной атмосферы, царившей в репрессивных органах в середине 1930-х годов. В докладе доктора исторических наук, профессора Пермского государственного технического университета О. Л. Лейбовича Россия, Пермь) «Персонал и повседневность НКВД» на материалах Приказа был дан анализ деятельности карательных органов в середине 1930-х годов. Автор акцентировал внимание на двух аспектах – деятельностном и институциональном. Первый касается изменения поведенческих стратегий местных репрессивных органов. Если в 1935–1936 годах их основные функции заключались в контроле над «бывшими людьми» и подавлении альтернативной политической активности, то весной – летом 1937 года они приступают к проведению массовых операций, сопровождаемых кадровыми чистками властных аппаратов. Второй – институциональный аспект характеризует изменение роли, которую играли территориальные отделения НКВД в системе местной власти. До 1937 года они составляли ее органический элемент. В период «большого террора» все резко изменилось. Разгром городских и районных кланов привел к тому, что карательный аппарат подчинил себе партийные, советские и хозяйственные органы власти. Под началом новых руководителей, пришедших на место репрессированных, территориальные органы НКВД приобрели дополнительный властный статус, взяли на себя несвойственные хозяйственные и социальные обязанности, с которыми справиться не умели. Институциональные перемены повлекли за собой разрушение системы внешнего контроля за деятельностью карательных органов¹, что привело к множеству злоупотреблений.

В данном случае под злоупотреблениями понимаются не только пытки, фальсификации, массовые беззакония, но и факты личного обогащения, воровства, хищений. Приводились примеры (В. Золотарев), когда у наркома внутренних дел УССР В. Балицкого в Киеве был свой особняк, зоопарк. В гостях у него бывали высокопоставленные партийные деятели (Постышев, Косиор). Не все в НКВД подлежали спецпроверкам (внутреннему контролю). Поэтому пример В. Балицкого или наркома внутренних дел СССР Г. Ягоды, у которого при аресте было изъято огромное количество дорогостоящих вещей, не исключение. Власть пресекала воровство высо-

¹ Прежде всего, со стороны партийных органов (примечание наше – С. К.).

копоставленных чиновников только тогда, когда отношение к ним кардинально менялось, они попадали в опалу. Участник дискуссии Н. В. Петров привел в этом отношении пример маршала Г. Жукова.

«Персонал НКВД в вихре репрессий: палачи и жертвы» – так назвал свой доклад Н. В. Петров (Общество «Мемориал», Россия, Москва). Он обратил внимание на алогичность массовых чисток среди чекистов, т. к. НКВД был непосредственным «рабочим органом» Сталина. Казалось, систему НКВД необходимо было укреплять, а не ослаблять репрессиями. Сталинский метод заключался в том, что чистки среди «наркомвнудельцев»¹ создали необходимую атмосферу страха, весомые стимулы для каждого сотрудника, готового к выполнению любых, даже самых чудовищных приказов, доказывая преданность системе. Тем самым, Сталин сделал НКВД более управляемым, а его сотрудников превратил в послушное орудие террора. Докладчик обратил внимание на шаткость положения чекистов. Осознание собственной обреченности делало их особо циничными, и при том вполне последовательными проводниками сталинских репрессий. Среди сотрудников НКВД практически не было сопротивления или недовольства террору.

На конференции был поднят вопрос о количестве репрессированных сотрудников НКВД. Л. Самуэльсон отметил, что в одном из высказываний Н. Ежова прозвучала цифра – 14 тысяч сотрудников было «вычищено» из НКВД в 1937–1938 годах. Н. В. Петров уточнил, что эти данные относятся ко всем категориям репрессированных – сотрудникам милиции, военнослужащим внутренних и пограничных войск и т. д. Собственно чекистов (служивших в органах госбезопасности) было репрессировано около 1800 человек из 25 тысяч².

Два доклада на конференции были посвящены чекистским кадрам Украины в период «большого террора». Вадим Золотарев (Харьковский университет, Украина, Харьков) в своем докладе попытался представить коллективный портрет руководящего состава НКВД УССР в 1936–1938 годах. Были названы особенности осуществления оперативного приказа НКВД СССР № 00447 в Украине. В частности, в республике были определены для репрессий 10 новых категорий «антисоветских элементов», которые отсутствовали в других регионах – посетители польских консульств, клерикалы, контрабандисты, жители приграничной полосы и др.

Доклад Сергея Богунова (Отраслевой государственный архив СБ Украины, Украина, Киев) был посвящен чисткам чекистских кадров в Украине в период «ежовщины» (сентябрь 1936–ноябрь 1938 гг.). На основе анализа

¹ Термин официальных документов 1930-х годов, часто встречавшийся в средствах массовой информации (примечание наше – С. К.).

² В литературе встречаются и другие оценки репрессий в отношении чекистов. С 1 октября 1936 по 1 января 1938 г. из 24 500 сотрудников Главного управления государственной безопасности НКВД СССР и его периферийных органов было арестовано 1 373 человека // Лубянка – 2. М., 1999. С. 204.

статистической отчетности НКВД УССР, были рассмотрены четыре волны репрессий в отношении украинских чекистов, осуществлявшихся при наркоматах внутренних дел УССР В. Балицком, И. Леплевском, А. Успенском, А. Кобулове¹. Автор доклада показал политические условия, причины, организационные механизмы, силы, средства исполнения и масштабы репрессий чекистов Украины. Что касается мотивации репрессий в НКВД, то по мнению С. Богунова, она была такой же как и в обществе в целом. Завершая доклад, автор заявил, что чекисты в 1930-е годы были инструментом и заложниками власти.

В. Золотарев и С. Богунов в ходе дискуссии обратились к вопросу о существовании «антисемитской логики» в НКВД². Было отмечено, что евреи играли «решающую роль» в НКВД УССР. Но их репрессировали не по этническому признаку, а по политическим мотивам, руководствуясь теми же соображениями, что и при уничтожении чекистов других национальностей.

Вопросы, задавшиеся докладчикам, полемика, возникавшая после ответов постоянно рождали новые сюжеты. Профессор О. Л. Лейбович, например, предложил следующую характеристику различных типов следователей периода «машинизированного истребительного конвейера» 1937–1938 годов: а) «наседки» – получение признания от подсудимых путем уговоров, хитростей, обмана; б) «писатели» – подготовка фальсифицированных протоколов; в) «колуны» – принуждение к «нужным» показаниям, иногда пытками, избиваниями, иногда с помощью приема «добрый следователь» – «злой следователь».

После небольшого перерыва, заседание конференции было продолжено. Его вел модератор Жан-Франсуа Сиринолли (Centre d'histoire de Sciences Po). Первым прозвучал доклад автора этих строк «Большой террор на Кубани»³. Необходимо отметить, что политические репрессии на Кубани приняли массовый характер задолго до лета 1937 года. В период коллективизации органами ОГПУ были «раскрыты» ряд «казачьих контрреволюционных» организаций, в которых якобы состояли крестьяне-единоличники. Последние представляли явную угрозу для власти в период создания колхозов и всеобщего обобществления. Пик репрессий на Кубани в эпоху «большого скачка» пришелся на конец 1932 г., когда по решению чрезвычайной комиссии ЦК ВКП(б), возглавляемой Л. М. Кагановичем, с территории

¹ А. З. Кобулов с 07.12.1938 по 02.09.1939 гг. являлся первым заместителем наркома внутренних дел УССР // *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999. С. 233–234.

² Вопрос А. Блюма.

³ Доклад был прочитан на французском языке. Необходимо отметить, что на конференции был прекрасно организован синхронный перевод докладов с французского на русский язык и наоборот. Все ученые из США, Германии, Швеции, Украины свои доклады произнесли на русском языке.

Северного Кавказа за «кулацкий саботаж» было депортировано население ряда казачьих станиц. На Кубани десятки станиц полностью или частично были выселены, депортациям подверглись более 60 тысяч человек¹. Голод 1933 года завершил картину разорения кубанских станиц, от которого они долго не могли оправиться. Начавшийся в конце 1920-х годов процесс разоблачения «повстанческих», «вредительских» и иных «антисоветских» организаций на Кубани продолжался до лета 1937 года. Непрерывающиеся политические репрессии объяснялись тем, что, по мнению властей, на Кубани со времен Гражданской войны тлел очаг контрреволюции.

В 1937–1938 гг., в ходе масштабного осуществления оперативного приказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов, в Краснодарском крае² были репрессированы по политическим мотивам десятки тысяч человек.

Репрессиям в Республике Коми посвятил свой доклад М. Б. Рогачев (Фонд «Покаяние», Россия, Сыктывкар). Особенностью «большого террора» в Республике Коми являлось то обстоятельство, что она в 1930-е годы была одним из основных регионов размещения исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) и спецпоселенцев. В 1931 г. был образован Ухто-Печорский ИТЛ, который по сравнению с другими лагерями, отличался наиболее высокой долей политических заключенных. Репрессии в республике проходили параллельно среди населения и спецпоселенцев, а также в лагерях. Причем в последних политический террор по своим масштабам был значительно выше.

Доктор исторических наук А. Ю. Ватлин (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва) выступил с докладом на тему: «Микроистория «большого террора»: деятельность низовых структур НКВД в 1937–1938 гг. (на примере Кунцевского района Московской области)»³. Он представил особый взгляд на историю сталинских репрессий – «взгляд снизу», с точки зрения их конкретных исполнителей на местах. По мнению автора доклада, сеть низовых структур НКВД по всей стране оказалась ключевым звеном, позволившим «вытянуть» контрольные цифры арестов и расстрелов, одобренные на самой вершине власти. Объектом исследования стала «маленькая Лубянка» в Московской области – отдел НКВД Кунцевского района. Именно здесь абсурдность государственного террора достигла своего абсолюта, торжествовал анкетный принцип и произвол слепого случая. А. Ю. Ватлин поставил вопрос о том, в какой степени «конвейер» репрессий был результатом давления сверху

¹ История Кубани XX век: Очерки. Краснодар, 1998. С. 103.

² В сентябре 1937 г. выделен из состава Азово-Черноморского края.

³ См. монографию автора: Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М., 2004.

и в какой — местным «ударничеством» и инициативой низовых звеньев политической полиции? Оперативный приказ № 00447 не всегда доводился до низовых работников НКВД в полном виде, что позволяло иметь свободу «творчества». Докладчик говорил о материальной, ментальной неподготовленности рядовых чекистов к исполнению указанного приказа с его супермасштабами по репрессированию «антисоветских элементов». Последнее утверждение в ходе дискуссии вызвало несогласие у ряда участников конференции. В частности, Н. В. Петров отметил, что кадры НКВД справились с задачами «большого террора». А мы добавим, что об этом говорит, прежде всего, количество жертв политических репрессий в 1937–1938 годах.

Последнее заседание конференции было посвящено обсуждению темы «Память о 1937 году». Его вел модератор Анри Руссо (ИНТР). В докладе А. Ю. Даниэля (Общество «Мемориал», Россия, Москва) «Память о «большом терроре» в России и других странах Восточной Европы» говорилось об осмыслении памяти о 1937–1938 гг. в советский период (официальные версии, диссидентский дискурс, семейная память), а также в постсоветское время. Автор обратил внимание на проблему национальной идентичности и на место памяти о политических репрессиях в общественном сознании российского общества и стран Восточной Европы. Были проанализированы и представлены типы конфликтов национальных образов прошлого в бывших социалистических странах Европы.

Марк Эли (Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве) выступил с докладом «Реабилитация жертв политических репрессий с момента смерти Сталина до наших дней». Его целью было выявить связи между политическими, судебными, административными и связанными с памятью процессами в истории реабилитации жертв репрессий, начиная с 1953 года. Автор доклада заявил, что вплоть до начала девяностых годов реабилитация была не столько ясной правовой нормой, сколько политическим лозунгом, смысл которого существенно менялся на протяжении 1950–2000-х годов. По мнению автора, правовая норма, служившая для пересмотра уголовных дел, не менялась между двадцатыми и девяностыми годами. Она не позволяла решить вопросы о делах миллионов жертв репрессий и удовлетворить тысячи прошений о восстановлении справедливости. Радикальные изменения произошли только с приходом М. Горбачева и запуском внесудебных процедур реабилитации. Президент России Б. Ельцин завершил эту эволюцию, подписав в 1991 году Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий», в котором впервые определялись административные и социальные последствия пересмотра дел¹.

¹ См.: Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» 18 октября 1991 г. // Реабилитация: как это было. Т. 3. Середина 80-х годов – 1991. М., 2004. С. 600–605.

Кати Русле (Sciences Po) представила доклад «Память Бутова» о подмосковном районе, где в 1937–1938 годах на полигоне, принадлежавшем НКВД, было расстреляно свыше 20 000 человек. Среди них много известных людей России – политические, религиозные деятели, ученые, полководцы, художники, писатели. В «святой... земле Бутова лежит целый народ – все его представители»¹. В докладе, в частности, говорилось о роли различных конфессий в религиозном «освоении» Бутова, о сложности и конфликтности этого процесса.

Два доклада на конференции были посвящены восприятию «большого террора» современными поколениями российских и украинских школьников. И. Л. Щербакова (Общество «Мемориал», Россия, Москва), с 1999 года бессменный Председатель Оргкомитета Конкурса исторических исследовательских работ для старшеклассников «Человек в истории. Россия XX век» остановилась на проблеме функционирования культурной памяти, оценки жертв и виновников террора и репрессий новыми российскими поколениями. Елена Радзивилл (Издательство «Гене́за», Украина, Киев) представила сравнительный анализ изложения массовых политических репрессий 1930-х годов в СССР в целом и Советской Украине в частности в украинских школьных учебниках первых лет независимости и самых последних изданиях.

Доклады сотрудников общества «Мемориал» Е. Б. Жемковой (Россия, Москва) и И. А. Флиге (Россия, Санкт-Петербург) были посвящены проблеме увековечения памяти о политическом терроре в СССР. Были названы формы увековечения памяти о жертвах политических репрессий (книги памяти, памятники, памятные знаки, мемориальные доски и др.), а также особенностях этого процесса в светском и религиозном, национальном и интернациональном аспектах.

С 2004 года Международное общество «Мемориал» утвердило программу «Некрополь ГУЛАГа», руководителем которой является И. А. Флиге, а исполнителем – Научно-информационный центр «Мемориал» (Санкт-Петербург). Автор доклада дала определение понятию «Некрополь ГУЛАГа» – это места массовых захоронений расстрелянных в ходе советского государственного террора, тюремные и лагерные кладбища, кладбища интернированных и спецпоселенцев, могилы ссыльных и др. И. А. Флиге остановилась на категориях тайных мест захоронений жертв политического террора, а также на местах захоронений, сведения о которых изначально могли не фиксироваться. Знание о тайных могилах выплеснулось и оказалось востребованным общественным сознанием в конце 1980–начале 1990-х годов. Но все они, за редким исключением, не были документально подтверждены и не имеют официального статуса. Не все из известных мест массовых захоронений репрессированных посещаемы и имеют памят-

¹ Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 1. М., 1997. С. 23.

ные знаки. К сожалению, в современной России отсутствует специфический статус мемориальных кладбищ, связанных с государственным террором в СССР. Нет и государственной программы, нацеленной на поиск и фиксацию мест захоронений жертв политических репрессий. Этой работой в настоящее время занимается упомянутая программа под руководством И. А. Флиге.

Итоги конференции подвел «круглый стол» под председательством модератора Владимира Береловича (CERCEC – EHESS, Женевский университет). Были отмечены новые проблемы, нерешенные вопросы в изучении «большого террора» в СССР.

Научная конференция в Париже показала, что интерес к проблеме массовых политических репрессий в Советском Союзе в современных развитых странах очень высок. Нельзя, к сожалению, сделать такой вывод относительно российского общества. Вспышка общественного интереса к теме «большого террора», политических репрессий, имевшая место в конце 1980–начале 1990-х годов в нашей стране, постепенно погасла. Однако, это не значит, что жертвы государственного террора и произвола забыты. Выход законов о реабилитации жертв политических репрессий и репрессированных народов, публикация Книга памяти жертв политических репрессий практически во всех субъектах Российской Федерации (с 2005 года в Краснодарском крае¹), увековечение памяти о погибших в годы террора в разных формах, изучение этих событий в средней и высшей школе – вот далеко не полный перечень того, что сделало государство и неправительственные организации, общество в целом за последние двадцать лет.

Однако масштабы преступлений коммунистического режима в нашей стране, к сожалению, таковы, что это лишь малая толика того, что предстоит сделать. Пока не будет названа последняя невинная жертва советского государственного террора, не выявлена последняя могила с останками репрессированных, не поставлен последний памятный знак, увековечивающий их память, работа не будет закончена. В какой-то степени это может служить гарантом от неповторения произвола и насилия в будущем и реализацией законного права любого человека на знание исторической правды о судьбах большой и малой Родины, своих родных и близких. Табуированная память – родная сестра бездуховности и безнравственности.

¹ Первый том «Книги памяти жертв политических репрессий Краснодарского края» вышел в 2005 году. В настоящее время к печати готовится второй том.

Перечень важнейших документов, регламентировавших проведение массовых репрессий в 1937–1938 гг.

Директива № 17089 о ликвидации эсеровских антисоветских формирований, 18 января 1937 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 653.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О процессе по делу Пятакова, Радека, Сокольников, Серебрякова и др.», 22 января 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / под ред. А. Н. Яковлева. М., 2004. с. 54–55.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О составе комиссии ЦК ВКП(б) по судебным делам», 23 января 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 55.

Доклад И. В. Сталина «О недостатках партийной работы и о мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников» на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), 3 марта 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 95–109.

Приказ НКВД СССР «О тюрьмах ГУГБ НКВД СССР», 15 марта 1937 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 638.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении положения об Особом Совещании, 8 апреля 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 126–127.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопрос НКВД» о выселении из Москвы, Ленинграда, Киева троцкистов, зиновьевцев и др., 23 мая 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 189–190.

Приказ Народного Комиссара Внутренних Дел СССР № 205 «Об организации трудколоний закрытого типа», 23 мая 1937 г. Опубликовано: Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / под ред. А. Н. Яковлева. М., 2002. С. 229.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о выселении семей троцкистов и правых, 8 июня 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 216.

Записка И. В. Сталина о высылке жен осужденных руководителей, 19 июня 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 226.

Циркуляр НКВД СССР № 46 об усилении агентурно-оперативной работы среди исключенных из партии, 26 июня 1937 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 642.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах», 2 июля 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 234–235.

Директива № 266 о проведении учета кулаков и уголовных элементов, июль 1937 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 644.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопрос НКВД», о заключении в лагерь жен осужденных изменников родины, 5 июля 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 238–239; Дети ГУЛАГа. С. 229–230.

Директива НКВД СССР № 57788 об оперативной работе по антисоветским тюрко-татарским националистическим организациям, 8 июля 1937 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 648.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопрос НКВД» об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах, 20 июля 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 250–251.

Оперативный приказ Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 00439 об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах, 25 июля 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 271–272.

Оперативный приказ Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов, 30 июля 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 273–281.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопрос НКВД» о реализации оперативного приказа № 00447, 31 июля 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 281–282.

Циркуляр Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 409 о репрессировании наиболее активных антисоветских элементов, 5 августа 1937 г. Упоминание: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 324.

Циркуляр Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 61 об усилении борьбы с грабителями и уголовниками-рецидивистами, 7 августа 1937 г. Упоминание: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». С. 324.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопрос НКВД» об утверждении приказа НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 г., 9 августа 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 299.

Оперативный приказ Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 00485 об операции по ликвидации диверсионно-шпионской рабо-

ты польской разведки, 11 августа 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 301–303. Упоминание: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». С. 324.

Закрытое письмо № 59098 о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР, 11 августа 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 303–321.

Оперативный приказ Народного Комиссара Внутренних Дел СССР № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины», 15 августа 1937 г. Опубликовано: Дети ГУЛАГа. С. 234–238.

Циркуляр Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 59190 о репрессировании наиболее активных контрреволюционных элементов из числа содержащихся в тюрьмах ГУГБ, 16 августа 1937 г. Упоминание: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». С. 324.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О корейцах» о выселении корейцев из Дальневосточного края, 21 августа 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 325–326.

Циркуляр НКВД СССР № 68 «Об иностранцах», 22 августа 1937 г. Упоминание: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». С. 324–325.

Записка Н. И. Ежова, А. Я. Вышинского И. В. Сталину и В. М. Молотову о расширении прав Особого Совещания, 4 сентября 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 336.

Шифртелеграмма № 1460/ш И.В. Сталина И.М. Варейкису, В.К. Блюхеру, г. С. Люшкову о выселении корейцев, 11 сентября 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 351–352.

Циркуляр НКВД СССР № 87 от 17 сентября 1937 г. о борьбе с авариями и катастрофами в частях ВВС. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 647.

Оперативный приказ № 00593 о мероприятиях в связи с террористической диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из так называемых харбинцев, 20 сентября 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 366–368.

Закрытое письмо «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев» от 20 сентября 1937 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 651.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О корейцах» о выселении корейцев из Дальневосточного края, 23 сентября 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 376.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об аресте баев и мулл, 21 октября 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 400–401.

Приказ НКВД СССР № 00698 об аресте перебежчиков, 23 октября 1937 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 656.

Приказ НКВД СССР № 00698 о консульских связях, 28 октября 1937 г. Упоминание: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». С. 325.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении руководителей особых троек, 2 ноября 1937 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 416–417.

Циркуляр НКВД СССР № 147 об оперативных мероприятиях по борьбе с диверсией на военных складах РККА, 21 ноября 1937 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 647.

Шифртелеграмма № 49990 об аресте всех латышей, подозреваемых в шпионаже, диверсии, антисоветской националистической работе, 30 ноября 1937 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 662.

Почтотелеграмма № 50125 о репрессировании греков, 11 декабря 1937 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 654.

Циркуляр Народного Комиссара Внутренних Дел СССР № 4 Народным Комиссарам союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей «О порядке выдачи на опеку родственникам детей, родители которых репрессированы», 7 января 1938 г. Опубликовано: Дети ГУЛАГа. С. 275–276.

Приказ Народного Комиссара Внутренних Дел СССР № 03 «О порядке направления несовершеннолетних в трудовые колонии из тюрем и приемников-распределителей», 9 января 1938 г. Опубликовано: Дети ГУЛАГа. С. 276–278.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об иранских гражданах, 19 января 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 464.

Директива Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 202 об арестах иранцев и иранских армян, 29 января 1938 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 654.

Директива № 202 о репрессиях против иранских граждан, 29 января 1938 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 654.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах» об утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии бывших кулаков, уголовников и активного антисоветского элемента, 31 января 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 467–468.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении репрессий среди населения по признаку национальной принадлежности, 31 января 1938 г.

Опубликован: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 468–469.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перебежчиках» об арестах всех перебежчиков, 31 января 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 469.

Директива НКВД СССР № 233 о проведении арестов по «национальным» линиям, 1 февраля 1938 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 503.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об иранских гражданах, 9 февраля 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 484.

Меморандум № 226 об использовании английской, германской и японской разведкой афганских разведывательных органов в работе против СССР, 9 февраля 1938 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 655.

Приказ Наркома Внутренних Дел СССР № 0058 «Об агентурно-оперативном обслуживании трудовых колоний НКВД для несовершеннолетних и приемников-распределителей», 11 февраля 1938 г. Опубликовано: Дети ГУЛАГа. С. 278–279.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о переселении китайцев с Дальнего Востока, 5 марта 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 498.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О кадрах оборонной промышленности», 23 марта 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 502.

Приказ Народного Комиссара Внутренних Дел СССР № 054 «О порядке вывода осужденных несовершеннолетних старше 16 лет из трудовых колоний НКВД в лагеря, тюрьмы и исправительно-трудовые колонии ГУЛАГА НКВД», 1 апреля 1938 г. Опубликовано: Дети ГУЛАГа. С. 282–283.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о согласовании с НКВД арестов, производимых НКВД, 29 апреля 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 527.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопрос НКВД» о продлении до 1 августа 1938 г. упрощенного порядка рассмотрения дел по национальным «линиям», 26 мая 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 538.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о переселении китайцев с Дальнего Востока, 10 июня 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 539–540.

Директива НКВД СССР № 1355 об увольнении из армии и флота военнослужащих иностранного происхождения, 17 июня 1938 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 659.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о создании особых троек, 15 сентября 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 549.

Приказ НКВД СССР № 00606 о порядке работы особых троек, 17 сентября 1938 г. Упоминание: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 661.

Циркуляр заместителя Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР Л. Берии № 189 «О разъяснении применения приказа 00606», 21 сентября 1938 г. Упоминание: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». С. 325.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о структуре НКВД СССР, 23 сентября 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 554–555.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», 8 октября 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 562.

Приказ Народного Комиссара Внутренних Дел СССР № 00689 об изменении приказа НКВД СССР № 00486 от 15 августа 1937 г., 17 октября 1938 г. Опубликовано: Дети ГУЛАГа. С. 307.

Спецсообщение № 109440 Н.И. Ежова и Л.П. Берии И.В. Сталину о досрочном освобождении из мест заключения китайских подданных, 4 ноября 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 602.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о переселении китайцев, 10 ноября 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 603.

Директива № П4384 ЦК ВКП(б) об учете и проверке в партийных органах ответственных сотрудников НКВД СССР, 14 ноября 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 604–606.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопрос прокуратуры СССР» о приостановлении рассмотрения дел в упрощенном порядке, 15 ноября 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 606.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», 17 ноября 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 607–611.

Приказ Наркома Внутренних Дел Союза ССР № 00762 о порядке осуществления постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г., 26 ноября 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 612–617.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов», 1 декабря 1938 г. Опубликовано: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 624–625.

Директива НКВД и Прокуратуры СССР № 2709 «Об отмене решения бывших троек НКВД», 26 декабря 1938 г. Упоминание: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». С. 326.

Приложение 5

Создание и первые годы деятельности общества «Мемориал»¹

Летом 1987 г. в Москве была создана инициативная группа (ИГ) «Памятник», позже получившая новое название – «Мемориал». Активисты ИГ выдвинули идею сооружения в столице мемориала жертвам политических репрессий (впервые она прозвучала в выступлении Н. С. Хрущева на XXII съезде партии) с архивом, исследовательским и просветительским центрами. Члены ИГ начали свою деятельность со сбора подписей на улицах Москвы под обращением о создании памятника. Так возникло движение, развившееся во всесоюзное добровольное историко – просветительское общество «Мемориал», насчитывающее сегодня тысячи членов и имеющее отделения (местные общества) примерно в 180 городах и других населенных пунктах страны. Из наиболее важных событий периода, предшествовавшего учредительной конференции общества (январь 1989 г.), отметим создание на основе опроса населения общественного совета «Мемориал», в который вошли А. Адамович, Ю. Афанасьев, Г. Бакланов, В. Быков, Д. Гранин, Е. Евтушенко, Б. Ельцин, Ю. Карякин, В. Коротич, Д. Лихачев, Р. Медведев, Б. Окуджава, Л. Разгон, А. Рыбаков, М. Ульянов, М. Шатров, большинство из которых стали народными депутатами СССР. В июне 1990 г. на II конференции «Мемориала» в общественный совет была введена Е. Боннэр. Первым президентом совета стал А. Д. Сахаров, сыгравший огромную роль в становлении общества и заложивший его нравственные принципы. В это же время был открыт счет № 700454 на сооружение мемориала (июль 1988 г.), впервые в СССР проведена Неделя совести (ноябрь 1988 г.), начали формироваться отделения, местные общества и ИГ в городах и районах страны. В Краснодаре ИГ «Мемориал» была создана в Кубанском университете в декабре 1988 г. Первой ее акцией стал сбор средств на строительство памятника жертвам репрессий. Сегодня образовано Краснодарское городское добровольное историко-просветительское общество «Мемориал», зарегистрированное горисполкомом в июле 1990 г.

В организационный период учредителями «Мемориала» становятся творческие Союзы архитекторов, художников, кинематографистов, театральных деятелей, дизайнеров, «Литературная газета» и «Огонек». В октябре 1988 г. в Москве состоялась подготовительная конференция

общества, на которой в острой полемике был обсужден, в частности, вопрос о том, какой период должна охватить деятельность «Мемориала»: с 1937 по 1953 год, с 1917 по настоящее время, либо другие временные отрезки. Необходимо отметить, что ни тогда, ни сейчас консенсуса по этому вопросу не достигнуто. Часть умеренно настроенных членов общества считает, что нужно изучать так называемый «сталинский период» советской истории. Правы они в том, что на 30–40-е годы приходится пик репрессий, которые унесли жизни миллионов советских людей. Однако политические репрессии начались в нашей стране после Октябрьской революции и не прекратились со смертью Сталина. Поэтому другая часть мемориальцев, притом не меньшая (к ней относится и автор этих строк), считает и доказывает это своими делами, что деятельность общества должна выходить за рамки изучения сталинских репрессий. Всего с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. в стране судебными и внесудебными органами за контрреволюционные преступления было осуждено 3 млн. 777 тыс. человек, в т. ч. к высшей мере наказания – 643 тыс.² Это без учета раскулаченных, депортированных и других категорий незаконно репрессированных граждан.

Еще один вопрос, по которому также не выработано единого мнения, это отношение к виновникам преступлений – следователям, секретным осведомителям и т. д., отправлявшим невинных людей на смерть и в лагеря. Многие бывшие репрессированные движимы справедливым гневом к соучастникам террора, негодуют, почему преступники (тут надо оговориться, что, конечно, не все сотрудники репрессивных органов поголовно были садистами, некоторые и в тех условиях сохранили человеческие качества, а многие, сыграв отведенную им роль, сами попали в кровавый маховик), живут во много раз лучше своих жертв. Многие требуют возмездия. «Мемориал» же добивается гражданского, нравственного осуждения таких лиц, лишения их пенсий и привилегий, отказываясь от идеи уголовного преследования. Достаточно крови в нашей несчастной стране.

Учредительная конференция «Мемориала» была открыта в конце января 1989 г. в ДК МАИ. На ней были приняты устав общества, резолюция, одобрены «Нравственные принципы» членства в «Мемориале», избраны правление, его сопредседатели, которыми стали Ю. Афанасьев, Ю. Карякин, А. Адамович (четвертый сопредседатель) С. Ковалев избран на II конференции в июне 1990 г.), ревизионная комиссия и рабочая коллегия. Запомнились выступления А. Сахарова, М. Ульянова, Е. Евтушенко, священника Глеба Якунина, слова А. Адамовича: «Мемориал» – это сближение людей через чувство отвращения к палачам и палачеству, через чувства сострадания и вины перед жертвами». В уставе были четко определены цели общества: сохранение и увековечение памяти о жертвах репрессий, оказание помощи пострадавшим от произвола и беззаконий, защита их интересов в государственных учреждениях и общественных организациях, создание в Москве, других городах и районах СССР мемориальных

комплексов и памятников жертвам политических репрессий, восстановление исторической правды о преступлениях тоталитаризма, о незаконных террористических методах управления государством, изучение их причин и следствий, содействие полной и гласной реабилитации жертв репрессий, активное участие в демократических преобразованиях.

Что же сделано всесоюзным обществом «Мемориал» за почти два года, прошедшие со дня учредительной конференции?

Создается картотека жертв репрессий (в нее вошла и известная коллекция Д. Юрасова, насчитывающая 200 тыс. карточек), собрано несколько десятков тысяч уникальных материалов, среди которых письма, свидетельства, дневники людей, прошедших через ГУЛАГ, составляющие основу архива «Мемориал», подготовлен альманах, в котором будут опубликованы мемуары, документы, аналитические статьи, связанные с проблемой политических репрессий, предполагается издание библиотеки общества. «Мемориалом» были организованы две крупные выставки, посвященные 50-летию подписания пакта Молотова–Рибентропа и трагедии Катynи, много сделано для издания в СССР произведений А. И. Солженицына.

Только в 1989 г. обществом было проведено около 500 вечеров, встреч, научных семинаров, более 30 митингов, из которых отметим участие мемориальцев в акциях, посвященных Дню политзаключенного в СССР. Как известно, 30 октября 1990 г. «Мемориал» совместно с Моссоветом в сквере у Политехнического музея на площади Дзержинского открыл первый в столице памятник миллионам жертв тоталитарного режима в виде камня, привезенного с Соловецких островов. В краевом центре накануне Дня политзаключенного была проведена встреча краснодарцев – бывших узников ГУЛАГа, на который создан оргкомитет по подготовке учредительной конференции ассоциации жертв политических репрессий.

Активно участвует «Мемориал» в правозащитной деятельности, сотрудничает в этой области с такими демократическими организациями и движениями, как «Московская трибуна», Московский народный фронт, Московское объединение избирателей, московская Хельсинская группа и некоторыми другими.

Большая работа проводится по оказанию помощи реабилитированным гражданам. По инициативе членов общества во многих городах приняты решения о льготах для жертв политического террора. В Краснодаре решение «О льготах для реабилитированных граждан, незаконно репрессированных в 30–40-е годы и начале 50-х годов» было принято на президиуме, а затем почти единогласно утверждено на сессии городского Совета народных депутатов в сентябре 1990 г. В краевом центре такими льготами (бесплатный проезд в городском пассажирском транспорте, 50-процентная скидка на стоимость лекарств, квартплату и оплату коммунальных услуг и др.) смогут пользоваться более 90 реабилитированных и их вдовы³. Депутаты горсовета обратились к своим коллегам из краевого Совета с

просьбой рассмотреть данный вопрос и принять аналогичное решение. В настоящее время положительно решается вопрос о прикреплении бывших репрессированных, проживающих в Краснодаре, к краевой поликлинике ветеранов войны и труда.

Наряду с определенными позитивными результатами в работе «Мемориала» много трудностей. До сих пор всесоюзное общество не зарегистрировано, что создает немалые препятствия для нормальной просветительской, издательской, финансовой, хозяйственной деятельности и работы в других сферах. Есть сложности и иного характера, связанные, в частности, с усилившимся оттоком молодежи, ликвидацией некоторых местных обществ (об этом говорилось на II конференции в июне 1990 г.). Объясняется это прежде всего тем, что «Мемориал» (фактически первая в стране неформально созданная организация такого масштаба) послужил своеобразным трамплином для ряда движений и партий. По мере расширения возможностей для активной общественной деятельности некоторые члены «Мемориала», разделявшие его основополагающие гуманистические и демократические принципы, предпочли занятие более активной политической деятельностью (и это, безусловно, их право) под другими знаменами.

Одним из самых сложных направлений работы является поиск тайных захоронений жертв репрессий. В рабочей коллегии всесоюзного общества этой деятельностью руководит журналист А. Мильчаков. Ему и его коллегам только в Москве удалось обнаружить не менее 12 могильников, тающих в себе прах тысяч и тысяч жертв политического террора. Уже обследованы захоронения на Донском и Калитниковском кладбищах, в роще близ Алтуфьевского шоссе, где покоятся останки строителей канала «Москва–Волга». На Рогожском кладбище обнаружены захоронения трехсот высших командиров Красной Армии, расстрелянных в октябре 1941 г. (в это время под Москвой, быть может, решалась судьба страны!), когда центральный аппарат НКВД, эвакуируясь в Куйбышев, не нашел места в товарняках для подследственных комбригов и комдивов. Одна из последних «находок» – захоронение в насыпи Новоспасского монастыря в центре Москвы. Здесь покоится прах многих тысяч деятелей международного коммунистического и рабочего движения, расстрелянных в 30-е годы⁴. Среди них – политический секретарь ЦК КПЮ Милан Горкич, Филипп Филиппович, Джура Маркович, Владимир Чопич, трое из четверых братьев Вуевич, работавших в Коминтерне; 9 членов Политбюро ЦК Польской Компартии (которая, кстати, была распущена Сталиным как ревизионистская), в том числе Адольф Варский – Варшавский, имя которого носит судовой верфь в Гданьске, редактор журнала «Коммунистический интернационал» Генрих Валецкий; венгр Бела Кун; секретарь ЦК КП Румынии Доброджану; члены ЦК Компартии Германии и многие другие. До 1963 г. в церкви Новоспасского монастыря находился секретный архив НКВД–МГБ–КГБ. Назван-

ные захоронения в Москве, Куропаты под Минском, Быковня под Киевом, могильники в Ленинграде, Челябинске, Архангельске, Курске, Колпашево, Томской области, Хабаровске и других городах не говоря уже о Магадане, Норильске и Воркуте) – факты не единичные. Масштабы террора 30–40-х годов позволяют сделать выводы о наличии массовых захоронений во всех крупных городах страны (центрах областей и краев, где находились управления НКВД) или их пригородах. Имеются они и в Краснодаре. Членам общества «Мемориал» известны такие захоронения на Всесвятском историческом (ул. Северная, 271а) и старом еврейском (угол улиц Бабушкина и Котовского) кладбищах. Сейчас обнаружены новые свидетели, подтверждающие, в частности, факты массовых захоронений репрессированных со следами насильственной смерти во второй половине 30-х годов в Г-образной траншее на старом еврейском кладбище и разрушения этого могильника в 70-е годы во время строительства краевого электроэнергетического объединения (ул. Котовского, 76/2).

Для того чтобы увековечить память репрессированных, выяснить масштабы политического террора в городе и крае, дать возможность родственникам приходить на могилы расстрелянных и растерзанных, проверить все версии и свидетельства, необходимо создать компетентную комиссию по розыску и установлению мест захоронения жертв репрессий, куда могли бы войти представители УКГБ, прокуратуры, судмедэкспертизы, общества «Мемориал», краеведы, археологи, историки.

Есть и еще одно направление, где могли бы быть соединены усилия органов КГБ, прокуратуры и «Мемориала». Это публикация списков реабилитированных граждан. Известно, какая большая работа по возвращению из небытия имен репрессированных была проведена после XX съезда КПСС. Сейчас она продолжена. В 1988–1989 гг. и первой половине 1990 г. в стране было реабилитировано около 1 млн. человек⁵. Управлением КГБ СССР по Краснодарскому краю во взаимодействии с органами прокуратуры и суда за это время честные имена были возвращены более сорока двум тысячам человек⁶.

Необходимо начать публикацию списка (мартиролога) реабилитированных кубанцев⁷. Их имена должны знать не только близкие родственники, получающие лишь справку о реабилитации с крайне скупymi сведениями, но и знакомые, соседи, наконец, все жители города, района или станицы. Прецеденты таких публикаций уже есть. Например, в газете «Вечерний Ленинград» с января 1990 г. начата публикация «Списка реабилитированных граждан, осужденных к высшей мере наказания и расстрелянных в городе Ленинграде». При невозможности публикации по техническим или иным причинам такого списка в краевой печати можно было бы издать его отдельной брошюрой.

Два названных направления – установление мест захоронения и обнаружение имен реабилитированных – дела реальные и вполне конкрет-

ные, и будем надеяться, что УКГБ, представители которого неоднократно выражали готовность к сотрудничеству с «Мемориалом», сделает шаг навстречу. Мемориальцы смогли бы помочь в переписке, копировании заключений по реабилитации необоснованно репрессированных граждан, выполнить любую другую работу.

И наконец, память невинных жертв тоталитаризма обязательно должна быть увековечена в мемориалах, памятниках, обелисках, барельефах, которые уже поднимаются по всей стране.

Однако память о невинных жертвах политических репрессий должна быть увековечена не только в камне и металле. Главное – это память в сердцах, это знание всей правды – без изъяснов! – о нашем прошлом, это последний долг усопшим, который мы обязаны отдать, и помощь немногим оставшимся в живых. Главное, чтобы были досконально исследованы причины, истоки и все формы проявления тоталитаризма в нашем обществе, извлечены уроки из антидемократических методов управления государством и осмыслены масштабы преступлений против человека и человечности.

Примечания

¹ Статья была написана и опубликована в конце 1990 года. В 1992 г. в текст статьи были вписаны небольшие уточнения.

² *Земсков В. Н.* Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспекта /История СССР. 1991. № 5. С. 152–153.

³ По неполным данным, по Краснодару на декабрь 1993 г. учтено более 300 реабилитированных и их вдов.

⁴ «Мемориал» – знакомый незнакомец //Перспективы. 1990. № 9. С. 42.

⁵ Комсомольская правда. 1990. 6 июня.

⁶ На декабрь 1992 г. было реабилитировано более 44 тысяч человека /Краснодарские известия. 1992 г. 19 декабря

⁷ Такие списки начали публиковаться более чем через год – с февраля 1992 г. – в газете «Кубанские новости».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авторханов А., 86
Агурский М., 86
Адамова-Слюзберг О., 91
Адамович А., 182
Аксенов В., 88
Алаторцева А., 112
Алексеев В. В., 105, 117
Алексеев Ю., 105
Андреев Е. М., 117
Андроников В. М., 117
Антонов-Овсенко А., 105, 106, 108,
109, 144
Анфилов А., 7
Араловец Н. А., 117
Астафьев В., 123
Афанасьев Ю., 102, 103, 182, 183, 185
- Бабенышев А. П., 86, 87, 110
Багдасарян В. Э., 137
Бакланов Г., 182
Балицкий В., 171
Бела Кун, 185
Белова А. В., 84
Бердинский В. А., 135
Бердяев Н., 55
Берелович В., 175
Берия Л. П., 21, 48, 57, 66, 140, 168
Блюм А., 9
Богораз Л., 89
Богунув С., 170, 171
Бокштейн И., 78
Болтин Е., 123
Боннэр Е., 97, 182
Брежнев Л. И., 40, 82, 91, 103, 141
Бугай Н. Ф., 105, 107, 128, 131, 134,
135
Буденный С. М., 40
Буланин, 55
Булгаков М., 88, 100
Буриков П. Д., 117
Бурлацкий Ф., 103
Бухарин Н., 54, 100, 102
Быков В., 182
- Валецкий Г., 185
- Васильева М. М., 47
Ватлин А. Ю., 130, 136, 172
Вербицкая О. М., 117
Вересов Д., 86
Верт Н., 9, 163
Витковский Д., 90
Вишневский А. Г., 103
Владимов Г., 88
Войнович В., 88
Волков О., 74
Волгогонов Д. А., 33, 105, 107, 110
Волобуев П., 112
Волошина В., 40
Ворошилов К. Е., 25
Восленский М., 86, 110
Востоков Л. А., 22
Вышинский А. Я., 52, 53, 57
- Гаврилов П. М., 38
Галансков Ю. Т., 78
Гареев М., 7, 114, 123
Геллер М., 105
Геллер Ю., 7, 123
Гефтер М., 89, 103
Гинзбург А. И., 78
Гинзбург Е., 90
Горбатов А. В., 76
Горбач Г. Ф., 17
Горбачёв М. С., 6, 59, 97, 98, 99, 100,
101, 113, 114, 115, 142, 173
Горкич М., 185
Гранин Д., 182
Григоренко П. Р., 79, 90
Гриссе М., 166
Гроссман В., 100
Гуркин В. В., 113, 117
Гущин Н. Я., 117
- Даниэль А. Ю., 20, 21, 24, 78, 84, 87,
89, 130, 131, 175
Дарский Л. Е., 117
Дашичев В., 123
Дейчер И., 110
Джуха И. Г., 131, 133
Дмитриев Д. М., 15

- Доброджану, 185
 Довженко А., 30
 Дугин А. Н., 105, 107, 110
 Дунаевский В., 112
 Дюллэн С., 166, 167
 Дядькин И. Г., 89, 90
- Евтушенко Е., 182, 183
 Ежов Н. И., 13, 15, 17, 18, 21, 25, 44,
 48, 50, 51, 52, 56, 57, 69, 70, 109,
 140, 163, 170, 178, 181
 Ельцин Б. Н., 97, 100, 102, 173, 182
 Ефремов М. Г., 40
- Жемкова Е. Б., 176
 Жиромская В. Б., 8, 26, 107, 117, 129
 Жуков Г. К., 30, 40, 170
- Замятин М., 88
 Земсков В. Н., 8, 105, 106, 107, 108,
 109, 117, 128, 129, 131, 134, 135,
 136, 142, 187
 Зиновьев А., 53, 88
 Зиновьев Г., 102
 Золотарев В., 123, 169, 170, 171
- Инграо К., 169
 Ионцев В. А., 117
 Исупов В. А., 8, 117, 129, 130, 142
- Каганович Л. М., 25, 48, 51, 57, 66,
 67, 68, 69, 140, 141, 171
 Калинин М. И., 51, 52, 56
 Каменев Л., 53, 102
 Кан А. С., 137
 Кардин Э., 123
 Карякин Ю., 103, 182, 183
 Кваша А., 103, 104
 Кёстлер А., 110
 Кип Дж., 138
 Киров С. М., 45, 69
 Клочков В. Г., 35
 Кобулов А., 171
 Ковалев С., 183
 Кожин В., 7
 Кокто Ж., 42
 Кондратьев В., 6
 Конквест Р., 43, 110
- Копелев Л., 88
 Корнилов Г. Е., 117
 Коротич В., 182
 Космодемьянская З., 32, 36, 40
 Коэн С., 110
 Красильников С. А., 164
 Кривошеев Г. Ф., 7, 117, 120
 Кропачев С. А., 11, 19, 28, 62, 130,
 132, 136, 145
 Круглов А. И., 117
 Круглов С. Н., 109
 Крыленко Н. В., 48, 57
 Кузнецов Э., 78
 Кулиш В., 112, 123
 Куманев Г., 123
 Курганов И., 86, 105, 106, 142
 Курицын В., 22, 105
 Куценко Г. П., 105
- Ларин И. И., 33
 Лебедев В. С., 76
 Лейбович О. Л., 169, 171
 Ленин В. И., 101
 Леплевский И., 163
 Лигачев Е., 100
 Литвин А., 138
 Лихачев Д., 182
 Лобов В. Н., 120
 Луцев Н. И., 119
 Лысков Д., 8
 Любимов Ю., 88
 Люшков Г. С., 15, 178
 Лященко Н. Г., 32
- Максудов С., 86, 87, 89, 105, 110,
 116, 117, 128, 142
 Малиновский Р. Я., 33
 Маркович Д., 185
 Мартиросян А., 8
 Маслов Н., 112
 Матросов А., 34, 35, 36
 Медведев Д. А., 5, 6, 7, 8
 Медведев Р. А., 7, 79, 105, 106, 108,
 110, 114, 116, 128, 142, 143,
 182
 Мельгунов С., 86
 Мерцалов А. Н., 6, 7, 8, 31, 112, 122,
 123

- Мерцалов Л. А., 6, 7, 8, 31, 87, 123
 Микоян А. И., 50
 Мильчаков А., 185
 Михалёв С. Н., 117, 122, 123
 Моисеев М. А., 114, 115, 119
 Молоствов М. М., 78
 Молотов В. М., 17, 25, 48, 51, 52, 57,
 66, 67, 68, 69, 140
 Морозов С. Д., 117
- Некрасов В., 105**
 Некрич А. М., 59, 83, 84, 105, 141,
 142
 Некс А., 46
 Нерар Ф.-К., 165
 Николаевский Б., 86, 110
 Новиков А. И., 38
- Окуджава Б., 182**
 Орлова Р., 88
 Орлов Ю., 97
 Осипов В., 78
 Охотин Н., 133
- Павленко Н., 112, 123**
 Панфилов И. В., 35
 Пастернак Б., 100
 Первышин В. Г., 7, 115, 119, 121, 122,
 124
 Петров Н. В., 23, 51, 170, 171, 173
 Платонов А., 88, 100
 Поляков Л. Е., 96, 116
 Поляков Ю. А., 8, 106, 116, 117, 127,
 144
 Полян П. М., 8, 41, 117, 135, 162,
 167, 168
 Попов Г. Х., 99
 Поспелов П. Н., 67
 Пронько В. А., 117
 Путин В. В., 105
 Путне В. К., 75
 Пятаков Ю., 102
- Радек К., 102**
 Радзивилл Е., 174
 Разгон Л. Э., 105, 108, 182
 Раковский Х., 100
 Рапорт В., 105
 Ржешевский О., 7, 123
- Риттерспорн Г., 164
 Рогачев М. Б., 172
 Рогинский А. Б., 20, 21, 23, 24, 89,
 130, 162
 Родионов Е. И., 117
 Рубинштейн Н. Л., 47
 Русле К., 174
 Руссо А., 173
 Рыбаков А., 100, 182
 Рыков А., 100, 102
- Самсонов А. М., 94, 102, 113, 123**
 Самуэльсон Л., 130, 168, 170
 Сафир В. М., 122, 123
 Сахаров А. Д., 98, 100, 102, 103, 182,
 183
 Секистов В., 123
 Семиряга М., 112
 Симонов К., 38
 Синявский А., 84, 87
 Сиринелли Ж.-Ф., 171
 Сироткин В., 103
 Смирнов С. С., 38
 Смирнов Ю., 36
 Соколов Б. В., 7, 115, 116, 117, 122,
 123, 124
 Солженицын А. И., 7, 76, 77, 78, 88,
 90, 104, 105, 108, 114, 186
 Солженицына Н., 105
 Сталин И. В., 6, 8, 12, 13, 14, 15, 17,
 18, 21, 25, 30, 31, 32, 33, 34, 38,
 43, 44, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 56,
 57, 58, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66,
 67, 68, 69, 70, 103, 109, 140, 141,
 143, 165, 166, 167, 170, 173
- Сувениров О., 8, 123
 Суворов В., 7, 8, 127, 144
 Суслов М. А., 72
- Тарсис В., 88**
 Твардовский А. Т., 76, 77
 Тодорский А. И., 74
 Толмачева А. В., 122
 Троцкий, 52
 Тухачевский М. Н., 13, 76
- Уборевич И. П., 13**
 Ульрих В., 19
 Ульянов М., 182, 183

Урланис Б. Ц., 82, 94
Успенский А., 163

Фейхтвангер Л., 46
Фельштинский Ю., 86, 110
Филимошин М. В., 117
Филиппович Ф., 185
Флиге И. А., 174, 175

Харькова Т. Л., 117
Хаскли Ю., 110
Хаустов В. Н., 8, 165
Хлевнюк О. В., 8, 105, 112, 113, 137
Хрущёв Н. С., 38, 59, 66, 67, 68, 69,
70, 72, 76, 78, 79, 80, 81, 83, 84,
101, 103, 141

Цаплин В., 105

Чадаев Я. Е., 85
Черненко К. У., 97
Черчилль У., 30
Чопич В., 185

Шаббаев А. А., 117
Шаламов В., 74, 90, 100
Шаповал Ю., 163, 164
Шатров М., 182
Шатуновская О., 108
Шевяков А. А., 117
Шестаков А. В., 53
Ширер Дэвид Р., 166
Штеменко С. М., 93
Щербаков И. Л., 174

Эли М., 173
Эрландер Т., 81

Ягода Г., 55
Язов Д. Т., 120
Якир И. Э., 13, 75
Яковлев А. Н., 97, 120, 126
Яковлев Б., 86
Якунин Г., 183

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
1. Итоги «Большого террора» и Великой Отечественной войны	12
1.1. Массовые репрессии в 1937–1938 годах: причины, масштаб, последствия	12
1.2. Погибшие на войне в официальной и народной памяти	29
2. Масштабы политических репрессий и потерь СССР в войне в зеркале исследований сталинского периода	43
2.1. Публикации о «большом терроре» и его жертвах как составная часть советской пропаганды	43
2.2. Отражение последствий Великой Отечественной войны в работах военных и послевоенных лет	58
3. Анализ итогов государственного террора и войны в отечественных публикациях середины 1950-х–середины 1980-х годов	66
3.1. Влияние «оттепели» на изменение взглядов о потерях в 1937–1945 годах	66
3.2. Особенности изучения демографических проблем предвоенного и военного времени в годы героизации советского прошлого	83
4. Новейшая отечественная историография о демографических катастрофах кануна и периода войны	97
4.1. Масштабы потерь в дискуссиях реформенного времени	97
4.2. Постсоветские публикации о терроре и войне: поиск истины	116
4.3. Исследования 2000-х годов: некоторые итоги	128
Заключение	140
Библиография	147
Приложения	159
Указатель имен	188

Сергей Александрович Кропачев

Родился 7 июня 1958 года в городе Краснодаре. Кандидат исторических наук, доцент. Председатель Правления Краснодарского краевого отделения Российского общества «Мемориал». Специалист по отечественной истории и историографии 1930 – 1940-х годов. Заслуженный учитель Кубани. Автор книг «Большой террор на Кубани» (1993), «Хроника коммунистического террора». Ч. 1,2 (1995, 1998), «Десять лет, изменившие страну» (2006), «Масштабы демографических потерь СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов», (2010). Публиковался в журналах «Российская история», «Военно-исторический архив», «Social Sciences» (США, Миннеаполис), «Человек. Сообщество. Управление», «Голос минувшего» и др.

Монография посвящена анализу отечественной историографии масштабов массовых политических репрессий в 1937 – 1938 годах и потерь СССР в период Великой Отечественной войны. Имея разные причины возникновения, эти события привели к невосполнимым людским утратам, гибели миллионов соотечественников, негативным экономическим, социальным, культурным, ментальным последствиям. За более чем семьдесят лет отечественная историография столь сложных и «острых» тем прошла несколько этапов. Автор рассматривает взгляды отечественных историков на проблему советского, перестроечного и постсоветского (российского) периодов, от первых публикаций второй половины 1930-х годов до новейших исследований. Историографический анализ представлен на широком фоне исторических событий.